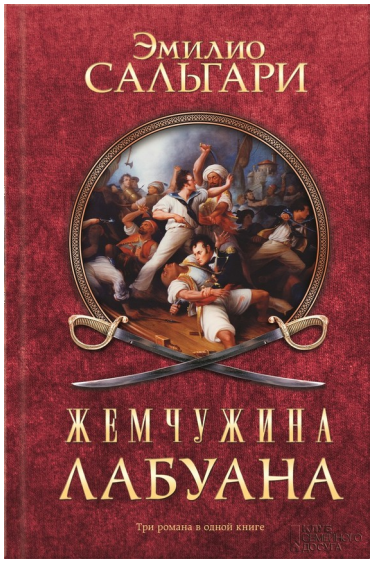
Эмилио
САЛЬГАРИ
ЖЕМЧУЖИНА
ЛАБУАНА
Три романа в одной книге

Эмилио Сальгари

Жемчужина Лабуана (сборник)

Серия «Пираты Малайзии – Сандокан»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17277591
Сальгари Э. Жемчужина Лабуана : романы: Клуб семейного досуга; Харьков, Белгород; 2016
ISBN 978-617-12-0086-9, 978-5-9910-3418-0

Аннотация

Наследник престола Сандокан стал морским разбойником, чтобы отомстить иноземцам за то, что убили его семью и поработили его народ. Смелый и благородный воин, не знающий поражений, стал грозой восточных морей. Но каждую ночь во сне он видит золотоволосую девушку – и отправляется в логово своих врагов, на остров Лабуан. Его влечет самая драгоценная жемчужина острова – красавица Марианна, племянница губернатора.

Также в книгу вошли романы «Пираты Малайзии» и «Два тигра» – продолжение приключений принца Сандокана.

Содержание

Жемчужина Лабуана 5
Глава I 5
Глава II 9
Глава III 14
Глава IV 16
Глава V 22
Глава VI 25
Глава VII 29
Глава VIII 33
Глава IX 37
Глава X 41
Глава XI 44
Глава XII 50
Глава XIII 54
Глава XIV 57
Глава XV 60
Глава XVI 64
Глава XVII 73
Глава XVIII 78
Глава XIX 84
Глава XX 88
Глава XXI 92
Глава XXII 98
Глава XXIII 103
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Эмилио Сальгари
Жемчужина Лабуана (сборник)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию «I pirati della Malesia», di Emilio Salgari; Carroccio Editore; Bologna, 1964

© DepositPhotos.com / sellingpix, kunz, обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Жемчужина Лабуана

Глава I
Пираты Момпрачема

Всю ночь над островом Момпрачем 20 декабря 1849 года бушевал неистовый ураган.

Черные облака, будто лошади, сорвавшиеся с привязи, неслись в темных небесах. Яростный ветер, казалось, с каждой минутой усиливается и усиливается. Бурный тропический ливень обрушивал на остров потоки воды. Шторм, бушующий третьи сутки, с пушечным гулом разбивал чудовищные волны о его каменистые берега.

Этот островок, лежащий в нескольких сотнях миль от западных берегов Борнео, известного также как Калимантан, имел дурную славу убежища грозных пиратов. Неудивительно, что он пользовался дурной славой у моряков. Но сейчас он казался необитаемым. Ни в хижинах, что прятались от гнева стихии под сенью огромных деревьев, ни на судах, замерших на якоре посреди бухты, ни в темных рощах, окруживших поселение пиратов, не было видно ни огонька. Лишь на восточном мысу, скалистой оконечности острова, выдававшемся далеко в море, мерцали две точки – два ярко освещенных окна.

В доме, одиноко стоявшем среди полуразрушенных укреплений, в одиночестве сидел у стола мужчина. Самый глухой час ночи, казалось, был для него ничем не хуже светлого дня. Это был человек лет тридцати, смуглокожий, с лицом энергичным и мужественным, исполненным восточной, чуть суровой красоты. Его черные, как смоль, вьющиеся волосы длинными прядями падали на плечи, коротко подстриженная борода подчеркивала слегка впалые щеки, а крутые брови, точно две арки, подпирали высокий лоб, выдавая недюжинную смелость и отвагу.

Справа у стены стоял турецкий диван, а напротив – заваленная нотами старинная фисгармония. Повсюду были развешаны и в беспорядке разбросаны редкие и немыслимой ценности вещи: старинные картины, принадлежавшие кисти известных мастеров, древние фолианты в кожаных переплетах, сверкающий хрусталь и тончайший фарфор. В углах пылились шкафы из черного и красного дерева. Их полки ломились от ларцов и шкатулок, золотых и серебряных ваз – в любой из них можно было в избытке найти жемчужные ожерелья, бриллиантовые подвески, старинные камеи, кольца и браслеты с драгоценными камнями. Все это переливалось в свете лампы, вспыхивая мириадами искорок и бликов всех цветов.

Подле дивана на длинном столе были разложены карты и лоции, навигационные приборы и подзорные трубы. А над диваном стена была увешана разнообразным оружием, холодным и огнестрельным, всех стран и времен. Здесь можно было найти дамасские клинки и разнообразные кинжалы, сабли в драгоценных изысканных ножнах и старинные пистолеты. Картину довершали карабины новейших систем.

Человек, сидевший у стола, был погружен в глубочайшую задумчивость. Казалось, он не видит и не слышит ничего. Он сидел так уже долго, не меняя положения. Наконец резкий удар грома, потряс до самого основания весь дом и вывел незнакомца из задумчивости. Он быстро встал, отбросил назад волосы и прошелся по комнате, бесшумно попирая остроносыми сапогами драгоценные ковры.

– Полночь… – пробормотал он. – Идут пятые сутки, а Янес все не возвращается.

Он поднял бокал с вином, медленно выпил его и задумчиво подошел к фисгармонии. Прошелся нервными пальцами по клавиатуре, извлекая низкие, мрачно звучавшие звуки, и тут же оборвал мелодию. Несколько последних нот утонули в завываниях ветра и шуме бури.

Вдруг он повернул голову и прислушался к чему-то: похоже за этим шумом снаружи, за стенами дома, он уловил какой-то долгожданный звук. Потом набросил плащ и вышел в бурю. Широко и уверенно шагая, он прошел вдоль укреплений и остановился на самом краю скалы, в подножье которой неистово билось бушующее море. Ветер трепал его волосы, дождь потокам и стекал по лицу, но он стоял неподвижно, как скалистый мыс у него под ногами, и жадно вдыхал порывы бури, устремив взгляд в темноту.

Короткая вспышка молнии на миг осветила морскую даль. Черноволосый незнакомец увидел суденышко, которое входило в бухту, лавируя среди кораблей, стоявших на якоре.

– Это Янес, – его голос выдавал с трудом скрываемое волнение. – Наконец! Пора…

Четверть часа спустя человек в широком плаще с капюшоном, с которого ручьями стекала вода, решительно распахнул дверь. Мы уже видели, как нетерпеливо его ждал хозяин этого странного дома.

– Здравствуй, Сандокан! – сказал он с чуть заметным португальским акцентом, сбрасывая плащ и снимая с плеча спрятанный под ним карабин. – Брр! Какая адская ночь!

– Да, дорогой Янес, – улыбаясь, ответил хозяин. – Я уже начал беспокоиться за тебя.

Он наполнил вином два хрустальных бокала и протянул один из них Янесу.

– Выпей, друг мой!

– За твое здоровье, Сандокан.

– За твое.

Они опрокинули бокалы и уселись за стол напротив друг друга.

Янес был несколько старше своего товарища: тридцати трех или тридцати четырех лет. Среднего роста, хоть и крепкого сложения, он не привлек бы к себе особого внимания, если бы не острый взгляд глубоко посаженных серых глаз. Это в сочетании с волевым подбородком и плотно сжатыми губами указывало на сильный характер. Сразу же становилось ясно, что человек этот много пережил и многое в своей жизни повидал.

– Ну, Янес, – с нетерпением спросил Сандокан, – ты видел эту девушку?

– Нет, но многое о ней узнал.

– Ты не высаживался на Лабуан?

– Я все время кружил поблизости. Но ты же понимаешь, что на берег, охраняемый английскими канонерками, мало подходит для высадки людей нашего сорта.

Сандокан невесело усмехнулся другу.

– Расскажи мне о девушке. Кто она?

– О ней говорят, что это она необыкновенно красива: волосы светлые, как золото, глаза голубые, как море, а лицо так прекрасно, что способно околдовать любого. К тому же она очень умна, и у нее очень приятный голос – когда она начинает петь, местные жители приходят под ее окна, чтобы послушать. Говорят, что она к тому же очень добра… Одним словом, души в ней не чают.

– Кто она, чья дочь?

– Одни говорят, что дочь какого-то колониста, другие называют английского лорда, а третьи уверяют, что она родственница губернатора Лабуана. Но толком я разведать этого не смог.

– Странно, странно… – пробормотал Сандокан, прижав руку ко лбу.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Янес.

Но Сандокан не ответил. Он решительно поднялся, подошел к фисгармонии и пробежал пальцами по клавишам – его охватило нешуточное волнение. Зазвучала музыка, столь порывистая и страстная, что заглушила ненависть стихии за окнами.

Янес, взглянув на него, ограничился лишь тонкой улыбкой. Он взял со стола бокал и с видом уставшего человека откинулся в кресле, смакуя драгоценное вино. Но Сандокан не

дал ему сделать и пары глотков: он вернулся к столу и хлопнул по нему ладонью так яростно, что бокалы зазвенели на нем, а сам стол покачнулся.

Это был совсем не тот человек, что минуту назад стоял перед Янесом: теперь его лоб был нахмурен, губы крепко сжаты, глаза, казалось, излучают яростный свет. Но именно таким его и знали все пираты Момпрачема, пираты, которые уже десять лет подряд с удовольствием называли его своим предводителем.

Множество кораблей исчезло за эти годы у берегов Малайзии, множество сокровищ перекочевало из их трюмов на Момпрачем. Это был человек, чья необычайная храбрость и отвага снискали ему прозвище Тигра Малайзии.

– Янес! – в голосе Тигра сейчас звенел металл. – Что делают англичане на Лабуане?

– Укрепляются, – спокойно отвечал португалец.

– Они замышляют что-то против меня?

– Думаю, что да.

– Ну что ж, пусть только сунутся в мой Момпрачем! Я покажу им, что значит приблизиться к логову Тигра. Он, клянусь, уничтожит их всех до последнего и выпьет их кровь. Что они говорят обо мне?

– Что пора покончить с этим дерзким пиратом.

– Они очень ненавидят меня?

– Они согласились бы потерять все свои корабли, лишь бы поймать тебя и повесить.

– Ах так!

– А что же ты ожидал, дружище? Ты много лет не даешь им покоя. Их берега покрыты следами твоих набегов, их города и гавани опустошены тобой, множество их кораблей по твоей милости покоится на дне моря.

– Да, но чья в этом вина?! – вскричал Сандокан. – Разве англичане не были так же жестоки и неумолимы со мной? Разве не они убили мою мать, моих братьев и сестер? Разве не они изгнали меня с моей родины? Сколько зла они причинили мне! Они пришли, чтобы убить меня и сделать рабами мой народ, и теперь я ненавижу их всех и буду мстить им всем до конца своих дней… Я беспощаден с моими врагами, но я никогда не обижал слабых, не грабил бедных, не издевался над побежденными. Тысячи людей могут подтвердить это.

– Да, это верно, их тысячи, – согласился Янес. – Со слабыми ты всегда великодушен. И с теми женщинами, которые попали к тебе в плен и которых ты отпустил, не притронувшись к ним, и с бедняками, которых ты защищал от притеснений богатеев, и с моряками, терпевшими бедствие, которые спаслись благодаря тебе. Но к чему ты ведешь?

Сандокан не ответил. Он молча ходил по комнате, скрестив руки и опустив голову на грудь. О чем думал этот неустрашимый человек? Янес, хоть и давно знал его, не мог угадать это.

– Сандокан, – спросил он, немного спустя, – о чем ты думаешь?

Тот остановился, устремив на него мрачно-задумчивый взгляд, но ничего не ответил.

– Тебя что-то измучило… – настойчиво повторил Янес. – Неужели тебя так расстроила ненависть англичан?

Но и на этот раз пират промолчал.

Португалец поднялся, раскурил сигару и направился к двери.

– Доброй ночи, дружище, – сказал он.

Сандокан встрепенулся и остановил его быстрым жестом руки.

– Погоди еще мгновение, Янес.

– Слушаю, – сказал тот.

– Завтра я отправляюсь на Лабуан.

– Ты?! На Лабуан!..

– А почему бы и нет?

– Я никогда не сомневался в твоей храбрости. Но это же чистое безумие – лезть в самое логово врага!

Сандокан бросил на него взгляд, в котором сверкнуло пламя. По лицу пробежала гневная судорога, но он подавил движения души и промолчал.

– Дружище, – заметив это, сказал португалец. – Судьба благосклонна к тебе, но не испытывай ее слишком часто. Британский лев уже давно точит когти на наш Момпрачем. Возвращаясь, я видел крейсер и несколько канонерок, которые без страха бороздили наши воды. Что-то уж очень они зачастили с этим берегам.

– Если британский лев сунется сюда, он встретится с Тигром Малайзии собственной персоной! – воскликнул Сандокан, сжав в руке кинжал. – Посмотрим тогда, чьи когти острей!

– Не сомневаюсь, что ты здесь задушишь его, – сказал Янес. – Но предсмертный хрип поверженного льва, прости мне столь цветистый слог, достигнет берегов Лабуана. Целые флотилии двинутся на тебя. Да, умрет много львов, но и Тигр погибнет тоже.

– Я!..

И вновь гримаса решимости и гнева пробежала по его лицу. Но усилием воли он тотчас же взял себя в руки, и лицо его вновь стало спокойным и только бледность выдавала страсти, бушующие в омуте его чувств. Он схватил со стола хрустальный графин с вином и осушил его одним махом.

– Ты прав, Янес, – сказал он совершенно спокойно. – И все-таки завтра я отправлюсь на Лабуан. То, что влечет меня туда, сильнее доводов разума. Я должен увидеть эту девушку с золотыми волосами! Должен…

– Ни слова больше, дружище! – прервал его Янес. – Пойдем лучше спать.

Глава II
Жестокость и великодушие

Наступил новый день. Солнце уже приблизилось к полудню, когда Сандокан вышел из дома, чтобы подняться на корабль.

Он остановился на краю утеса, внимательно оглядел море, ставшего к утру совершенно гладким, как шелк, а затем перевел взгляд на восток.

– Она там, – прошептал он в глубокой задумчивости. – Там прекрасная женщина с золотыми волосами, которая каждую ночь является мне во сне. Что ждет меня впереди, счастье или гибель? Но что бы ни случилось, я не отступлю.

Он тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли, постоял еще миг и затем медленно и спокойным шагом спустился по ступенькам, высеченным в скале.

На берегу его уже ждал Янес.

– Все готово, – доложил он. – Я велел снарядить два лучших судна из нашей флотилии, усилив их двумя тяжелыми пушками.

– А люди?

– Они собрались на берегу. Тебе остается лишь выбрать лучших.

– Спасибо, Янес.

– Не за что тут благодарить, Сандокан, – промолвил тот грустно. – Может статься, я подготовил все на твою погибель. Подумай еще раз – дело серьезное.

– Не волнуйся, дружище, пули боятся меня, ты же знаешь.

– Будь осторожен, прошу!

– Постараюсь. К тому же я вернусь. Мне нужно только взглянуть на нее, чтобы избавиться от этого наваждения. Взгляну – и сразу вернусь.

– Будь она проклята! – воскликнул в сердцах Янес. – Я бы собственными руками задушил того негодяя, который рассказал тебе о ней.

– Друг, не беспокойся обо мне. Пойдем, пора!

Они пересекли бастион с батареей тяжелых орудий, поднятых на вал, перешли по мостику глубокий ров и вышли на берег бухты, посреди которой стояли на якоре двенадцать прао, прекрасных малайских парусников.

На площадке порта среди складов и построек, выстроившись в два ряда, их уже ждали. Человек триста пиратов, закаленных в штормах и битвах морских разбойников, были готовы броситься за Сандоканом в огонь и в воду по его первому знаку.

Каких только лиц, каких только типов не было здесь! Тут собрались отборные головорезы, известные на всех тропических широтах. Среди них были и коренастые малайцы, проворные и ловкие, как обезьяны, и рослые темнокожие даяки с острова Борнео, и жители Сиама с желтыми лицами, и индийцы, бугисы, яванцы, несколько тагалов с Филиппин, и даже негры с кожей черной, как самая черная смола, и курчавыми головами.

Сандокан остановился и окинул довольным взглядом своих соратников – «тигрят», как он любил их называть.

– Патан, – позвал он. – Выйди вперед.

Мощный малаец с оливковой кожей выступил из строя вперед. Каждый его шаг – раскачивающийся, осторожный – выдавал в нем моряка.

– Сколько людей в твоем отряде? – спросил Сандокан.

– Пятьдесят, Тигр Малайзии.

– Это надежные люди?

– Все жаждут крови.

– Посади их на те два судна и уступи половину Батолу.

– А зачем?

Сандокан бросил на него взгляд, заставивший задрожать этого толстокожего корсара, что с гордостью утверждал, что не боится даже залпа из береговых орудий.

– Молчи, если хочешь жить, – сдвинув брови, холодно сказал Сандокан.

– Повинуюсь! – Малаец склонился и отошел, смешавшись с отрядом, стоявшим за его спиной.

– Пошли, Янес, – сказал Сандокан, проследив, как пираты садятся в лодки, чтобы добраться до своих судов на рейде. – Пора, меня уже ждут.

Они двинулись к пристани, когда их догнал безобразный негр, гориллоподобный, с огромной головой и длинными руками – яркий образчик тех чернокожих выходцев севера Африки, которых часто можно встретить на островах Малайского архипелага.

– Откуда ты, Килидай? – спросил его Янес.

– С южного берега, – ответил негр, тяжело дыша.

– И какие новости ты нам принес?

– Хорошую новость, господин. Наши заметили большую джонку у островов Ромадес.

– С грузом? – спросил Сандокан.

– Да.

– Хорошо. Через три часа она будет в моих руках.

– А потом ты пойдешь на Лабуан?

– Прямо туда, Янес.

Они остановились перед богатой шлюпкой, в которой, приготовив весла, сидели четверо малайцев.

– Прощай, брат, – Сандокан обнял Янеса.

– Прощай, Сандокан. Будь осторожен, не натвори глупостей.

– Постараюсь, – кивнул тот.

Он прыгнул в шлюпку, и малайцы дружно ударили веслами.

– Поднять якоря! – скомандовал Сандокан сразу двум экипажам парусников, поднявшись на борт одного из них.

Пираты бросились выполнять приказ, и вскоре оба судна вышли из бухты, беспокоя безмятежную голубую гладь Малайского моря.

– Какой курс? – спросил Сабай у Сандокана, который принял на себя командование большим судном.

– Острова Ромадес, – ответил тот.

Ветер был попутный, юго-западный. Неудивительно поэтому, что оба судна быстро набрали скорость в двенадцать узлов, обычную для малайских парусников – чему помогали большие паруса и легкий, узкий, как у гоночной яхты, корпус, – но редкую для других судов.

Здесь мы остановимся на судах, на которых Тигр Малайзии отправился в эту экспедицию. Они были выстроены по особому проекту и, по крайней мере, вдвое превышали размерами обычные прао. Кроме того, Сандокан и Янес, во всем, что касалось морского дела, не имевший равных в Малайзии, значительно усовершенствовали их. Они сохранили характерную для прао оснастку, но улучшили такелаж и рулевое управление, что сделало их более маневренными. Пристроили на них абордажные мостики, необходимый атрибут любого пиратского судна, и в дополнение прорезали в бортах отверстия для весел, что позволяло двигаться даже в штиль и значительно облегчало абордаж.

Несмотря на то что острова Ромадес были еще далеко, пираты сразу принялись готовиться к сражению. Все пушки были тщательно заряжены, боеприпасы проверены, на мостике в полной боевой готовности разложены ружья, топоры и абордажные сабли, а вдоль бортов развешаны абордажные крючья – так, чтобы в любой момент можно было забросить их на вражеский корабль.

Некоторые из «тигрят» – морских дьяволов, глаза которых уже загорелись в предвкушении добычи, в нетерпении даже вскарабкались на мачты, – высматривали джонку, которая обещала богатую поживу, как все корабли из Китая. Сандокан, казалось, разделял нетерпение своих людей. Он в некотором беспокойстве расхаживал по мостику, пристально всматриваясь в морскую даль и непроизвольно сжимая рукой золотую рукоять сабли, висевшей на поясе. Но его мысли были заняты. О нет, они были заняты совсем другим предметом.

Вскоре Момпрачем исчез за горизонтом. Море, куда ни глянь вокруг, было пустынным. Ни темной скалы, ни столба дыма, который бы указывал на присутствие парохода, ни белой точки далекого парусника. Нетерпение начало терзать экипажи судов. Пираты цеплялись за снасти, словно стараясь заглянуть за горизонт, хватали и вновь бросали оружие, с проклятиями теребили курки карабинов. Но все напрасно – море оставалось гладким и пустым.

Лишь после полудня с вершины грот-мачты послышался долгожданный крик:

– Прямо по курсу!

Сандокан перестал ходить туда-сюда по мостику, быстрым взглядом окинул палубу своего судна, взглянул на второй прао, которым командовал Джиро-Батол.

– По местам! – приказал он.

Но пираты уже и сами разбежались по палубе, быстро заняв боевые места.

– Эй, на мачте! – окликнул Сандокан наблюдателя. – Что видно?

– Парус, капитан.

– Это джонка?

– Парус джонки, это точно.

– Я бы предпочел судно из Европы, – пробормотал Сандокан, нахмурив лоб. – У меня нет причин ненавидеть китайцев. Но кто знает!..

И он продолжал свою прогулку, не прибавив более ни слова. Прошло около получаса, за которые оба прао прошли еще пять узлов. Наконец джонка приблизилась настолько, что до нее оставалось рукой подать.

– Эй, Джиро-Батол! – крикнул Сандокан. – Отрежь им путь!

Минуту спустя шедшие параллельным курсом прао разделились и, описав полукруг, с поднятыми парусами двинулись навстречу торговому судну.

Это было одно из тех неуклюжих судов, которые зовутся джонками; приземистые, очень прочные, но довольно тихоходные, они часто встречаются в китайских морях.

Заметив маневр двух подозрительных парусников, с которыми, конечно, джонка не могла соперничать в скорости, судно замедлило ход и подняло большой флаг. Рассмотрев его как следует, Сандокан встрепенулся. Зловещая улыбка слегка исказила его красивое лицо.

– Флаг Джеймса Брука, истребителя пиратов!.. – прокричал он с ненавистью. – Вот это удача! Вперед, мои тигрята! На абордаж!..

Дикий, яростный вопль разорвал, казалось, глотки пиратов – им хорошо был известен Джеймс Брук, ставший раджой Саравака, непримиримый их враг, погубивший немало их товарищей. Патан рванулся к носовой пушке, а другие уже наводили спингарду и расхватывали свои карабины.

– Стрелять? – обернулся канонир к Сандокану.

– Да, но чтобы снаряд не пропал даром.

– Ладно!

Но раньше, чем канонир успел поднести фитиль, с борта самой джонки раздался пушечный выстрел, и ядро с резким свистом пролетело сквозь паруса.

Патан выругался и дал ответный выстрел.

На мгновение все заволокло пороховым дымом, а когда он рассеялся, стало видно, каков канонир у Сандокана: грот-мачта джонки надломилась у основания, качнулась вперед, потом назад и с шумом рухнула на палубу вместе с парусами и всем такелажем.

– Молодец, Патан! – взревели пираты, вдохновленные столь точным попаданием.

Было видно, как на борту несчастного судна беспорядочно мечутся люди, то ли собираясь отстреливаться, то ли спеша покинуть обреченный корабль.

– Смотрите! – закричал один из пиратов по прозвищу Морской Паук. – Они удирают.

Небольшая лодка с шестью гребцами действительно отделилась от борта джонки и устремилась к островам Ромадес.

– Ах так! – вскричал Сандокан. – Они даже не собирались драться! Они так боятся за свою шкуру! Картечь к бою! Пали по этим трусам, Патан!

Малаец дал выстрел картечью – страшный выстрел, изрешетивший и саму лодку, и всех до единого, кто в ней сидел.

– Молодец! Ты сегодня в ударе! – закричал Сандокан. – А теперь еще раз по джонке. Пусть ее после этого попробуют починить на верфях раджи Саравака. Конечно, если они у него есть!

Два пиратских судна вновь открыли пальбу из пушек.

– Вот это молодцы! – воскликнул Сандокан, которого всегда восхищала храбрость в все равно в друзьях или во врагах. – Они не боятся даже Тигра Малайзии. Приятно иметь дело с достойными людьми.

Между тем оба корсара, окутанные облаками густого дыма, из которого, точно молнии, с грохотом вылетали ядра в облаках огня, все сближались с обреченной джонкой, подходя к ней с двух сторон.

– На абордаж! – закричал Сандокан, выхватив саблю.

Его корабль приблизился к торговцу с правого борта и приготовился к атаке, выбросив абордажные крючья.

– За мной! В атаку! – загремел страшный голос пирата.

Он подобрался, как хищник, готовый первым броситься на жертву. Он уже рванулся вперед, когда чья-то крепкая рука внезапно удержала его. Некто, оттолкнув, перекрыл ему дорогу. Сандокан обернулся

– Ты, Морской Паук?! – яростно вскричал предводитель, поднимая на него саблю. – Как ты смел, негодяй!..

Ружейный выстрел, прогремевший в этот миг с борта джонки, прервал его возглас. Бедный Паук зашатался и упал замертво к ногам Сандокана.

– Ах вот как! – потрясенный, произнес тот. – Ты подставил свою грудь, чтобы спасти меня! Я отомщу за тебя, друг!

И, длинным прыжком перелетев на палубу джонки, он кинулся в бой с той безумной отвагой, которая была ему присуща уже много лет. Весь экипаж торгового судна, с пистолетами и кинжалами в руках, бросился, чтобы преградить ему путь, но несколько стремительных, как молния, взмахов его сабли уложили на месте троих или четверых соперников.

Пираты, посыпавшиеся на палубу джонки сразу с двух сторон, окружили оставшихся в живых и сжали вокруг них кольцо. Видя, что сопротивление бесполезно, те побросали оружие.

– Кто ваш капитан? – тяжело дыша, спросил Сандокан, еще не успокоившись после жаркой схватки.

– Я, – ответил плотный китаец, выступая вперед.

– Ты храбрец, и твои люди достойны тебя, – сказал Сандокан. – Куда ты шел?

– В Саравак.

Брови пирата сдвинулись и глубокая складка пролегла между ними.

– Ах так! – глухо проговорил он. – Ты идешь в Саравак. А что поделывает там раджа Брук, этот доблестный истребитель пиратов?

– Не знаю. Я не был в Сараваке несколько месяцев.

– Ну что ж, передай ему, что скоро я брошу якорь в его бухте. Пусть приготовится к встрече. Посмотрим, сможет ли этот знаменитый убийца уничтожить меня.

Он снял с пальца перстень с большим алмазом, стоимостью в несколько тысяч золотых, и протянул ею капитану.

– Возьми вот это, смельчак! Мне жаль, что я разбил твою джонку, но ты сможешь купить себе на этот алмаз две новых.

– О благодарю вас! – воскликнул пораженный капитан. – Но кто вы? Как ваше имя?

Сандокан усмехнулся и, положив руку ему на плечо, сказал:

– Запомни мое лицо. Я Тигр Малайзии.

Прежде чем капитан и его матросы, знавшие, несомненно, это грозное имя, пришли в себя от изумления и ужаса, он повернулся и пошел к себе на корабль, приказав не трогать ничего на захваченной джонке.

Пираты молча ушли за ним.

– Курс? – спросил Патан.

Сандокан протянул руку на восток и с глубоким волнением коротко приказал:

– На Лабуан, тигрята! На Лабуан!

Глава III
Крейсер

Оставив джонку без мачт и с пробоинами в борту, но все же способной еще держаться на воде, парусники пиратов взяли курс на Лабуан. Дул довольно свежий северо-западный ветер, и, поставив все паруса, оба судна делали по десять-двенадцать узлов в час. Сандокан велел почистить мостик, укрепить снасти, порванные вражескими ядрами, и, по морскому обычаю, опустить в море труп Паука, спасшего ему жизнь ценой собственной. После этого он вызвал к себе на мостик Патана.

– Ты знаешь, как погиб Морской Паук? – сказал он, вперяя в малайца взгляд, внушающий ужас.

– Да, – ответил Патан с дрожью в голосе.

– Когда я иду на абордаж, где твое место?

– Справа от вас.

– Сегодня тебя там не было. И потому Паук погиб вместо тебя.

– Это правда, капитан, – опустив голову, проговорил пират.

– Тебя следует расстрелять за эту оплошность. Но ты храбрец, а я не люблю бесполезно жертвовать смельчаками. Тем не менее ты умрешь. При первом же абордаже ты должен погибнуть во главе моих людей. Я дарю тебе эту доблестную смерть вместо положенного тебе расстрела.

– Спасибо, капитан! – ответил малаец и, вновь подняв голову, покинул мостик.

– Сабай! – позвал Сандокан.

Другой малаец, с едва подсохшей свежей раной от удара кинжалом, обезобразившей лицо, выступил вперед.

– Это ты был первым, кто прыгнул вслед за мной на джонку? – спросил Сандокан.

– Да, Тигр.

– Когда Патан будет мертв, ты примешь командование.

Сделав эти два приказания, он медленно пересек мостик и спустился в свою каюту на корме.

Когда опустилась ночь, оба судна убрали большие паруса и сблизились, зажегши сигнальные огни, чтобы не терять друг друга из виду. Ближе к полуночи, когда они проходили перед Тремя Островами – здесь расположились передовые посты с Лабуана, – Сандокан появился на мостике.

Со скрещенными руками, замкнувшись в угрюмом молчании и находясь еще во власти дневного возбуждения, он принялся шагать мерить настил из конца в конец. Время от времени он останавливался, вперяя взгляд в черную поверхность моря, освещенного лишь слабым светом нарождающейся луны. В три часа, когда восток начал бледнеть, а горизонт прояснился, справа по курсу появилась тонкая инеясная полоса.

– Лабуан! – воскликнул пират и вздохнул, точно сбрасывая тяжелый груз, который давил ему сердце.

– Пойдем дальше? – спросил Патан.

– Да, – ответил Тигр. – Войдем в бухту, что лежит в устье реки.

Команду передали Джиро-Батолу, и оба судна медленно направились к берегу.

И опять мы отвлечемся от деяний Сандокана, чтобы уделить внимание теперь уже острову. Лабуан, площадь которого около сотни квадратных километров, был в то время едва населен. Когда в 1847 году сэр Родни Мэнди, командир «Ириса», посланный сюда, чтобы искоренить пиратство, водрузил на нем британский флаг, он не насчитывал и тысячи жителей, в основном малайцев, среди которых поселилось и около двух сотен белых.

А теперь вновь вернемся к Тигру Момпрачена. Два парусника, пройдя несколько миль вдоль берега, вошли в небольшую бухточку, берега которой были покрыты густой растительностью, и поднялись до самого устья реки, бросив якоря в тени огромных деревьев. Сторожевым кораблям, охранявшим эти берега, не удалось бы ни обнаружить их, ни даже заподозрить присутствие пиратов. Они притаились в зарослях, словно тигры перед броском.

В полдень, чтобы их не застигли врасплох, Сандокан послал двух дозорных к устью речки и других двоих в лес. Сам же в сопровождении Патана сошел на берег. Вооруженные карабинами, они уже далеко углубились в чащу леса. Внезапно Сандокан остановился у ствола огромного дерева, на ветках которого сидела большая стая туканов.

– Ты слышишь что-нибудь? – спросил он у Патана.

Малаец прислушался и уловил донесшийся издалека собачий лай.

– Кто-то охотится, – сказал он.

– Пойдем посмотрим.

Они снова пустились в путь, углубившись в заросли дикого перца, отягченного красными гроздьями, и хлебного дерева, на ветках которого щебетали стайки птиц. Лай собаки все приближался, и скоро пираты столкнулись с безобразным стариком-негром, одетым в короткие красные штаны. На поводке он держал собаку.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Сандокан, преграждая ему дорогу,

– Ищу след тигра, – отвечал негр.

– А кто тебе разрешил охотиться в моих лесах?

– Я на службе у лорда Гвиллока.

– Путь так! А слышал ли ты о девушке, которую зовут Жемчужиной Лабуана?

– Кто же не знает ее на нашем острове! Это добрый гений Лабуана. Здесь все любят ее.

– Она красива? – спросил Сандокан, не сумев скрыть волнение.

– Ни одна женщина не может сравниться с ней.

Тигр Малайзии вздрогнул.

– Скажи мне, – спросил он после минутного молчания, – где она живет?

– В двух километрах отсюда, посреди равнины.

– Хорошо, иди. Но, если тебе дорога жизнь, не оборачивайся.

Он дал ему золотой и, когда негр исчез, опустился в траву, сказав Патану:

– Подождем ночи, а потом обследуем окрестности.

Малаец сделал то же самое и растянулся в тени дерева, держа карабин под рукой. Было часа три пополудни, когда внезапный пушечный залп заставил замолчать птиц, щебетавших над их головами. Испуганно вспорхнув, они заметались в небе.

Сандокан мгновенно вскочил на ноги, взведя курок карабина.

– Быстрее, Патан! – воскликнул он. – Там дело нешуточное!..

Тигриными прыжками он бросился через лес в сопровождении малайца, с трудом поспевавшего за ним.

Глава IV
Тигры и леопарды

Меньше чем за десять минут они добежали до берега реки. Их люди были на своих местах и поспешно заряжали ружья и пушки – готовились к обороне.

– Что случилось? – спросил Сандокан, поднимаясь на борт.

– Мы окружены, капитан, – сказал Джиро-Батол. – Британский крейсер преградил нам путь у выхода из бухты.

– Ах так! – воскликнул Сандокан. – Англичане решили запереть меня здесь. Что ж, ребята, снимаемся с якоря и выходим в море. Покажем Джону Булю, как сражаются тигры Момпрачема.

– Да здравствует Тигр! – заорали пираты в один голос. – На абордаж! На абордаж!

Минуту спустя, держась рядом, оба судна уже спускались по реке и скоро вышли в открытое море.

Военный корабль, дымя трубами и направив пушки в сторону берега, медленно баражировал метрах в шестистах от них, перекрывая путь на запад. На его мостике слышался грохот барабана, созывавшего людей на места, и резкие команды офицеров. Сандокан холодно оглядел эту внушительную громаду с мощной артиллерией и экипажем, в несколько раз превышающим его собственный, и скомандовал:

– Тигрята, на весла!

Пираты бросились к веслам, в то время как артиллеристы принялись наводить пушки и готовить заряды. Но не успели сблизиться и наполовину расстояния с английским кораблем, как яркая вспышка сверкнула на палубе крейсера, и снаряд большого калибра пронесся между мачтами прао.

– Патан! – закричал Сандокан свирепо. – Огонь!

Один из лучших канониров пиратского мира, малаец пригнулся и выстрелил из своего орудия. Снаряд со свистом унесся и достиг своей цели. Было видно, как он разбил капитанский мостик, одновременно снеся и флагшток. Не отвечая, крейсер медленно развернулся другим бортом, выставив жерла полудюжины пушек. Из дружный залп обрушился на судно Джиро-Батола.

– Патан! – загремел Тигр Малайзии. – Не промахнись! Снеси мачты этого проклятого утюга, разбей его пушки! Умри, но прежде потопи его!

Но в тот же миг крейсер точно вспыхнул в нескольких местах и окутался целым облаком дыма. Ураган железа обрушился на прао, сметая все на своем пути.

Вопли ярости и боли огласили палубы кораблей – теперь они были усеяны телами раненых и убитых. Страшный залп смел почти всех канониров, многие пушки были повреждены. После этого чудовищного залпа военный корабль, окутанный облаками черного дыма, развернулся и отошел в открытое море, готовясь с безопасного расстояния расстрелять оба судна пиратов своими дальнобойными пушками.

Оставшийся невредимым Сандокан был отброшен взрывной волной к мачте, и с трудом поднялся на ноги.

– Негодяй! – загремел он, грозя врагу кулаком. – Трус, ты боишься драться лицом к лицу.

Свистком он созвал на палубу уцелевших друзей.

– Быстрее! Сделайте заграждение перед пушками – и вперед!

Мгновенно на носу обоих судов были навалены ящики, мешки и бочки с кулями, образовав прочную баррикаду, защищавшую от картечи и пуль. Человек двадцать самых крепких

гребцов снова взялись за весла, а остальные залегли за баррикадой, сжимая в руках карабины, а в зубах кинжалы, блестевшие, как тигриные клыки.

– Вперед! – скомандовал Сандокан.

Крейсер закончил маневр и медленно поводил жерлами пушек, выпуская из труб клубы черного дыма.

– Огонь! – приказал Сандокан.

И с обеих сторон снова началась адская канонада. Выстрел отвечал на выстрел, пуля на пулю, залп картечи на вражескую картечь.

Крейсер имел преимущество и в водоизмещении, и в артиллерии, но оба прао, которые бесстрашный Тигр повел на абордаж, не собирались перед ним отступать. Уже почти без мачт, оголенные, как баржи, с пробитыми во многих местах бортами, с залитыми водой трюмами, они продолжали двигаться вперед, несмотря на бушующий встречный огонь. Безумие овладело этими людьми, все они жаждали только одного: вскарабкаться на палубу парового чудовища, и если и умереть, то на поле врага.

Патан, верный слову, мертвым лежал за своей пушкой, но другой артиллерист занял его место и, несмотря на канонаду, уже почти прямой наводкой посылал снаряд за снарядом в высокий борт крейсера. Многие пираты пали или были тяжело ранены в бою, но другие отчаянно бились, презирая смерть. На палубах обоих кораблей еще оставались тигры, жаждущие крови, свирепость которых нарастала с каждым выстрелом.

Пули свистели над храбрецами, снаряды взрывались, разрывая людей на куски. Огонь охватил палубные надстройки, но никто из корсаров и не думал отступать. Чем меньше их оставалось, тем яростнее бился каждый, и, когда порывом ветра относило облака дыма, их черные от копоти и искаженные яростью лица за разбитыми заграждениями, их налившиеся кровью глаза, зубы, сжимавшие лезвия кинжалов, наводили страх на врага.

Ожесточенное сражение продолжилось еще минут двадцать. Расстояние между крейсером и двумя прао Сандокана все время сокращалось. И крейсер дрогнул, отошел, чтобы избежать абордажа.

К сожалению, корабли пиратов не могли его преследовать – в слишком жалком состоянии они были. Прао Джиро-Батола только чудом держался на воде, и, воспользовавшись тем, что крейсер отошел и на время прекратил огонь, Сандокан принял к себе на борт людей с его судна. Матросы Сандокана взялись за весла и, воспользовавшись бездействием крейсера, быстро скрылись в устье речушки.

И вовремя! Их собственное судно, в которое со всех сторон проникала вода несмотря на наскоро заделанные пробоины, медленно погружалось в море. Сандокан встал к рулю и подвел его почти к самому берегу, скрыв за лесистым мыском.

Разгоряченные схваткой пираты тут же заявили, что готовы сесть в шлюпки и хоть сейчас атаковать крейсер с одними лишь карабинами и саблями в руках, но Сандокан решительно остановил их.

– Сейчас шесть, – сказал он, взглянув на часы у пояса. – Часа через два солнце зайдет и на море опустится тьма. Пусть каждый принимается за работу, чтобы к полуночи прао снова мог выйти в море.

Пираты закричали, потрясая оружием.

– Ура! Мы атакуем крейсер!

– Не обещаю, – мрачно проговорил Сандокан. – Но клянусь, очень скоро придет тот день, когда мы отплатим за свое поражение. Наше знамя еще взовьется над фортом Виктория.

– Да здравствует Тигр Малайзии! – отвечали пираты.

– Тишина! – приказал Сандокан. – Двое дозорных на берег, чтобы следить за крейсером, и двое в лес, чтобы нас не застигли врасплох. Остальным перевязать раненых – и за работу.

Пока пираты торопливо перевязывали раны товарищей, Сандокан вышел к бухте и спрятался за деревьями. Корсар сосредоточенно рассматривал крейсер.

«Он знает, где мы, – душу Сандокана терзали невеселые мысли. – И ждет, что мы снова выйдем в море, чтобы уничтожить нас. Но если он ждет, что я брошу своих людей на абордаж, он ошибается. Тигр бывает и осторожным».

Он обернулся и кликнул Сабая. Старый пират, один из самых храбрых в его команде, тут же подошел.

– Патан и Джиро-Батол погибли, – сказал ему Сандокан. – Командование переходит к тебе, и я надеюсь на тебя. Ты не уступишь в отваге им?

– Если капитан прикажет погибнуть, я буду готов исполнить приказ.

– Хорошо. А сейчас за работу.

– Мы выйдем ночью, капитан?

– Да, Сабай.

– Но разве нам удастся незаметно уйти?

– Луна взойдет поздно, и будет не очень яркой: посмотри, на юге поднимаются облака.

– Мы возьмем курс на Момпрачем, капитан?

– Прямиком.

– Не отомстив?

– Нас слишком мало, Сабай, у нас почти не осталось пушек, и наше судно едва держится на воде.

– Это правда, капитан.

– Терпение, Сабай. Отмщение будет скорым – с таким делом тянуть не в моем характере.

Пока они вели этот разговор, их люди работали с лихорадочным ожесточением. Все они были опытными моряками, но в то же время это были и столяры, и плотники, и кузнецы. До полуночи удалось установить новые мачты, заделать пробоины и починить снасти.

За все это время ни одна шлюпка с крейсера не осмелилась приблизиться к берегу. Английский капитан знал, с кем имеет дело, и не рискнул бросить своих людей в сражение на земле. К тому же он был абсолютно уверен, что запер их в бухте и они почти в его руках.

Около одиннадцати Сандокан велел позвать дозорных, наблюдавших за кораблем.

– Бухта свободна? – спросил он их.

– Да, – ответил один.

– А крейсер?

– Стал на якорь перед бухтой.

– Далеко?

– Примерно в полумиле.

– Этого хватит, чтобы уйти, – пробормотал Сандокан. – Темнота прикроет наше отступление.

В ту же минуту двадцать человек сели на весла, и прао медленно двинулся к выходу из бухты.

– Ни звука, – властно приказал Сандокан. – Оружие наготове и полная тишина: мы вступаем в опасную игру.

Темнота благоприятствовала их странствию. Само небо помогало им: не было видно ни звезд, ни даже того призрачного света, который исходит от облаков, когда они не очень плотны. Лишь черная масса густого леса едва заметно очерчивала берега реки. Глубокое

молчание, нарушаемое лишь журчанием воды под корпусом, царило на судне. Казалось, что все люди, неподвижно замершие на своих местах, не дышат, боясь нарушить тишину.

Прао уже достиг устья речки, когда легкий толчок остановил его.

– Что случилось? – тихо спросил Сандокан.

Сабай наклонился над бортом и внимательно посмотрел на темную воду.

– Под нами отмель, – сказал он.

– Мы сможем пройти?

– Прилив, вода быстро прибывает. Подождем несколько минут.

– Хорошо, подождем.

Никто из экипажа не издал ни звука. Лишь легкий лязг карабинов настороженно прозвучал в тишине, а канониры молча склонились над пушками. Прошло несколько минут тревожного ожидания, наконец под килем возобновилось журчание, и судно, качнувшись, не соскользнуло с песчаной отмели.

– Поднять один парус, – коротко приказал Сандокан.

– Этого хватит, капитан? – спросил Сабай.

– Пока да.

Через минуту черный латинский парус был поднят на фок-мачте – черный, он полностью сливался с ночной темнотой.

Судно незаметно выскользнуло из бухты и вышло в открытое море.

– Где крейсер? – спросил Сандокан, всматриваясь во тьму.

– Вон он, там, в полумиле от нас, – отвечал Сабай.

И в самом деле: именно там виднелась какая-то темная громада, над которой мелькали светящиеся точки, по-видимому, искры из трубы. Хорошо прислушавшись, можно было уловить даже глухое ворчание котлов.

– Стоит под парами, – пробормотал Сандокан. – Значит, ждет нас.

– Но сможем ли мы пройти незамеченными? – спросил Сабай.

– Надеюсь. Ты не видишь поблизости шлюпки?

– Нет, капитан.

– Пока будем держаться у берега, чтобы слиться с массой деревьев, а дальше пойдем в открытое море.

Сандокан приказал поднять паруса на грот-мачте и повел судно к югу, следуя за изгибами берега. Стоя у руля, он не спускал глаз с вражеского корабля, готового в любой момент проснуться и обрушить на них шквал железа и огня.

Прао отдалился уже метров на пятьсот или шестьсот от бухты и готовился отойти от берега дальше, когда за кормой на волне появилось странное свечение. Казалось, мириады искр поднимаются из темной глубины моря, исчезая у самой поверхности, там, где над водой нависала тьма.

– Мы вот-вот выдадим себя, – сказал Сабай.

– Так лучше, – ответил Сандокан с жестокой улыбкой. – Бегство украдкой не сделает нам чести.

– Это правда, капитан, – согласился Сабай. – Лучше умереть с оружием в руках, чем бежать, как шакалы.

А море продолжало фосфоресцировать. Перед носом и за кормой судна множились светящиеся точки, и поверхность воды тоже начинала мерцать. Казалось, прао оставляет позади себя полосу тлеющих угольков или расплавленной серы. Эта полоса, которая светилась в окружающей темноте, не могла остаться незамеченной с крейсера. С минуты на минуту мог грянуть пушечный выстрел.

Прошло две или три минуты, когда Сандокан, который все так же пристально всматривался в темный силуэт крейсера, заметил, что на нем загорелись фонари.

– Нас обнаружили, – пробормотал он себе под нос.

– И я так думаю, капитан, – кивнул Сабай.

– Смотри!

– Да, из трубы посыпались искры. Они разводят пары.

– К оружию! – донеслось с борта военного корабля.

В ночной тиши звуки разносятся далеко. Но пираты тут же вскочили на ноги, артиллеристы кинулись к пушкам. Все готовы были вступить в последний бой и умереть, если того потребует кодекс чести. На палубе вражеского судна загрохотал барабан, послышался лязг якорных цепей и усилившийся шум паровой машины.

– К пушкам, Сабай! – скомандовал Тигр Малайзии. – Восемь человек к спингардам!

Едва он произнес эту команду, как пламя сверкнуло на носу крейсера, осветив гротмачту и часть палубы, в ту же минуту прогрохотал выстрел. Пушечный снаряд со свистом пролетел над их головами, но никого не задел. Вопль ярости раздался на борту корсарского судна. Драка?! Ну что ж, этого и хотели пираты.

Красноватый, смешанный с искрами дым повалил из трубы военного корабля. Послышался приглушенный рев котлов, быстрые удары колес по воде. Крейсер двинулся и, быстро набирая ход, приблизился к маленькому пиратскому судну, чтобы отрезать ему отступление и добить его огнем своих пушек.

– Умрем смертью храбрых! – закричал Сандокан, который уже не сомневался в роковом исходе этого боя.

Единодушный крик был ему ответом.

– Да здравствует Тигр Малайзии! – кричали пираты, потрясая оружием.

Решительным поворотом руля Сандокан повернул свое судно навстречу врагу. Единственное, что ему оставалось, это попытаться взять крейсер на абордаж.

– Смелей, тигрята, на абордаж! – загремел Сандокан. – Их больше, но мы же тигры Момпрачема!

Крейсер быстро приближался, разрывая темноту вспышками, сопровождавшими яростную канонаду. Вскоре стал отчетливо виден острый нос британского корабля.

Маленький парусник, лишь игрушка против этого железного гиганта, которому казалось, достаточно одного толчка, чтобы, он, разрезанный надвое, пошел ко дну, все же стремился навстречу крейсеру с невероятной отвагой. Однако борьба была неравна, слишком неравна. Две минуты спустя отважный пиратский прао, разбитый вражеской артиллерией, представлял собой просто обломки.

Разгром был полный, но никто и не помышлял о сдаче – все понимали, что смерть близка, но мечтали принять ее там, на вражеском корабле. Оставалось только одно – идти на абордаж. Это было истинное безумство, ведь в строю оставалось только двенадцать человек. Но это были двенадцать тигров, которыми командовал и перед которыми шел сам Сандокан, чья доблесть не знала равных.

– Ко мне, мои храбрецы! – закричал он.

Двенадцать пиратов, с глазами, налитыми кровью от ярости, сжимая оружие, рванулись к нему и сплотились вокруг. Крейсер надвигался, готовый потопить их прао, но Сандокан в последний момент избежал столкновения и резким поворотом руля бросил свое судно к правому борту врага. Толчок был таким резким, что судно корсаров накренилось, зачерпнув воды и сбросив в море мертвых и раненых.

– Крючья! – загремел Сандокан.

Два абордажных крюка впились в борт крейсера, и в мгновение ока все тринадцать пиратов, жаждущих мести, вне себя от ярости, бросились на абордаж. Помогая себе руками и ногами, хватаясь за выступы и порты батарей, они взобрались на фальшборт и попрыгали

на палубу раньше, чем англичане, пораженные такой невероятной отвагой, опомнились и попытались их сбросить.

С Сандоканом во главе пираты бросились на матросов, страшными ударами своих сабель рубя стрелков, преграждавших им путь, пробиваясь к корме.

Сандокан и еще четверо оставшихся в живых пиратов, с оружием, окровавленным по самую рукоятку, попытались пробиться к пушкам. Но опомнившиеся матросы открыли по ним с мостика прицельный огонь, и судьба пиратов была решена.

Четверо корсаров, прикрывая собой своего капитана, бросились вперед, но, сраженные ружейными выстрелами, пали бездыханными. Раненный пулей в грудь, упал и Сандокан. Несколько солдат с карабинами в руках пытались окружить его, но вдруг он вскочил, несмотря на рану, из которой потоком лилась кровь, чудовищным прыжком достиг правого борта и, уложив ударом сабли солдата, который пытался помешать ему, бросился головой в море. И сразу пропал, как в омуте, исчез в его черных волнах.

Глава V
Спасение

Сандокан, не мог так легко погибнуть. Выждав, чтобы крейсер прошел мимо, перепахивая воду огромными гребными колесами, Сандокан мощным рывком снова всплыл на поверхность. Его душу переполняла ярость и клокочущая жажда борьбы.

– Стой! – закричал он, видя уходящий от него в темноту корабль. – Стой, проклятое корыто! Я разнесу тебя на тысячу железных кусков!.. Я уничтожу тебя, где бы ни встретил!..

Дрожа от пожирающей его ярости, несмотря на рану в груди, он бросился вплавь вслед за крейсером в безумной надежде догнать и наказать его за гибель своих кораблей. Он грозил ему кулаком, он посылал вслед уходящему крейсеру страшные проклятия, но за шумом колес и грохотом паровой машины на палубе его никто не слышал. Долго еще не мог он успокоиться и, пока вражеский крейсер можно было различить в ночной темноте, посылал ему вслед страшные угрозы. Были моменты, когда он вновь бросался вслед за кораблем и голосом, в котором не было ничего человеческого, голосом безумного, орал вдогонку.

Но наконец разум победил, и Сандокан пришел в себя. Он сбросил одежду, которая стесняла его, обмотал собственным поясом кровоточащую рану и, стиснув зубы, превозмогая страшную боль, поплыл к берегу. Он перевернулся на спину и дал приливу нести себя, слегка подгребая руками. Время от времени он замирал на месте, стараясь хоть немного отдохнуть и набраться сил.

Вдруг он почувствовал легкий толчок: что-то твердое коснулось его. Акула?.. При этой мысли, несмотря на всю смелость Сандокана, мурашки пробежали у него по спине. Инстинктивно он протянул руку и ухватился за какой-то твердый предмет, слегка возвышавшийся над поверхностью воды. Он притянул его к себе и увидел, что это обломок, кусок палубы его корабля, на котором все еще болтаются обрывки канатов.

– Очень кстати, – пробормотал Сандокан. – Силы мои на исходе.

С трудом он взобрался на этот обломок, держа над поверхностью воды свою рану, с краев которой, красных и вспухших, еще сочилась кровь, смешиваясь с морской водой. Запах крови мог привлечь к нему акул. А, значит, нужно было как можно быстрее плыть к берегу, хотя уже и просто держаться на воде было ему почти не под силу.

Начинало светать, когда сильный толчок вывел его из забытья. С трудом он приподнялся на руках и огляделся вокруг. Волны с шумом бились вокруг обломка, на котором он лежал, обдавая его пеной и брызгами. Похоже, под обломком уже были отмели.

Впереди, совсем близко, но как бы через кровавый туман, он увидел лесистый берег.

– Лабуан… – прошептал он. – Вот куда меня вынесло, на землю моих врагов.

Но делать было нечего, собрав последние силы, он оттолкнул обломок, который спас его от неминуемой смерти, и, с трудом поднявшись, чувствуя под ногами песчаную отмель, пошатываясь, побрел к берегу.

Волны толкали его в спину, накатывали сбоку, яростно били по ногам, точно свора голодных псов. Он падал, вставал и снова падал, и снова вставал…

Шатаясь, он пересек песчаные отмели, из последних сил, борясь с последними волнами прибоя, вышел на берег и упал под деревьями, дававшими здесь густую тень. Хотя он был совершенно измучен долгой борьбой с волнами и большой потерей крови, он не мог позволить себе отдыхать. Обнажив рану, он внимательно осмотрел ее.

Это была рана от пули, скорее всего, пистолетной, с левой стороны под пятое ребро. Пуля, скользнув по кости, затерялась внутри, но не затронула, насколько модно было судить, важных органов. Наверное, рана не была бы особенно опасной, если бы он занялся ею сразу. Но в его положении она становилась смертельной, и Сандокан это понимал.

Услышав неподалеку журчание ручья, он дополз туда, промыл рану, воспалившуюся от долгого контакта с морской водой, и тщательно перевязал ее обрывком рубашки.

– Я поправлюсь! – стиснув зубы, пробормотал он. – Я очень скоро вновь встану на ноги.

Он припал к ручью и сделал несколько глотков, чтобы успокоить начинающийся жар. Затем ползком добрался до большого дерева с густой тенистой кроной и прилег у его ствола. И вовремя – Сандокан снова почувствовал, что силы оставляют его. Он закрыл глаза, в которых плавали кровавые круги, и впал в тяжелое забытье.

Так пролежал он много часов, пока солнце не начало спускаться к западу. Нестерпимая жажда и резкая боль в воспаленной ране привели его в чувство.

Он хотел было подняться, чтобы добраться до ручейка, но тут же снова упал.

– Нет, – сказал он, превозмогая мучительную слабость и боль. – Я Тигр – меня нельзя победить. У меня есть еще силы.

Хватаясь за ствол дерева, он поднялся на ноги и, чудом сохраняя равновесие, двинулся к ручью, на берегу которого снова упал. Собравшись с силами, он утолил жажду, еще раз обмыл рану и, сжав голову руками, устремил взгляд на море, которое с глухим равнодушным рокотом разбивалось о берег в нескольких шагах.

– Ах! – воскликнул он с горечью. – Не думал я, что дело так закончится. Кто бы сказал мне, что леопарды Лабуана победят тигров Момпрачема? Кто бы сказал мне, что я, непобедимый Сандокан, буду беспомощно валяться здесь на берегу, потеряв свои корабли и всех до единого людей. Нет, этим не может все закончиться! Я за все отомщу! Месть!.. Клянусь, я отомщу!..

Он вскочил, в полубреду готовый сию же минуту сразиться с врагом, и сразу же, как подкошенный, упал на траву.

«Терпение, Сандокан, – морщась от боли, приказал он себе. – Я выздоровлю, даже если два месяца придется жить в этом диком лесу, питаясь лишь травой и устрицами. Но когда силы вернутся ко мне, я возвращусь на Момпрачем, клянусь, я сумею!»

Несколько часов он лежал, раскинувшись под широкими ветвями дерева. Он чувствовал, что жар все сильней охватывает его, ощущал, как кровавая волна заливает его мозг. Рана невыносимо болела, но ни стона, ни жалобы не срывалось с его уст.

Вскоре солнце ушло за горизонт, и гнетущая тьма спустилась на море, окутав лес. То, чего не могли сделать с его душой ни жестокое поражение, ни гибель всех его соратников, ни жестокие раны и страдания, добилась вечерняя тьма – душа его дрогнула, и сознание помутилось.

– Эта тьма! Это черная смерть!.. – вскричал он, царапая землю ногтями. – Я не хочу, чтобы была эта тьма!.. Я не хочу умирать!..

Он зажал рану обеими руками и с трудом встал. Диким взглядом окинул море, ставшее черным, как смола, и вдруг бросился от него, уже не сознавая, что делает, пустился бежать, как сумасшедший, в чащу леса, продираясь сквозь колючие кусты.

Куда он бежал? Зачем? Какие демоны его гнали вглубь острова?.. Сознание уже покинуло Сандокана. В страшном бреду он слышал глухое рычание и лай собак, конское ржание, крики людей. Ему казалось, что он зверь, раненый тигр, которого обнаружили и теперь преследуют охотники. Вот они уже близко, их много, они стреляют из ружей и вопят, сейчас они нагонят его и затравят собаками…

Сердце прыгало в груди, словно желая вырваться, а рану точно жгло серным огнем. Он бредил… Повсюду, со всех сторон: и под деревьями, и в кустах, и на берегу, и в воде – повсюду были враги… Легионами летающих призраков они носились над головой, какие-то скелеты с дикими ухмылками прыгали и плясали перед ним… Покойники поднимались из-под земли, гниющие, страшные, с окровавленными головами и вспоротыми животами. И

все они смеялись, хохотали, издевались над ним, над жалким бессилием страшного Тигра Малайзии.

Во власти ужасного приступа бреда, он падал, вставал, он катался по земле, сжимал кулаки и скрежетал зубами.

– Прочь! Прочь, собаки!.. – кричал он. – Что вам нужно от меня?.. Я Тигр Малайзии и не боюсь вас!.. Нападайте, если осмелитесь!.. Ах, вы смеетесь?.. Вы считаете меня бессильным? Врете, псы, я еще переверну всю Малайзию!.. Что вы глазеете на меня? Какого черта кривляетесь и пляшете вокруг? Зачем вы пришли сюда?.. И ты, Патан? И ты пришел посмеяться надо мной?.. И ты, Морской Паук?.. Убирайтесь! Убирайтесь к себе в преисподнюю! Прочь! Все прочь! Возвращайтесь в глубь моря, в царство тьмы. Я не пойду с вами! Я не хочу!.. А ты, Джиро-Батол? Тебе что нужно?.. Отмщения? Да, ты будешь его иметь, потому что Тигр воспрянет, он еще встанет на ноги, он вернется на Момпрачем… И он всех… Всех… леопардов… всех до последнего…

Он остановился, замер на секунду, вцепившись в волосы руками, с глазами, вылезающими из орбит, и, вновь рванувшись вперед, продолжал свой безумный бег.

– Кровь!.. – хрипел он. – Дайте мне крови, чтобы я мог утолить жажду!.. Я Тигр Малайзии!..

Так он бегал и метался в ночном лесу, не заметив, когда выбежал на открытое место, на равнину, в дальнем конце которой виднелась какая-то изгородь. Он покачнулся и рухнул на землю, испустив страшный крик, раскатившийся в ночи гулким эхом.

Глава VI
Жемчужина Лабуана

Придя в себя, он с удивлением обнаружил, что лежит не на траве, где сознание ночью покинуло его, а в уютной и светлой комнате, оклеенной цветными обоями, что рана его перевязана чистым бинтом, а тело покоится на удобной и мягкой постели.

Он подумал, что все еще спит, что все это снится ему, но, протерев глаза, убедился, что все это реальность.

«Где это я? – спросил он себя. – Я еще жив или мертв?»

Он посмотрел вокруг, но не увидел никого, к кому можно было бы обратиться с вопросом.

Тогда он внимательно осмотрел комнату. Она была просторная, довольно элегантно обставленная и освещалась через два окна, за стеклами которых покачивались высокие деревья.

В углу он увидел фортепьяно, на котором были разбросаны ноты; справа – мольберт с незаконченной картиной, представляющей море; посередине – стол красного дерева с оставленной на нем вышивкой, сделанной, несомненно, женскими руками; а около постели – низкий табурет, инкрустированный черным деревом, на котором лежал его верный крис, а рядом какая-то полураскрытая книга с засохшим цветком между страниц.

«Но где же я? – снова спросил он себя. – В доме друзей или в плену у врагов? И кто перевязал мою рану?»

Внезапно его глаза остановились на книге, лежащей на табурете, и, движимый любопытством, он взял ее. На обложке ее, с обратной стороны, было что-то вытеснено золотом.

«Марианна! – прочел он. – Что это значит? Это имя или слово, которое я не понимаю?»

Он снова прочел его, и словно что-то мягкое и нежное ударило в сердце этого человека, стальное сердце, казалось бы, навеки закрытое и для более сильных чувств.

Он открыл книгу, вернее, рукописный альбом. Его страницы были исписаны чьим-то легким изящным почерком, но ни единого слова понять он не мог. Это был какой-то незнакомый язык, немного похожий на португальский Янеса, но, казалось, более мягкий и мелодичный. Весь во власти странных чувств, Сандокан закрыл книгу и положил на табурет.

И вовремя: ручка двери повернулась, и в комнату вошел человек. Он шагал неторопливо и с тем уверенным в себе достоинством, которое отличало людей англосаксонской расы. На вид ему было лет пятьдесят, лицо его окаймляла рыжеватая борода, начинавшая седеть, глаза были голубые, глубокие, и взгляд такой, что сразу ощущалось, что этот человек привык повелевать.

– Рад, что вы наконец пришли в себя, – сказал он Сандокану. – Три дня и три ночи вы были без сознания.

– Три дня! – воскликнул удивленный Сандокан. – Уже три дня, как я здесь?.. Но где я?

– Вы у людей, которые позаботятся о вас и сделают все возможное, чтобы вас вылечить, – сказал вошедший господин.

– Но кто вы?

– Лорд Джеймс Гвиллок, капитан флота ее величества королевы Виктории.

Сандокан вздрогнул:

– Благодарю вас, милорд, за все, что вы сделали для меня, незнакомца, который не принадлежит к числу ваших друзей.

– Это мой долг – оказать помощь раненому, быть может, даже раненному смертельно, – ответил лорд. – Как вы себя чувствуете сейчас?

– Гораздо лучше. Я уже не чувствую боли.

– Очень рад, но, скажите на милость, кто же вас так отделал? Кроме пули, которую извлекли из груди, ваше тело было покрыто ранами, нанесенными холодным оружием.

Несмотря на то что он ожидал этого вопроса, Сандокан не сразу нашелся, что ответить на него. Но он не выдал себя и не потерял присутствия духа.

– Я бы сам хотел это знать, – ответил он. – Какие-то люди набросились на мои суда, взяли их на абордаж и перебили матросов. Кто они были? Я не знаю, потому что, раненый, упал в море и едва сумел добраться до берега.

– По-видимому, на вас напали пираты, которыми предводительствует некий Тигр Малайзии, – сказал лорд Джеймс.

– Пираты?.. – воскликнул Сандокан.

– Да, пираты с Момпрачема, которые три дня назад были замечены вблизи острова. А скажите мне, где они напали на вас?

– Около Ромадес.

– Вы добрались до наших берегов вплавь?

– Да, ухватившись за какой-то обломок. Но вы где нашли меня?

– Вы лежали без сознания на траве, неподалеку от изгороди моего парка. А куда вы направлялись, когда на вас напали?

– Я вез подарки султану Варауни от моего брата.

– Но кто ваш брат?

– Султан Шайя.

– Так, значит, вы малайский князь! – воскликнул лорд, протягивая руку Сандокану, который, немного поколебавшись, пожал ее без особого удовольствия.

– Да, милорд.

– Очень рад предложить вам свое гостеприимство и сделать все возможное, чтобы развлечь вас, пока вы поправитесь. Мы можем вместе, если не возражаете, навестить затем султана Варауни.

– Да, конечно, и…

Сандокан вдруг запнулся и, прислушиваясь, наклонил голову, чтобы лучше уловить звуки лютни, снова донесшиеся из сада. Те же самые, что он слышал недавно.

– Милорд! – воскликнул он с волнением, причину которого даже не пытался себе объяснить. – Кто это играет?

– А зачем вам это, мой дорогой князь? – улыбаясь, спросил англичанин.

– Не знаю… но я бы очень хотел видеть того, кто так прекрасно играет… Эта музыка трогает мне сердце… Она заставляет меня испытывать странное чувство…

– Подождите немного.

Лорд сделал ему знак снова лечь и так же неторопливо, как вошел, покинул комнату. Сандокан снова упал на подушки, но тут же поднялся, не в силах лежать неподвижно. Прежнее необъяснимое волнение охватило его с новой силой.

– Что со мной? – спросил он себя. – Похоже, ко мне возвращается бред.

Едва он произнес эти слова, как лорд снова вошел, но уже не один. Следом за ним, едва касаясь ковра, парящей походкой, скользнуло чудесное создание, при виде которого Сандокан не мог сдержать возгласа удивления и восхищения.

Это была девушка лет шестнадцати или семнадцати, очень тоненькая, гибкая и изящная, с голубыми глазами и таким румяным и свежим лицом, что вся она походила на только что распустившийся утренний цветок. Ее светлые локоны спускались по плечам в живописном беспорядке, как золотой дождь, падали они на кружевную косынку, прикрывавшую грудь.

При виде этой девушки, которая казалась почти девочкой, несмотря на свой возраст, Сандокан замер, и дыхание его пресеклось. Этот жестокий, непобедимый пират, готовый сражаться хоть с целым светом, в мгновение ока был сломлен и побежден.

Его сердце, которое и так уже взволнованно билось, теперь горело каким-то жгучим огнем.

– Ну, мой дорогой князь, что вы скажете об этой милой особе? – шутливо спросил его лорд.

Сандокан не отвечал; неподвижный, как бронзовая статуя, он пожирал девушку глазами, в которых сверкал странный огонь. Казалось, что он больше не дышит.

– Вы плохо себя чувствуете? – встревоженно спросил лорд, который наблюдал за ним.

– Нет! Нет!.. – воскликнул пират, встряхнувшись.

– Тогда позвольте мне представить вам мою племянницу, леди Марианну Гвиллок.

– Марианна Гвиллок!.. Марианна Гвиллок! – повторил Сандокан глухим голосом.

– Что вы находите странного в моем имени? – спросила девушка, улыбаясь. – Оно вас очень удивляет?

При звуках этого голоса Сандокан затрепетал. Никогда в жизни не слышал он голоса, который бы так ласкал его слух, привыкший лишь к грохоту пушек и смертельным воплям сражающихся.

– Нет, – отвечал он взволнованно. – Просто ваше имя уже знакомо мне.

– Вот как! – воскликнул лорд. – От кого же вы его слышали?

– Я прочел его на обложке этой книги, и мне сразу подумалось, что та, которая носит его, должна быть чудесным созданием.

– Вы шутите, – сказала молодая леди, покраснев. И, стараясь переменить разговор, спросила: – Это правда, что вас тяжело ранили пираты?

– Да, – глухим голосом отвечал Сандокан. – Меня ранили, мне нанесли поражение, но когда-нибудь я поправлюсь, и горе тем, кто сделал это.

– Вы очень страдали?

– Не очень, миледи. А теперь и совсем не чувствую боли.

– Надеюсь, вы поправитесь быстро.

– Наш князь храбрец, – сказал лорд. – Я не удивлюсь, если дней через десять он будет уже на ногах.

– Надеюсь, – ответил Сандокан.

Внезапно, не отрывая глаз от лица девушки, на щеках которой играл свежий утренний румянец, он порывисто воскликнул:

– Миледи!.. Это правда, что вы носите другое, еще более прекрасное имя?

– Как так? – спросили одновременно лорд и молодая девушка.

– Да, да! – с силой воскликнул Сандокан. – Только вас, именно вас, местные жители называют Жемчужиной Лабуана!..

Лорд сделал удивленный жест, и глубокая морщина обозначилась у него на лбу.

– Друг мой, – сказал он строгим голосом. – Как же вы узнали это, если приехали с далекого малайского полуострова?

– Невозможно, чтобы это достигло вашей страны, – удивилась и леди Марианна.

– Я услышал это не в Шайе, – ответил Сандокан, который едва не выдал себя, – а на Ромадес, где я высаживался несколько дней назад. Там мне рассказали про девушку несравненной красоты, с голубыми глазами, с волосами, ароматными, как жасмин, амазонку, которая скачет на лошадях и охотится на диких зверей, о таинственной девушке, которая на заходе солнца появляется на берегах Лабуана, очаровывая всех своим пением, более нежным, чем журчание ручья. Ах, миледи, я тоже хочу услышать ваш голос.

– Вы мне приписываете слишком много достоинств! – ответила леди, смеясь.

– Нет, я вижу теперь, что эти люди говорили мне правду! – пылко воскликнул пират.

– Это лесть, – покраснела она.

– Дорогая племянница, – вмешался лорд, – нам пора уходить, иначе ты околдуешь и нашего князя.

– Я уже покорен! – воскликнул Сандокан. – И, когда я покину этот дом и возвращусь в мою далекую страну, я скажу моим соотечественникам, что есть девушка, которая покорила сердце человека, считавшееся неуязвимым.

Беседа продолжалась еще немного, касаясь то родины Сандокана, то пиратов Момпрачема, то Лабуана, и вскоре, пожелав ему скорейшего выздоровления, лорд и его племянница ушли к себе.

Оставшись один, Сандокан долго лежал неподвижно, с глазами, устремленными на дверь, за которой исчезла прекрасная Марианна. Он был охвачен глубоким волнением. В его сердце, которое никогда не билось ни для одной женщины, разыгралась страшная буря.

Несколько минут он оставался неподвижным, с горящими глазами и взволнованным лицом, со лбом, покрытым потом, запустив пальцы в свои густые длинные волосы, потом губы его сами собой приоткрылись, и имя Марианны сорвалось с них.

– Ах! – ломая руки, воскликнул он почти с яростью. – Я чувствую, что схожу с ума… что я… я люблю ее!..

Глава VII
Выздоровление и любовь

Леди Марианна Гвиллок родилась под голубым небом Италии, на берегу прекрасного Неаполитанского залива. Мать ее была итальянка, а отец – англичанин.

Оставшись в одиннадцать лет сиротой и наследницей значительного состояния, она воспитывалась у дяди Джеймса, единственного родственника, который остался у нее в Европе.

Сам Джеймс Гвиллок был одним из самых бесстрашных морских волков Старого и Нового Света, он избороздил за свою жизнь все океаны и почти все моря планеты. Лет шесть назад, оснастив на свои средства военный корабль, он прибыл на Саравак, чтобы поддержать Джеймса Брука, истребителя малайских пиратов, страшных врагов английской торговли в этих далеких морях.

Суровый, как все моряки, лорд Джеймс не был особенно сентиментален со своей молодой племянницей. В течение трех лет юная девушка была здесь свидетельницей многих событий, не исключая и кровавых схваток, в которых гибли тысячи человек и которые принесли будущему радже Джеймсу Бруку печальную известность истребителя пиратов, множество которых пало от его рук.

Но в один прекрасный день лорд Джеймс, уставший от кровопролития и опасностей, которым подвергал себя всю жизнь, а отчасти и вспомнив, что у него есть племянница, которую надо воспитывать, оставил море и поселился на Лабуане в небольшом поместье, разместившемся в самом центре острова.

Леди Марианна, которой шел тогда четырнадцатый год, и которая рано повзрослела и закалилась в этой опасной жизни, хотя и казалась еще совсем хрупкой девочкой, пыталась было воспротивиться этому решению дяди, считая, что не сможет привыкнуть к замкнутой, почти дикой жизни в глуши, но морской волк, которому доводилось усмирять на своих кораблях и не такие бунты, остался непреклонен.

Принужденная терпеть эту замкнутую, уединенную жизнь, леди Марианна всей душой отдалась чтению и своему музыкальному образованию, для чего прежде у нее не было достаточно возможностей.

Наделенная мягкой душой, но при этом твердым характером, она сочетала в себе много странных, казалось бы, взаимоисключающих качеств, что поражало всех, близко знавших ее. Была доброй, мягкой, милосердной, любила музыку и цветы, но вместе с тем испытывала настоящую страсть к охоте, могла часами неутомимо скакать на лошади, преследуя диких зверей, или, как наяда, бесстрашно ныряла в голубые волны Малайского моря, точно дикарка, выросшая в этих краях. Но чаще всего ее можно было встретить в бедных хижинах, где она учила грамоте местных детишек, помогала бедным и старикам. Ее тянуло к тем самым людям, которых лорд Джеймс недолюбливал и откровенно презирал как существа низшей расы.

Своей красотой, своей отвагой и добротой Марианна заслужила у местных жителей имя Жемчужины Лабуана. И слухи о ней разнеслись так далеко, что дошли до ушей и заставили забиться железное сердце Тигра Малайзии.

В глуши лесов, вдали от шумного общества и больших городов, она и не заметила сама, как выросла и превратилась из девочки в юную женщину, но встреча с раненым красавцем-князем впервые заставила ее почувствовать это.

Очаровав его своими глазами, своим голосом, своей красотой, она, не отдавая себе еще в этом отчета, была и сама очарована им и побеждена.

Она пыталась подавить в себе это волнение, это биение сердца, столь новое для нее и пугающее, но тщетно, с каждым днем оно делалось только сильнее. Она все время чувствовала, что какая-то неодолимая сила влечет ее к этому человеку, и не находила спокойствия нигде, кроме как возле него. Она была счастлива, когда сидела у его постели, стараясь облегчить ему страдания от раны своей болтовней, своими нежными взглядами и так чаровавшей его игрой на лютне.

Нужно было видеть его, Сандокана, взгляд, бесконечное блаженство на его побледневшем, исхудавшем от болезни лице, нежную улыбку, которая заставила бы застыть от изумления всех знавших Тигра Малайзии прежде.

Теперь он не был больше Тигром Малайзии, не был кровожадным, жестоким пиратом. В эти минуты он забывал Момпрачем, забывал свои прао, своих пиратов и друга-португальца, которые, быть может, именно в этот час, думая, что он погиб, готовились отомстить англичанам на Лабуане своим свирепым, кровавым набегом.

Так проходили у них день за днем, и страсть, пожиравшая Сандокана, помогала его выздоровлению.

На четырнадцатый день, когда после обеда лорд Джеймс неожиданно вошел в его комнату, он застал Сандокана на ногах, готового к выходу.

– О! – воскликнул он радостно. – Очень рад видеть вас здоровым и бодрым!

– Я больше не могу оставаться в постели, милорд, – ответил Сандокан. – Я чувствую в себе столько сил, что поборолся бы сейчас даже с тигром.

– Прекрасно, я предоставлю вам эту возможность!

– Каким образом?

– Я пригласил нескольких друзей на охоту на тигра, который часто бродит возле стен моего парка. Поскольку вы уже здоровы, я приглашаю на завтрашнюю охоту и вас.

– Спасибо. Я обязательно приму в ней участие, милорд.

– Я очень рад и надеюсь, что, выздоровев, вы останетесь еще какое-то время моим гостем.

– К сожалению, мои дела и так уже слишком запущены, и мне придется вас покинуть вскоре, милорд.

– Покинуть вскоре? Даже не думайте об этом! Для дел всегда найдется время. Я предупреждаю, что не позволю вам уехать раньше, чем через месяц-другой. Так что обещайте погостить у меня.

Увы, Сандокан не мог отказать ему в этом. Остаться еще на месяц в этом доме рядом с девушкой, которая покорила его, стала для него всем в этой жизни, видеть каждый день ее лицо, слышать ее чарующий голос – отказаться от всего этого он уже просто не мог.

Он бы все отдал, чтобы жить этой жизнью еще сто лет, он бы забыл ради этого свой Момпрачем, свои корабли, своих тигрят и даже свою кровавую месть.

– Да, милорд, я останусь, если вы этого хотите, – сказал он порывисто. – Благодарю за гостеприимство, которое вы так сердечно мне предлагаете, и, если придет день, когда мы встретимся не как друзья, а с оружием в руках, как непримиримые враги, не забудьте эти слова, как я не забуду вашего гостеприимства.

Англичанин посмотрел на него с удивлением.

– Почему вы так говорите? – спросил он.

– Придет день, и, возможно, вы это узнаете, – серьезным тоном отвечал Сандокан.

– Ну что ж, пока оставляю вам ваши секреты, – сказал лорд Джеймс, улыбаясь. – Подождем того дня.

Он вытащил часы и взглянул на циферблат.

– Пора предупредить моих друзей, что завтра охота. Прощайте, мой дорогой князь, – сказал он.

И уже выходя, добавил:

– Если захотите спуститься в парк, вы найдете там мою племянницу. Надеюсь, она составит вам компанию.

– Благодарю, милорд.

Это было то, чего больше всего на свете хотел и сам Сандокан, – быть рядом с ней, смотреть на нее неотрывно, говорить с ней, раскрыть перед ней свое сердце.

Оставшись один, он быстро подошел к окну и посмотрел в огромный парк. Да, в тени китайской магнолии, усыпанной ароматными цветами, сидела на поваленном стволе дерева молодая леди. Она была одна, в задумчивом ожидании, с лютней на коленях.

Но вдруг лицо его омрачилось, и он отпрянул от окна, издав сдавленный стон, похожий на глухое рычание.

– Что со мной? В кого это я превращаюсь? – внезапно воскликнул он, проводя рукой по пылающему лицу. – Неужто я и на самом деле так безумно влюблен в эту девушку? Неужели я больше не пират Момпрачема, чтобы склониться перед дочерью той расы, которой я поклялся в вечной ненависти?.. Я влюбился, позабыв свой долг!.. Я, который не испытывал к этим людям никаких других чувств, кроме ненависти! Я, который носит имя кровожадного зверя!.. Я забыл мой дикий Момпрачем, моих верных тигрят, моего Янеса. Я забыл, что соотечественники этой девушки только и ждут подходящего момента, чтобы уничтожить их всех, уничтожить мое могущество. Вперед, Тигр, и пусть все услышат твой рык! Беги скорее от этих мест, возвращайся в то море, которое выбросило тебя на эти берега, стань снова неустрашимым пиратом непобедимого Момпрачема!

Он стоял у окна, сжав кулаки, стиснув зубы, весь дрожа от нахлынувшего возбуждения. Ему казалось уже, что он слышит вдали призывный клич своих тигрят, лязг сабель и грохот артиллерии.

Тем не менее он не двинулся с места, сверхъестественной силой пригвожденный к окну, горящими глазами глядя на девушку.

– Марианна! – вскричал он вдруг. – Марианна!

И при звуке этого имени его гнев, его гордость растаяли, как туман на солнце. Тигр снова стал человеком, нежным, любящим, как никогда!..

Он торопливо откинул крючок и быстрым движением распахнул окно. Он наклонился над подоконником и молча, в исступленном восторге любовался восхитительной девушкой. Жгучий жар охватил его, огонь, заливая сердце, разливался по жилам, красный туман стоял перед глазами, но и сквозь этот туман, застилавший для него все, он все время видел ту, что околдовала его.

Спустилась тьма, и на небе сверкали звезды, а он все ходил по комнате, со скрещенными на груди руками и склоненной головой, погруженный в мрачные думы.

– Смотри! – сказал он себе, возвращаясь к окну и подставляя горящий лоб ночному свежему ветерку. – Здесь новая жизнь, спокойная, сладкая, здесь вечное счастье. А там, на Момпрачеме, вечные тревоги, жестокость, кровь, ожесточенные схватки. Здесь моя любовь, но там мои быстрые корабли, мои верные тигрята, мой храбрый Янес!.. Какая из этих двух жизней моя?..

Он замолчал, прислушиваясь к биению своего сердца, к шуму крови в ушах и вихрю чувств, обуревавших его душу.

«Нет, я положу между собой и этой девушкой леса, потом море, потом ненависть!.. – снова начал он. – Ненависть! Неужели я смог бы ненавидеть ее?.. Нет, мне нужно бежать, я должен вернуться на мой Момпрачем! Если я останусь здесь, любовь погубит меня. Этот жар пожрет всю мою энергию, навсегда угаснут моя доблесть и мощь, я не буду больше Тигром Малайзии… Итак, решено, бежим!..»

Он посмотрел вниз: только три метра отделяло его от земли, от возвращения к прежнему, от побега. Он прислушался, но в доме была тишина.

Он перелез через подоконник, мягко спрыгнул в траву среди клумб и направился к дереву, на котором за час до этого сидела Марианна.

– О как она была прекрасна! – прошептал он грустным голосом. – О Марианна! Я никогда больше не увижу тебя, никогда не услышу твоего голоса!.. Никогда, никогда!..

Он наклонился и подобрал цветок, дикую розу, которую она уронила. Он долго смотрел на него, подносил к губам, целовал и наконец страстным движением спрятал на своей груди.

– Вперед, Сандокан! Все кончено!.. – приказал он себе, и решительно двинулся к ограде парка.

Он собирался уже вспрыгнуть на нее, когда вдруг быстро повернул назад, в отчаянии обхватив голову руками.

– Нет!.. Нет!.. – шептал он. – Не могу, не могу!.. Пусть провалится в тартарары Момпрачем, пусть погибнут мои тигрята, пусть исчезнет мое могущество, но я остаюсь!..

Он бросился бегом, точно боясь снова оказаться у изгороди, и остановился только под окном своей комнаты.

Здесь он заколебался снова, но вдруг подпрыгнул, ухватился за ветку дерева и по стволу его взобрался на подоконник.

Оказавшись опять в той же комнате, в этом доме, который только что покинул с твердой решимостью никогда не возвращаться сюда, он горестно поник головой, и тяжкий вздох вырвался из его груди.

– Ах! – воскликнул он. – Вот до чего ты дошел, Тигр Малайзии!..

Глава VIII
Охота на тигра

Когда с первыми лучами солнца лорд постучал в его дверь, Сандокан еще не смыкал глаз.

Вспомнив о предстоящей охоте, он одним прыжком вскочил с постели, на которой лежал одетым, засунул за пояс свой верный крис и открыл дверь со словами:

– Я готов, милорд.

– Прекрасно, – сказал англичанин, – Не думал, что найду вас в полной готовности, дорогой князь. Как вы себя чувствуете?

– Во мне сейчас столько сил, что мог бы свалить целое дерево.

– Тогда поспешим. В парке нас ждут шестеро охотников, которым не терпится добыть шкуру тигра.

– А леди Марианна поедет с нами?

– Конечно, я думаю, что и она уже ждет нас там.

Сандокан не сдержал радостной улыбки.

– Пойдемте, милорд, – сказал он. – Я горю желанием встретиться с тигром.

Они вышли из комнаты и спустились в гостиную, где на стенах, покрытых коврами, было развешано разное оружие. Марианна была там. Она была свежа, как роза, и ослепительна, как никогда, в своей голубой амазонке, которая прекрасно шла к ее золотым волосам.

Взволнованный, Сандокан подошел к ней.

– Вы тоже на охоту? – спросил он, сжимая ее руку.

– Да, князь. А вы, наверное, очень опытны в подобных охотах?

– Я проткну тигра своим крисом и поднесу вам его шкуру, – пылко сказал Сандокан.

– Нет! Нет!.. – испуганно воскликнула она. – Вы еще не совсем здоровы. С вами может случиться новая беда.

– Ради вас, миледи, я дал бы разорвать себя на куски; но не тревожьтесь: тигру Лабуана не одолеть меня.

Подошел лорд Джеймс, держа в руках богатый карабин.

– Возьмите, князь, – сказал он. – Пуля стоит иногда больше, чем самый закаленный клинок. И поспешим, друзья уже ждут нас.

Они спустились в парк, где в ожидании их курили и беседовали между собой пятеро охотников; четверо были окрестные колонисты, а пятый элегантный морской офицер.

При виде его Сандокан, сам не зная почему, почувствовал к нему резкую антипатию, но подавил в себе это чувство и дружески протянул каждому руку.

Морской офицер пристально посмотрел на него, странно морща лоб, а потом, когда охотники разобрали своих лошадей, подошел к лорду Джеймсу, который осматривал сбрую своего жеребца, и сказал ему тихо:

– Капитан, мне кажется, я уже видел этого малайского князя.

– Где? – спросил лорд.

– Точно не помню, но лицо мне очень знакомо.

– Едва ли. Вы, наверное, ошибаетесь, мой друг.

– Возможно. Но я постараюсь вспомнить, милорд.

– Хорошо! А теперь в седла, друзья – все готово!.. Но берегитесь: тигр, говорят, большой, и когти у него мощные.

– Я убью его одной пулей, а шкуру подарю леди Марианне, – сказал офицер.

– Надеюсь убить его раньше вас, сударь, – усмехнулся Сандокан.

– Увидим, друзья, – сказал лорд. – Ну, по седлам!

Охотники вскочили на лошадей, которых им подвели слуги, и по сигналу лорда выехали из парка, предшествуемые загонщиками и двумя дюжинами собак.

Едва выйдя за ограду, отряд разделился, чтобы прочесать большой лес, который протянулся до самого берега моря.

Сидя на вороном горячем коне, Сандокан углубился по узкой тропинке в чащу, торопясь первым обнаружить зверя; другие разъехались по боковым тропинкам в разных направлениях.

– Быстрей, быстрей! – восклицал пират, яростно пришпоривая коня. – Нужно показать этому нахальному офицеру, на что я способен. Шкуру Марианне поднесу я.

В этот момент в чаще леса послышался звук трубы.

– Тигр обнаружен, – встрепенулся Сандокан. – Быстрее туда, мой вороной!

Как молния, он пересек кромку леса и наткнулся на нескольких загонщиков, которые в панике бежали ему навстречу.

– Куда вы? – спросил он.

– Тигр! – воскликнули беглецы.

– Где?

– Возле пруда!

Пират спустился с седла, привязал лошадь к стволу дерева, взял в зубы крис, перекинул через плечо карабин и двинулся к указанному месту. Как всегда в минуты жаркого боя или азартной охоты, он был спокоен и собран, но быстрым взглядом своим замечал все.

– Зверь прошел здесь, – сказал он. – Хитрец пересек пруд, чтобы сбить собак со следа, но Сандокан хитрее его.

Он вернулся к лошади и снова вскочил в седло. Он уже натянул поводья, но тут невдалеке раздался выстрел, сопровождавшийся восклицанием, которое заставило его побледнеть.

Галопом он направил коня к тому месту, и посреди густой чащи увидел Марианну на белой лошади с дымящимся карабином в руках. Одним прыжком он оказался рядом с ней.

– Вы… здесь… одна!.. – воскликнул он.

– А вы, князь, как вы оказались здесь? – спросила она, покраснев.

– Я шел по следу тигра.

– Я тоже.

– Но в кого же вы стреляли?

– В зверя, но он убежал невредимый.

– Великий боже!.. Зачем вы так рискуете своей жизнью?

– Чтобы помешать вам рискнуть еще больше, бросаясь на тигра с вашим крисом.

– Вы были неправы, миледи. Но зверь еще жив, и мой крис готов пронзить его сердце.

– Не делайте этого! Вы храбры, я знаю, я читаю это в ваших глазах, вы сильный и ловкий, как тигр, но борьба один на один с этим зверем может стать для вас роковой.

– Ну и что! Пускай он нанесет мне такие раны, чтобы они заживали потом целый год.

– Зачем же? – спросила девушка удивленно.

– Миледи, – сказал пират, приближаясь к ней. – Мое сердце разрывается при мысли, что скоро я навсегда должен буду покинуть вас. Если меня ранит тигр, то по крайней мере я еще некоторое время останусь под вашей крышей и буду наслаждаться тем сладким волнением, которое испытал, когда, побежденный и раненый, лежал на ложе боли. Я был бы счастлив, действительно счастлив, если бы еще более страшные раны вынудили меня остаться возле вас, дышать тем же воздухом, что и вы, слышать ваш нежный голос, упиваться вашими взглядами, вашими улыбками!.. Миледи, вы околдовали меня, я чувствую, что не смогу жить вдали от вас, что без вас я буду несчастен. Что вы сделали со мной? Что вы сделали с моим сердцем, которое было глухо к любви?

Пораженная столь внезапным и страстным признанием, Марианна была испугана и нема, но она не отняла своих рук, которые пират сжимал с исступлением.

– Не сердитесь на меня, – снова начал Сандокан страстным тоном. – Не сердитесь, если я признаюсь вам в своей любви, если я скажу, что я, хотя и принадлежу к другой расе, обожаю вас, что когда-нибудь и вы полюбите меня. С той минуты, как вы появились, я не знаю покоя, голова моя идет кругом, вы все время здесь, в моей душе, в моих мыслях, ночью и днем. Любовь, которая горит в моей груди, так сильна, что ради вас я мог бы бороться со всем миром, с самой судьбой, с богом! Хотите быть моей? Я сделаю вас королевой этих морей, королевой Малайзии! По одному вашему слову триста человек, отважных, как тигры, поднимутся и опрокинут любого врага, чтобы возвести вас на трон. Пожелайте все, что честолюбие только может подсказать вам, и вы будете обладать этим. У меня хватит золота, чтобы купить целое государство; у меня есть корабли, пушки, солдаты, я более могуществен, чем вы даже можете себе представить.

– Бог мой, но кто же вы? – спросила девушка, изумленная этой лавиной чувств и очарованная его глазами, которые, казалось, изливали пламя.

– Кто я! – воскликнул пират, и лицо его потемнело. – Кто я!..

Он подошел еще ближе к молодой леди и, пристально глядя на нее, мрачно произнес:

– Вокруг меня тьма, которую лучше не рассеивать. За этой тьмой кроется нечто страшное, ужасное, но знайте также, что я ношу имя, благословляемое всем населением этих морей, имя, которое заставляет дрожать не только султана Борнео, но даже англичан вашего острова.

– И вы говорите, что любите меня, вы, такой могущественный? – прошептала девушка сдавленным голосом.

– Да, и ради вас могу сделать все! Люблю такой любовью, что могу совершить и любые безумства, и чудеса. Испытайте меня, прикажите мне что угодно, и я повинуюсь, как раб, с восторгом и без раздумья. Хотите, чтобы я сделался королем и дал вам трон? Я стану им. Хотите, чтобы я, который любит вас до безумия, вернулся туда, откуда приехал, и я вернусь, навсегда разбив свое сердце. Хотите, чтобы я умер у ваших ног, и я убью себя. Говорите, я потерял голову, кровь моя горит! Говорите, миледи, говорите!..

– Да… любите меня, – прошептала она, побежденная этой страстью.

В эту минуту на противоположном берегу прогремели два или три ружейных выстрела.

– Тигр! – воскликнула Марианна.

– Он мой! – вскричал Сандокан.

И, дав шпоры коню, он, как молния, кинулся на своем вороном в ту сторону. Выскочив на поляну, он увидел спешившихся охотников. Впереди всех стоял морской офицер с ружьем, наставленным в сторону ближайших зарослей.

Сандокан бросил поводья с криком: «Тигр мой!» – и спрыгнул с коня.

Казалось, это был второй тигр. Огромными прыжками он ринулся прямо в заросли, сжимая в правой руке сверкающий крис.

– Князь! – испуганно закричала Марианна.

Но Сандокан уже не слышал ничего.

Морской офицер прицелился и выстрелил в тигра, который прятался в зарослях, готовясь к прыжку.

Дым еще не развеялся, когда все увидели, что тигр жив и в ярости мчится к стрелку. Он готов был уже наброситься на охотника и разорвать его, когда Сандокан подоспел со своим крисом. Не раздумывая, он ринулся на зверя, и прежде чем тот, удивленный такой отвагой, подумал защищаться, опрокинул его на землю, сжав горло с такой силой, что придушил его рычание.

– Смотри на меня, – сказал он. – Я тоже Тигр.

И быстрый, как молния, вонзил змеевидное лезвие криса в сердце могучего зверя.

Криками удивления и восторга приветствовали другие охотники и загонщики эту сцену. А пират, вышедший невредимым из этой схватки, бросил презрительный взгляд на бледного, обескураженного своим промахом офицера и, повернувшись к молодой леди, онемевшей от ужаса и тревоги, с жестом, достойным короля, сказал ей:

– Миледи, шкура этого тигра – ваша.

Глава IX
Западня

Обед, предложенный лордом Джеймсом своим гостям, был самый блестящий и самый веселый из всех, которые когда-либо бывали на его вилле.

За чаем беседа оживилась, говорили о тиграх, об охоте, о пиратах, о кораблях. И только морской офицер сидел молча и, казалось, был занят единственно изучением Сандокана, ни на мгновение не отрывая от него взгляда, не пропуская ни одного его слова, ни одного жеста.

Внезапно, обращаясь к Сандокану, который говорил в этот момент о пиратстве, он резко спросил его:

– Извините, князь, а давно вы приехали на Лабуан?

– Я здесь двадцать дней, сударь, – отвечал Тигр.

– Но отчего не видно вашего корабля у Виктории?

– Потому что пираты похитили мои прао.

– Пираты!.. Значит, на вас напали пираты? Но где?

– Вблизи Ромадес.

– Когда?

– За несколько часов до моего появления на этих берегах.

– Вы, по-видимому, ошибаетесь, князь. Как раз в эти дни наш крейсер плавал в тех местах, но ни один пушечный выстрел не донесся до нас.

– Наверное, ветер дул не в вашу сторону, – отвечал Сандокан, который начинал уже настораживаться, не зная, куда клонит офицер.

– Но как вы добрались сюда?

– Вплавь.

– А вы не видели сражения между двумя пиратскими кораблями, которые привел сюда Тигр Малайзии, и нашим крейсером?

– Нет.

– Это странно.

– Сударь, вам, кажется, внушают сомнения мои слова? – спросил Сандокан, вставая на ноги.

– Боже меня упаси, князь, – отвечал офицер с легкой иронией.

– Дорогой Вильям, – вмешался лорд Джеймс, – прошу вас не заводить споры в моем доме.

– Простите, милорд, у меня не было такого намерения, – ответил офицер с полупоклоном.

– Не будем спорить о пустяках. Отведайте-ка лучше этого замечательного виски и выйдем на воздух, в парк.

Собравшиеся в последний раз оказали честь угощению хлебосольного хозяина, затем все встали и спустились в парк в сопровождении Сандокана и леди.

– Господа, – сказал лорд Джеймс, – надеюсь, вы вскоре снова приедете навестить меня.

– Будьте уверены, – дружно сказали охотники.

– И, надеемся, в следующий раз фортуна будет более благосклонна к вам, баронет Вильям, – добавил он, обращаясь к офицеру.

– Я буду целиться лучше, – отвечал тот, бросая на Сандокана гневный взгляд. – Разрешите еще одно слово, милорд.

– Хоть два, дорогой.

Офицер прошептал ему на ухо несколько слов, которых никто не мог слышать.

– Хорошо, – кивнул ему лорд. – А сейчас доброй ночи, друзья, и пусть бог оградит вас от недобрых встреч.

Охотники сели на лошадей и галопом выехали из парка.

Сандокан попрощался с лордом, который неожиданно помрачнел и, казалось, впал в дурное настроение, страстно пожал руку молодой девушке и тоже удалился в свою комнату.

Но он не лег спать, а принялся ходить из угла в угол, объятый сильным волнением. Смутное беспокойство отражалось на его лице, а руки нервно теребили рукоятку криса.

Он думал о том допросе, которому подверг его морской офицер, возможно, готовивший ему западню. Кто этот офицер? Что толкнуло его на этот допрос? Не был ли он на палубе крейсера в ту кровавую ночь?.. Может быть, в этот самый момент против него что-то замышляется?

– А, – сказал он себе наконец, – если против меня и замышляется что-нибудь, я смогу найти выход из положения. Не мне бояться этих англичан, которых я немало отправил на тот свет с моими тигрятами. Отдохнем, а завтра посмотрим, что предпринять.

Он бросился на постель, не раздеваясь, положил рядом свой крис и заснул очень крепко, а пробудился лишь после полудня, когда солнце ярко светило в открытые окна.

Он позвал слугу и спросил, где лорд Джеймс, но ему ответили, что тот сел на лошадь еще до зари и отправился в Викторию.

Эта новость слегка удивила его.

– Уехал! – прошептал он. – Уехал, накануне ничего не сказав мне? Почему? Неужели и впрямь против меня затевается что-то? Что делать, если вечером он станет уже не другом, а врагом мне? Смогу ли я поднять руку на того, кто так заботился обо мне, на родственника женщины, которую я обожаю? Нужно обязательно повидать Марианну.

Он спустился в парк в надежде встретить ее, но никого не увидел. Непроизвольно он направился к поваленному дереву, где она сидела в тот раз в одиночестве, и остановился, испустив глубокий вздох.

– Ах! Как она была прекрасна в тот вечер, – прошептал он, проводя рукой по пылающему лбу. – Глупец, я собирался бежать, в то время как она уже любила меня! О как я люблю ее! Ради нее я мог бы навсегда бросить свою бурную жизнь пирата, ради нее я готов хоть продаться в рабство, ради этой женщины я, наверное, даже сделался бы англичанином. Что любовь делает со мной!..

Он склонил голову на грудь и глубоко задумался, но вдруг выпрямился с судорожно сжатыми зубами и горящим взглядом.

– А если она откажется от пирата! – воскликнул он гневно. – О это невозможно, невозможно! Я захвачу султанат Борнео, я сожгу весь Лабуан, но она будет, будет моей!..

И он принялся ходить по парку с искаженным лицом, во власти того бурного волнения, которое заставляло его дрожать с головы до ног. Знакомый голос, донесшийся из-за кустов возле беседки, вновь привел его в чувство.

Леди Марианна в сопровождении двух местных жителей, вооруженных карабинами, стояла на тропинке и звала его.

– Миледи! – воскликнул Сандокан, быстрым шагом подходя к ней.

– Мой друг, я искала вас, – сказала она, покраснев. Потом прижала палец к губам, как бы приказывая ему молчать, и, взяв за руку, повела его в маленькую китайскую беседку, полускрытую среди апельсиновых деревьев.

Оба туземца остановились невдалеке с карабинами.

– Послушайте, – сказала девушка, которая казалась взволнованной. – Вчера вечером я слышала… с ваших губ сорвались слова, которые встревожили моего дядю. Друг мой, развейте подозрение, которое разрывает мне сердце. Скажите мне, если женщина, которой вы поклялись в любви, попросит вас о признании, вы не откажете в нем?

Пират, который с нежностью смотрел на нее, при этих словах отшатнулся. Его лицо помрачнело, и он опустил голову.

– Миледи, – сказал он, немного поколебавшись, но как будто на что-то решаясь. – Миледи, для вас я сделал бы все! Если я должен открыть всю истину, пусть это будет больно нам обоим, клянусь, я сделаю это.

Марианна подняла на него глаза. Их взгляды: ее – умоляющий и в слезах, его – сверкающий и непреклонный – встретились, и они долго смотрели так друг на друга.

– Не обманывайте меня, князь, – сказала Марианна печально. – Кто бы вы ни были, любовь, которую вы вызвали в моем сердце, не погаснет никогда. Короля или бандита, я буду любить вас одинаково.

Глубокий вздох вырвался из груди пирата.

– Так значит, мое имя, мое настоящее имя, его вы хотите знать? – воскликнул он горячо.

– Да, твое имя, твое имя!..

Сандокан закрыл руками лицо и сделал судорожный вздох, как человек, которому не хватает воздуха. Затем он отнял руки от лица и привлек Марианну к себе.

– Слушай меня, – сказал он глухим голосом. – Перед тобой человек, который властвует над морем, что омывает малайские острова. Этот человек – бич мореплавателей, заставляющий дрожать население целых городов, его имя звучит для многих, как погребальный колокол. Ты слышала когда-нибудь о Сандокане по прозвищу Тигр Малайзии? Посмотри мне в лицо. Это – я!..

Девушка издала невольно крик ужаса и закрыла лицо руками.

– Марианна! – воскликнул пират, падая к ее ногам и протягивая к ней руки. – Не отталкивай меня, не пугайся так!

– О, Сандокан, – ответила она тихо. – Я не отталкиваю тебя, потому что слишком сильно люблю. Ты храбрец, ты могущественный и страшный, как те ураганы, которые переворачивают океан.

– Ах, значит, ты еще любишь меня? Повтори мне это, скажи мне это еще раз.

– Да, я люблю тебя, Сандокан. И сейчас еще больше, чем вчера.

Пират порывисто вскочил и привлек ее к себе. Необычайная радость озарила его лицо, на губах играла улыбка несказанного счастья.

– Моя! Ты моя! – восклицал он в упоении. – Скажи мне, что я могу сделать для тебя, пожелай все, что только возможно. По одному твоему слову я обрушусь на султана, чтобы завоевать для тебя трон. Я ограблю все храмы Индии и Бирмы, чтобы покрыть тебя алмазами и золотом. Хочешь, я сделаюсь англичанином! Хочешь, я брошу навсегда мою пиратскую жизнь, сожгу мои корабли, забью мои пушки… Говори, скажи, что ты хочешь, проси у меня невозможного, я сделаю все. Ради тебя я на все способен, для меня нет преград.

Марианна склонилась к нему на грудь, улыбаясь.

– Нет, – сказала она. – Я не прошу ничего, кроме счастья быть рядом с тобой. Увези меня далеко, на любой остров, где бы мы могли жить вместе без опасностей и тревог.

– Да, если ты хочешь, я увезу тебя на далекий остров, покрытый цветами и лесами, где ты больше не услышишь ни о своем Лабуане, ни о моем Момпрачеме, на остров, омываемый Тихим океаном, где мы сможем жить тихо и счастливо, как два голубка. Ты поедешь со мной, Марианна?

– Да, Сандокан, я поеду. Но послушай, над тобой нависла опасность, против тебя замышляется что-то. Мой дядя уехал, и он резко изменился к тебе.

– Я знаю! – воскликнул Сандокан. – Я чувствую это, но я не боюсь.

– Но послушай меня, Сандокан…

– Что я должен сделать?

– Ты должен сейчас же уехать.

– Уехать!.. Бежать!.. Но я не боюсь!

– Беги, Сандокан, пока еще есть время. У меня дурное предчувствие, боюсь, тебе грозит большая беда. Мой дядя не уехал бы просто так: его, должно быть, вызвал баронет Вильям. Ах, Сандокан, спасайся, уезжай на свой остров, где ты будешь в безопасности. Я очень, очень боюсь за тебя, – сказала она, плача.

– Марианна, милая Марианна! – воскликнул он, сжимая в ладонях ее залитое слезами лицо. – Ты плачешь из-за меня? Может быть, ты плачешь потому, что я Тигр Малайзии, человек, проклятый твоими соотечественниками?

– Нет, Сандокан. Но я боюсь. Вот-вот случится несчастье, беги, беги отсюда!

– Но я не боюсь. Тигр Малайзии никогда не дрожал и…

Тут он остановился, обернувшись направо. Лошадь с сидящим на ней всадником шагом подошла и остановилась напротив беседки.

– Дядя!.. – в страхе прошептала Марианна. – Беги, Сандокан!..

– Я!.. Ни за что!..

Лорд Джеймс неторопливо слез с лошади и отдал поводья слуге. Он был совсем не тот, что накануне: суровый, нахмуренный, в фуражке и форме морского капитана.

Сандокан вышел из беседки и спокойно протянул ему руку, но лорд Джеймс его протянутой руки не принял.

– Уберите вашу руку, – холодно сказал он. – Она принадлежит убийце и пирату!

– Сударь! – воскликнул Сандокан, понимая, что он уже раскрыт, и готовясь дорого продать свою жизнь. – Я не убийца, я восстанавливаю справедливость.

– Ни слова больше в моем доме! Уйдите!

– Хорошо, – ответил Сандокан.

Он бросил прощальный взгляд на возлюбленную и медленным шагом с высоко поднятой головой пошел по тропинке.

Выйдя за ограду, он невольно схватился за рукоятку висевшего на поясе криса: в наступающих сумерках, с ружьями наперевес, рассыпаясь цепью вокруг дома, навстречу ему двигалась шеренга солдат.

Глава X
Погоня

В другое время, даже один и почти безоружный, Сандокан, не колеблясь, бросился бы на острия штыков, чтобы проложить себе дорогу любой ценой. Но сейчас, когда он любил и знал, что любим, не следовало идти на такое безумство, которое стоило бы ему жизни, а Марианне бог знает скольких слез. Он должен непременно пробиться к морю, но делать это нужно другим путем.

– Вернемся, – сказал он себе. – А там увидим.

Он вошел в дом, поднялся по лестнице и появился в гостиной с крисом в руке.

Лорд Джеймс был еще там, мрачный, со скрещенными на груди руками, Марианны в гостиной не было.

– Сударь, – сказал Сандокан, подходя к нему. – Если бы я приютил вас, дружески отнесся к вам, а потом обнаружил, что вы мой смертельный враг, я бы указал вам на дверь, но не стал бы устраивать трусливую западню. Там, на дороге, по которой мне нужно пройти, десятка три или четыре солдат, готовых расстрелять меня; велите им пропустить меня, и я уйду.

– Так наш непобедимый Тигр струсил? – сказал лорд с холодной иронией.

– О нет, милорд. Но здесь речь идет не о сражении, а об убийстве безоружного человека.

– Это меня не касается. Уходите, не позорьте больше мой дом, или, клянусь Богом…

– Не грозите, милорд, этот Тигр способен укусить и ту руку, которая заботилась о нем.

– Уходите, вам говорят!

– Прикажите сначала уйти этим людям.

– Ах так, – закричал лорд Джеймс, срывая со стены саблю, – я сам прикончу тебя!

– Вот как. Я не знал, что вы готовы даже на это, – сказал Сандокан. – И все-таки, милорд, не дешевле ли вам обойдется пропустить меня, чем удерживать здесь?

Лорд Джеймс схватил со стола охотничий рог и издал резкий призывный звук. В ответ послышался звук трубы со двора.

– Ах предатель! – вскричал Сандокан, чувствуя, что в нем закипела кровь.

– Ты в наших руках, мерзавец, – злобно сказал ему лорд. – Солдаты сейчас будут здесь, а через двадцать четыре часа тебя повесят.

Сандокан издал глухое рычание. Одним движением он схватил тяжелый стул и со страшной силой бросил его в противника. От удара в грудь лорд пошатнулся и тяжело упал на ковер.

Сандокан нагнулся и, подняв его саблю, выскочил в коридор.

– Марианна! Где ты, Марианна? – крикнул он, бросаясь к комнате девушки.

Она открыла ему дверь и бросилась в его объятия.

– Сандокан, я видела солдат, – плача, сказала она. – Ты погиб!

– Еще нет, – отвечал пират. – Я уйду от солдат, вот увидишь. Но, Марианна, – с дрожью в голосе сказал он, – поклянись, что будешь моей женой.

– Клянусь тебе памятью моей матери, – ответила девушка.

– И ты будешь ждать меня?

– Да, обещаю тебе.

– Хорошо. Я ухожу. Но через неделю, самое большее, через две, я вернусь во главе моих храбрецов. А теперь вы, английские собаки! – прокричал он, бросаясь к окну. – Я буду биться ради Жемчужины Лабуана.

Он быстро перескочил через подоконник и прыгнул в середину густой клумбы, которая скрыла его полностью.

Солдаты, которых было человек сорок-пятьдесят, в густеющих сумерках окружили парк и медленно продвигались вперед с карабинами на изготовку, готовые по первому приказу открыть огонь.

Сандокан притаился, как тигр. С саблей в правой руке и крисом в левой он не дышал и не двигался; он весь подобрался, выжидая момента, чтобы выскочить и прорвать эту цепь, неудержимым порывом вырваться на волю.

Очень скоро солдаты оказались всего в нескольких шагах от клумбы, где он притаился. Дойдя до этого места, они остановились, точно не решаясь идти вперед и ожидая какой-то новой команды.

– Спокойно, ребята, – сказал ведший их капрал. – Подождем еще одного сигнала.

– Вы боитесь, что пират спрятался? – спросил один солдат.

– Боюсь, как бы он не изрубил уже всех в этом доме. Что-то не слышно там ничего.

– Неужели он и на это способен?

– Этот разбойник способен на все, – отвечал капрал. – Хорошо бы увидеть его пляшущим на виселице с крепкой веревкой на шее! Только там можно больше не опасаться таких молодцов.

В этот момент из дома послышался слабый звук рога лорда.

– Вперед! – скомандовал капрал. – Окружайте дом.

Солдаты медленно приближались, бросая беспокойные взгляды вокруг. Сандокан измерил взглядом расстояние, которое отделяло его от них, привстал на колени и вдруг стремительным прыжком бросился на врагов.

Раскроить череп капралу и метнуться в гущу ближайших кустов было делом одной секунды. Растерявшиеся, пораженные такой дерзостью солдаты не успели даже открыть огонь. И этого их короткого замешательства хватило Сандокану, чтобы достигнуть изгороди, одним прыжком перескочить через нее и исчезнуть с другой стороны.

Вопль ярости раздался вслед ему. Беспорядочно стреляя, солдаты ринулись в погоню, но было уже слишком поздно.

Свободный, как ветер, в этом густом лесу имевший возможность спрятаться, где угодно, Сандокан не боялся их. Что с того, что за ним погоня, если впереди простор, если в ушах звучит еще музыкой: «Беги! Я люблю тебя!»

– Они будут искать меня здесь, в этой дикой чаще, – говорил он себе на бегу. – Они встретят свободного тигра, готового на все, решившегося на все. Пусть же бороздят воды их дымящие крейсера, пусть солдаты прочесывают лес, пусть зовут себе на помощь всех жителей Виктории, я все равно пройду сквозь их штыки и пушки. Но скоро я вернусь, о любовь моя, клянусь тебе, вернусь сюда во главе моих храбрецов, не как побежденный, а как победитель, и вырву тебя навсегда из этих проклятых мест!

С каждым шагом он все дальше уходил от преследователей; их крики и ружейные выстрелы становились все глуше, пока не затихли совсем.

Лишь после этого он остановился на минуту, чтобы перевести и выбрать дорогу в густой чаще леса.

Совсем стемнело, и на остров опустилась теплая тропическая ночь. Луна, сверкавшая на безоблачном небе, рассеивала по лесу голубоватые лучи.

– Итак, – сказал пират, выбирая себе путь по звездам, – за спиной у меня англичане; впереди, к западу – море. Если двинуться в этом направлении, то можно напороться на засаду: они наверняка думают перехватить меня там. Лучше свернуть к югу и добраться до моря в другом месте, тогда они потеряют мой след.

Не теряя времени, он снова углубился в лес. Пробираться здесь среди густых зарослей можно было лишь с величайшим трудом. Он обходил кусты, перелезал через поваленные стволы, переходил вброд ручьи и протоки.

– Ничего, что ноги промокли, – сказал он себе. – Зато сбил собак со следа. Теперь можно и отдохнуть немного, не боясь, что меня обнаружат.

Он влез по ветвям на большое раскидистое дерево и задремал, прислонившись к стволу.

Прошло полчаса, как вдруг легкий шум заставил его встрепенуться. Медленно, стараясь не дышать, он раздвинул ветви и, посмотрел вниз.

Два солдата с ружьями на изготовку боязливо шли по тропинке, озираясь то направо, то налево.

– Враги! – прошептал он. – Неужели они следовали за мной по пятам?

Солдаты, которые, казалось, искали следы Сандокана, пройдя еще несколько метров, остановились под тем самым деревом, на котором прятался он.

– Не знаю, как ты, Джон, – сказал один из них робким голосом, – а я боюсь в этом темнеющем лесу.

– Я тоже, Джеймс, – отвечал другой. – Этот человек хуже тигра, он способен на все. Ты видел, как он уложил капрала?

– Ужасно! Никогда не забуду этого, Джон. Это не человек, а какой-то демон, способный всех искрошить в куски. Как ты думаешь, нам удастся поймать его?

– Сомневаюсь, хотя баронет Вильям и обещал пятьдесят фунтов стерлингов за его голову. Пока мы гонимся за ним на запад, он, может, свернул уже на север или юг.

– Но что же нам делать?

– Сначала пойдем к берегу, а там увидим.

– Подождем здесь сержанта Виллиса.

– Мы подождем его на берегу.

И солдаты, взяв снова ружья на изготовку, опасливо озираясь, скрылись в ночной темноте.

– Ну что ж, – сказал Сандокан, спрыгивая на землю, – теперь я знаю, куда мне идти.

И, неслышно ступая, он двинулся в южном направлении, рассчитывая за ночь пройти километров двадцать. А там, на берегу, видно будет.

Он шел больше часа, перестав даже думать о погоне, когда внезапно раздался резкий голос:

– Стой, или я стреляю!

Глава XI
Джиро-Батол

Не дрогнув, словно ничего особенного он не услышал, Сандокан обернулся, сжимая саблю.

Шагах в шести стоял пехотинец в форме сержанта, взяв его на прицел. Суровый вид и резкий тон этого вояки не оставляли сомнений в серьезности его намерений.

Не двигаясь, Сандокан смотрел на него глазами, которые точно фосфоресцировали. Потом он коротко рассмеялся.

– Чему вы смеетесь? – спросил сержант, приведенный в замешательство его поведением.

– Смеюсь тому, что ты хотел меня напугать. Ты знаешь, кто я?

– Главарь пиратов Момпрачема.

– А ты в этом вполне уверен, Виллис? – спросил Сандокан, и голос его прозвучал как-то странно.

– Виллис! – воскликнул сержант, охваченный невыразимым ужасом. – Откуда вы знаете мое имя?

– Нет ничего такого, чего бы не знал человек, убежавший из преисподней, – сказал Сандокан, усмехаясь.

– Из преисподней? – испуганно переспросил сержант. – Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду то, что стоит у тебя за спиной! – зловещим тоном воскликнул Сандокан.

Сержант, напуганный его словами, инстинктивно обернулся, и в тот же миг, как тигр из засады, пират кинулся и повалил его на землю.

– Пощадите! Пощадите! – залепетал бедный сержант, видя направленное ему в грудь острие сабли.

– Так и быть, дарю тебе жизнь, – сказал Сандокан. – Но только в том случае, если верно ответишь на все мои вопросы. Берегись, если напутаешь или соврешь.

– Хорошо, – согласился сержант.

– В какую сторону направился основной ваш отряд?

– К западному берегу.

– Сколько в нем человек?

– Не могу сказать: это будет измена.

– Ты прав, – согласился легко Сандокан. – Можешь не говорить. За это я тебя даже уважаю.

Сержант посмотрел на него с изумлением.

– Удивительно! – сказал он ему. – Я думал, вы разбойник, пират, а вы человек благородный.

– Одно другому не мешает, – пробормотал Сандокан. – А ну-ка, снимай свою форму!

– Для чего? Зачем она вам?

– Я тоже хочу хоть немного побыть сержантом. Есть солдаты-индийцы среди тех, что гонятся за мной?

– Да, сипаи.

– Хорошо. Раздевайся, и без фокусов, если хочешь, чтобы мы остались добрыми друзьями.

Сержант неохотно, но повиновался. Сандокан кое-как натянул его форму, опоясался ремнем, надел патронташ, напялил на голову его шапку. Потом взял и перекинул за спину карабин.

– А теперь я на всякий случай свяжу тебя, – сказал он сержанту.

– Вы хотите оставить меня на съедение тиграм?

– Не бойся, – утешил его пират. – Они сейчас не голодные.

Крепкими руками он схватил и связал беднягу и, пожелав ему спокойной ночи, быстро двинулся прочь.

– Поспешим, – сказал он себе. – Нужно сегодня же ночью добраться до берега. В этом костюме мне будет проще скрываться, проще сесть на какое-нибудь торговое судно. Сначала на Ромадес, а оттуда уже просто добраться до Момпрачема, и тогда… Тогда я вернусь, но уже не один!

И он ускорил шаги, стремясь выбирать в лесу путь покороче.

Он шел всю ночь, то лесом, то какими-то полями, взбирался на пригорки, обходил стороной селения.

На восходе солнца он спрятался в чаще леса у ручья, чтобы немного отдохнуть и поспать.

Он выпил несколько глотков виски из фляжки сержанта Виллиса, съел несколько бананов, которые собрал в лесу, потом положил голову на связку травы и глубоко заснул, не беспокоясь, что его здесь обнаружат.

Сколько он спал? Не больше трех-четырех часов, поскольку солнце, когда проснулся, стояло еще высоко. Он уже собирался подняться, чтобы продолжить путь, когда неподалеку раздался ружейный выстрел и сразу за ним – быстрый галоп лошади.

– Неужели меня обнаружили? – прошептал он, снова притаившись за кустом.

Он выставил вперед карабин, осторожно раздвинул листья и посмотрел на поляну перед собой.

Сначала он не увидел ничего, только слышал топот копыт, который быстро к нему приближался. Он решил было, что это охотник гонится по следу зверя, но скоро понял, что ошибся: гнались за человеком.

Мгновение спустя какой-то малаец, судя по цвету кожи, огромными прыжками выскочил на поляну и бросился к зарослям бананов.

Это был коренастый полуголый человек, не имевший на себе ничего, кроме набедренной повязки и какой-то старой шляпы на голове. В правой руке он держал суковатую палку, в левой – крис со змеевидным лезвием.

Бежал он так быстро, что у Сандокана не хватило времени как следует рассмотреть его. Только появился – и тут же исчез в чаще бананов за гигантскими листьями.

«В руке у него крис, – озадаченно подумал Сандокан. – Значит, он малаец. Но кто же он такой?»

И вдруг его осенило.

«А что если это один из моих людей? – спросил он себя. – Может, Янес уже высадил кого-нибудь здесь? Он ведь знает, что я отправился на Лабуан».

Пират собирался уже вылезти из чащи, чтобы найти беглеца, когда на краю леса появился всадник.

Это был кавалерист из полка Бенгалии. Лицо у него было злое, он ругался и бешено дергал поводья.

Спешившись возле зарослей бананов, он привязал лошадь к дереву и стал внимательно вглядываться в чащу.

– Черт побери! – воскликнул кавалерист в сердцах. – Не провалился же он сквозь землю!.. Где-то он спрятался тут, и со второго раза я по нему уже не промажу. Если бы проклятая лошадь не споткнулась, этого пирата уже не было бы в живых.

Он взял в левую руку карабин, правой обнажил саблю и полез в гущу зарослей, осторожно отводя ветки.

Было сомнительно, чтобы ему удалось обнаружить беглеца. Тут мог бы спрятаться и целый взвод. Но кавалерист, похоже, верил в удачу.

Наблюдая всю эту сцену из-за кустов, Сандокан терялся в догадках, кто был этот беглец, который здесь спрятался.

– Нужно попытаться спасти его, – пробормотал он. – Может, это один из моих людей или разведчик, посланный Янесом. Нужно отвлечь этого кавалериста и отправить его подальше от этого места, иначе он, чего доброго, и впрямь обнаружит беднягу.

Он уже собрался выйти из-за кустов, когда в нескольких шагах от него заколыхались гроздья лиан.

Он быстро повернул голову и увидел малайца. Стараясь понадежнее спрятаться, тот карабкался по лианам на верхушку мангового дерева, среди густых листьев которого мог найти себе прекрасное убежище.

– Хитрец, – усмехнулся Сандокан.

Он подождал, пока тот доберется до ветвей и повернется. Едва он увидел его лицо, как ахнул от изумления:

– Джиро-Батол! Ах ты, мой храбрый тигренок! Как он оказался здесь, и живой?.. Ведь я же помню, что он остался на тонущем корабле, мертвый или смертельно раненный. Какая удача! У него, видно, душа прибита к телу гвоздями. Ну так спасем его!..

Он, крадучись, отошел назад, обогнул слева чащу и внезапно появился перед кавалеристом, крича:

– Эй, друг!.. Что вы ищете в этом лесу? Подстрелили какого-нибудь зверя?

Заслышав крик, кавалерист живо выскочил из кустов, держа ружье на изготовку.

– О! Сержант! – воскликнул он.

– Вы удивлены, приятель?

– Откуда вы появились?

– Из леса. Я услышал ружейный выстрел и поспешил сюда, чтобы узнать, что случилось. Вы стреляли тут в зверя?

– Да, в зверя, который опаснее тигра, – сказал кавалерист с плохо скрытым раздражением.

– Так что это за зверь?

– А разве вы сами не ищете кое-кого? – спросил солдат.

– Да, ищу.

– Тигра Малайзии, не так ли, сержант?

– Точно, его.

– А вы видели этого страшного пирата?

– Нет, но я нашел его следы.

– А я нашел его самого.

– Не может быть!

– Я даже стрелял в него, но промахнулся.

– И где же он спрятался?

– Боюсь, что он уже далеко. Я видел, как он пересек эту поляну и спрятался в чаще.

– Тогда вы его больше не найдете.

– Боюсь, что да. Этот человек ловчее обезьяны и страшнее тигра.

– Он способен нас обоих отправить запросто на тот свет.

– Знаю, сержант. И если бы не сто фунтов, обещанных лордом Гвиллоком, я бы не осмелился гоняться за ним.

– А сейчас что вы намерены делать?

– Не знаю. Думаю, что, продираясь через эти чащи, я только напрасно потеряю время.

– Хотите совет?

– Говорите, сержант.

– Садитесь на лошадь и объезжайте лес.

– Может, поедем вместе? Вдвоем безопаснее.

– Нет, дружище.

– А почему, сержант?

– Вы хотите, чтобы он убежал?

– Как так?

– Если мы будем его преследовать вдвоем с одной стороны, Тигр убежит с другой. Поэтому вы объедете лес кругом, а я прочешу отсюда.

– Согласен, но с одним условием.

– Каким.

– Мы поделим премию, если нам посчастливится схватить Тигра. Я не хочу потерять все сто фунтов.

– Договорились, – сказал Сандокан, улыбаясь.

Кавалерист сунул саблю в ножны, снова сел в седло и, закинув за плечи карабин, весело затрусил прочь.

– Долго же ты будешь искать меня, – пробормотал ему вслед Сандокан.

Он подождал, пока всадник исчез в чаще, потом подошел к дереву, на котором прятался малаец и позвал:

– Слезай, Джиро-Батол!

Услышав его голос, малаец птицей слетел с дерева и бросился к нему.

– Ах… мой капитан!.. – задыхаясь от радости, не находил он слов. – Ах, мой капитан!

– Ты уже не надеялся встретить меня живым? – засмеялся Сандокан.

– Черт возьми! – сказал пират со слезами на глазах. – Я думал, что больше никогда вас не увижу! Я был уверен, что англичане убили вас.

– Убили меня? У англичан не хватит железа, чтобы достать до сердца Тигра Малайзии, – ответил Сандокан. – Я был тяжело ранен, это правда, но, как видишь, я выздоровел и готов продолжать борьбу.

– А как же все остальные?

– Спят в морской пучине, – сказал Сандокан со вздохом.

– Но мы отомстим за них, правда, капитан?..

– Да, и очень скоро. Но как же ты сам остался в живых? Я видел, как ты упал замертво на палубу во время первого сражения.

– Так и было, капитан. Пуля попала мне в голову, но только контузила меня. Когда я пришел в себя, бедный прао, изрешеченный снарядами крейсера, готов был уже затонуть. Я уцепился за обломок мачты и устремился к берегу. Несколько часов я был в море, потом потерял сознание. Очнулся в хижине местного рыбака. Этот добрый человек подобрал меня в пятнадцати милях от берега, поднял на свою пирогу и привез на землю. Он заботливо лечил меня, и теперь я совершенно здоров.

– А сейчас куда ты бежал?

– Я собирался отправиться на берег, чтобы спустить на воду пирогу, которую я раздобыл, когда на меня набросился этот солдат.

– О! Так у тебя есть пирога?

– Да, мой капитан.

– Ты хотел вернуться на ней в Момпрачем?

– Этой ночью.

– Мы поплывем вместе, Джиро-Батол.

– Когда?

– Сегодня вечером погрузимся.

– Хотите пойти в мою хижину и отдохнуть немного?

– Так у тебя есть и хижина?

– Лачуга, предоставленная мне местными жителями.

– Пошли, нам не стоит оставаться здесь, чтобы не столкнуться снова с этим кавалеристом.

– Он вернется? – с опаской спросил Джиро-Батол.

– Наверняка.

– Тогда бежим, капитан.

– Не спеши. Как видишь, я стал сержантом полка бенгальской пехоты, так что могу защитить тебя.

– Раздели какого-нибудь солдата?

– Да, Джиро-Батол. А далеко твоя хижина?

– Через четверть часа будем там.

– Пойдем отдохнем немного, а там подумаем, как выбраться отсюда.

Два пирата вышли из чащи и, убедившись, что поблизости никого нет, торопливо пересекли открытое место и добрались до окраины другого леса.

Они уже собирались углубиться в заросли, когда Сандокан услышал за спиной яростный галоп.

– Опять этот зануда! – воскликнул он. – Быстро, Джиро-Батол, лезь в кусты!..

– Эй!.. Сержант!.. – заорал кавалерист еще на скаку. – Это так-то вы помогаете мне захватить пирата?.. Я чуть не загнал свою лошадь, а вы и с места не сдвинулись.

Он осадил коня и вытер рукавом свое потное лицо.

Сандокан спокойно повернулся к нему.

– Я снова нашел следы пирата и подумал, что бесполезно преследовать его через лес. Впрочем, я ждал вас.

– Вы обнаружили следы?.. Тысяча чертей!.. Но сколько же следов оставил этот негодяй! Я думаю, он просто развлекается, дурача нас.

– Я тоже так полагаю.

– Кто их вам показал?

– Я сам нашел.

– Ну да, сержант!.. – воскликнул кавалерист ироническим тоном.

– Что вы хотите сказать? – спросил Сандокан, нахмурив лоб.

– Что кое-кто вам их показал.

– Кто же?..

– Я видел рядом с вами негра.

– Я встретил его случайно, и он составил мне компанию.

– А вы вполне уверены, что он островитянин?

– Я не слепой.

– А куда делся этот негр?

– Углубился в лес. Он шел по следу бабируссы.

– Зря вы его отпустили. Он мог бы дать нам ценные указания и помочь заработать сто фунтов.

– Ну!.. Я начинаю бояться, что они уже улетучились, приятель. Мне надоело, и я возвращаюсь к своим.

– А я буду продолжать поиски пирата.

– Ну как хотите!

– Счастливого возвращения! – закричал кавалерист с иронией.

– Иди к дьяволу! – вполголоса пробормотал Сандокан.

Кавалерист повернул налево и вскоре был уже далеко, яростно пришпоривая своего взмыленного коня.

– Пошли, – сказал Сандокан малайцу, когда зануда-кавалерист исчез из виду. – Если он еще раз мне попадется, я поздороваюсь с ним добрым выстрелом из карабина.

Пройдя еще одну поляну, они углубились в густые заросли, с трудом пролагая себе дорогу среди хаоса лиан, которые переплетались толстой сетью со всех сторон, и корней, змеившихся по земле во всех направлениях. Они шли добрую четверть часа, и наконец забрались в такую густую чащобу, что свет почти не проникал туда.

Джиро-Батол остановился, чутко прислушиваясь, потом сказал:

– Вон там моя хижина, среди тех растений.

– Надежное убежище, – одобрил Сандокан с легкой улыбкой. – Восхищаюсь твоей предусмотрительностью.

– Входите, капитан. Чувствуйте себя, как дома.

Глава XII
Пирога Джиро-Батола

Хижина Джиро-Батола возвышалась в самой гуще густых зарослей, под деревьями, которые защищали ее от солнечных лучей.

Это была скорее лачуга, чем жилище, едва способная вместить нескольких человек, низкая, тесная, с крышей из банановых листьев и стенами, грубо сплетенными из ветвей. Единственным отверстием была дверь; окон же и следа не было.

Внутреннее убранство было не лучше наружного: в хижине не было ничего, кроме постели из сухих листьев, пары грубых глиняных горшков и двух камней, которые служили очагом.

Однако припасов хватало: фрукты всех сортов, съедобные побеги бамбука и половина молодого козленка, подвешенного под крышей за задние ноги.

– Моя хижина не слишком уютна, капитан, – сказал Джиро-Батол, – однако здесь вы сможете отдохнуть, не боясь, что вас потревожат. Даже окрестные жители не знают, где она находится. Если хотите спать, вот постели из свежих листьев; если хотите пить – вон горшок со свежей водой; если хотите есть – вот фрукты и мясо.

– Большего мне и не надо, дорогой мой Джиро-Батол, – отвечал Сандокан. – Я не надеялся найти даже этого.

– Предоставьте мне полчаса, чтобы поджарить козленка. Тем временем можете опустошить мою кладовую. Вот отличные ананасы, ароматные бананы, сочные манго, каких вы не пробовали на Момпрачеме. Все в вашем распоряжении.

– Спасибо, Джиро-Батол. Я ими воспользуюсь, чтобы утолить голод, как тигр, не евший целую неделю.

– А я пока разожгу огонь.

– А дыма видно не будет?

– О не беспокойтесь, мой капитан. Деревья такие высокие и густые, что не пропускают его.

Проголодавшийся пират набросился на бананы и сочные плоды манго, а Джиро-Батол тем временем принялся поджаривать аппетитный кусок козленка. Насадив мясо на вертел, он покопался в углу в куче зеленых листьев и извлек оттуда горшок, издававший малоаппетитный запах.

– Что это? – спросил Сандокан.

– Изысканное блюдо, мой капитан.

Сандокан заглянул в горшок и отшатнулся.

– О нет! Спасибо, но я предпочитаю мясо, друг мой. А блачанг не по мне.

– Я берег его для особого случая, – пробурчал обиженный Джиро-Батол.

– Ты же знаешь, что я не малаец. Ешь свое знаменитое блюдо сам. В море оно испортится.

Малаец не заставил просить себя дважды и жадно набросился на горшок, закатывая глаза от удовольствия.

Блачанг считается у малайцев самым утонченным блюдом. По части продуктов питания они могут дать сто очков вперед китайцам, самым небрезгливым из всех народов. Они не отказываются от змей, от слегка разложившейся дичи, от червей в соусе, и даже от личинок термитов, из-за которых впадают в настоящее безумие. Блачанг же превосходит все это. Он состоит из рачков и маленьких рыбок, зажаренных вместе, подгнивших на солнце и потом засоленных. Вонь, которую издает это блюдо, неописуема. Тем не менее малайцы так охочи до него, что предпочитают его курам и ребрышкам молодого барашка.

– Мы отправимся ночью, не так ли, капитан? – спросил Джиро-Батол, опустошив горшок

– Да, как только зайдет луна, – отвечал Сандокан.

– Нам не помешают?

– Надеюсь.

– Но все-таки можем нарваться на засаду.

– Не беспокойся. Моя сержантская форма отведет подозрения.

– А вдруг кто-то узнает вас под этой одеждой?

– Здесь очень мало людей, которые меня знают, и я уверен, что не встречу их на пути.

– Значит, вы завязали здесь отношения?

– И с важными персонами: с баронами и графами, – сказал Сандокан.

– Вы, Тигр Малайзии! – воскликнул Джиро-Батол в изумлении.

Потом посмотрел на Сандокана с неуверенностью и спросил, поколебавшись:

– А белая девушка?

Сандокан резко поднял голову, посмотрел на малайца взглядом, который был подобен молнии, и с глубоким вздохом сказал:

– Молчи, Джиро-Батол, молчи! Не буди во мне ужасные воспоминания!..

Он несколько мгновений молчал, зажав голову руками, с глазами, устремленными в пустоту, потом, говоря как бы сам с собой, продолжал:

– Мы скоро вернемся сюда, на этот остров. Наверное, судьба была более могущественна, чем моя воля, и потом… даже в Момпрачеме, среди своих храбрецов, как я могу забыть ее? Мало мне было этого ужасного поражения? Я должен был оставить и свое сердце на этом проклятом острове!..

– О ком вы говорите, мой капитан? – спросил Джиро-Батол, преисполненный удивления.

Сандокан провел рукой по глазам, точно стирая видение, потом встрепенулся и сказал:

– Не спрашивай меня ни о чем, Джиро-Батол.

– Но мы вернемся сюда?

– Да.

– И отомстим за наших товарищей, убитых у берегов этого острова?

– Да, но, может быть, для меня было бы лучше никогда больше не видеть его.

– Что вы говорите, капитан?

– Да, этот остров может нанести смертельный удар могуществу Момпрачема и, может быть, навсегда связать Тигра Малайзии.

– Вас, такого сильного, такого страшного? О! Не вам бояться английских леопардов.

– Я не о них, но… кто может читать в книге судьбы? Руки мои еще сильны, но сердце будет ли?

– Сердце! Я вас не понимаю, капитан.

– Так лучше, Джиро-Батол. Не будем думать о прошлом. Давай-ка лучше передохнем.

Малаец не осмелился продолжать. Он вытащил жаркое, которое издавало аппетитный запах, выложил его на широкий банановый лист и предложил Сандокану, потом пошел пошарил в углу лачуги и из дыры достал запыленную бутылку, аккуратно оплетенную волокнами лианы:

– Джин, мой капитан, – сказал он, глядя на бутылку горящими глазами. – Мне пришлось немало постараться, чтобы раздобыть его. Можете выпить хоть все до капли.

– Спасибо, Джиро-Батол, – ответил Сандокан, слегка улыбнувшись. – Мы его разделим по-братски.

Сандокан, молча, едва отведал кушанье, которое ему предложил добрый малаец, выпил несколько глотков джина, потом растянулся на постели из свежих листьев, но несмотря на

то что не спал всю предыдущую ночь не мог сомкнуть глаз. Мысль о Марианне не давала ему уснуть.

Что случилось с ней после всех событий? Что произошло между ней и лордом Джеймсом?.. И о чем договорились старый морской волк и баронет Вильям Розенталь?..

«А! – думал Сандокан, ворочаясь на своем лиственном ложе. – Я отдал бы половину своей крови, чтобы еще раз увидеть ее. Бедная Марианна!»

Мучимый этими думами, Сандокан так и не сомкнул глаз. А когда солнце зашло и тьма заволокла хижину, разбудил Джиро-Батола, который храпел, как тапир.

– Пошли, – сказал он ему. – Небо заволокло облаками, так что нечего ждать, пока зайдет луна. Пошли быстрее, потому что я чувствую, что, останься я здесь еще хоть час, я не смогу уехать. Где находится твоя пирога?

– В десяти минутах пути.

– Так близко от моря?

– Да, Тигр Малайзии.

– А ты взял припасы?

– Я обо всем подумал, капитан. Там есть и фрукты, и вода, и весла, и даже парус.

– Тогда отправляемся, Джиро-Батол.

Малаец взял половину жаркого, которое он отложил про запас, вооружился суковатой палкой и последовал за Сандоканом.

– Более подходящей ночи и не придумаешь, – заметил он, глядя на небо, сплошь затянутое густыми облаками. Мы выйдем в море никем не замеченные.

Пройдя через чащу, Джиро-Батол остановился на секунду, чтобы прислушаться, но, убедившись, что в лесу царит глубокая тишина, пустился дальше, свернув на запад.

Под огромными деревьями была густая темнота, но малаец видел ночью, как кошка, и к тому же хорошо знал эти места.

Сандокан, мрачный, молчаливый, следовал за ним по пятам, предоставив ему выбирать дорогу.

Если бы луч луны упал на лицо жестокого пирата, то высветил бы на нем глубокое отчаяние и душевную боль.

Они шли с полчаса, когда малаец вдруг остановился и прислушался.

– Вы слышите этот шум? – спросил он.

– Слышу, это море, – отвечал Сандокан. – А где пирога?

– Здесь рядом.

Малаец повел Сандокана через густую завесу листвы и, пройдя ее, показал на море, которое с ворчанием билось об отмели острова.

– Вы ничего не видите? – спросил он.

– Ничего, – ответил Сандокан, глазами быстро обведя горизонт.

– Нам везет: крейсера еще спят.

Он спустился к берегу, раздвинул ветви дерева и показал лодку, которая покачивалась в глубине маленькой бухты.

Это была пирога, высеченная из цельного ствола огромного дерева, подобная тем, которые в ходу у индейцев Амазонки и полинезийцев Тихого океана.

Бросать вызов морю на такой лодке было безумием: достаточно одной большой волны, чтобы опрокинуть ее; но пираты были не из тех, кто способен испугаться этого.

Джиро-Батол первым прыгнул в нее и установил мачту, к которой был приделан небольшой парус, аккуратно сплетенный из волокон лианы.

– Спускайтесь, капитан, – сказал он, берясь за весла. – С минуты на минуту может показаться крейсер.

Мрачный, со склоненной головой и скрещенными на груди руками, Сандокан все еще стоял на берегу, глядя на восток, точно стараясь разглядеть в густой тьме, за завесой деревьев, дом, где оставил Марианну. Казалось, он не слышал и не думал о том, что малейшее промедление может стать для него роковым.

– Капитан, – повторил малаец. – Вы хотите, чтобы нас захватили в море? Спускайтесь же скорей, или будет поздно.

– Иду, – ответил Сандокан грустным голосом.

Он прыгнул в пирогу, закрыл глаза и испустил глубокий вздох.

Глава XIII
Курс на Момпрачем

Ветер, дувший с востока, был самым благоприятным для них. Пирога, управляемая Джиро-Батолом, ловко лавировала, кренясь на левый борт.

Сандокан, сидевший на корме, сжал голову руками и не отрывал глаз от Лабуана, который понемногу растворялся в ночной темноте, а Джиро-Батол, на носу, счастливый, улыбающийся, болтал без умолку.

– Взбодритесь же, капитан, – веселым голосом говорил он. – Почему вы мрачны теперь, когда мы вырвались с Лабуана? Вы точно оплакиваете этот проклятый остров.

– Да, я его оплакиваю, – отвечал Сандокан глухим голосом.

– Они что, околдовали вас, эти собаки-англичане? Они же гонялись за вами по лесам и равнинам! Эх! Хотел бы я посмотреть на них завтра, когда они узнают о нашем бегстве. Ну и вытянутся у них физиономии от злости! Как будут проклинать нас и мужчины, и женщины!

– Женщины! – воскликнул Сандокан, встрепенувшись.

– Да, эти ненавидят нас еще сильней, чем мужчины.

– О! Не все, Джиро-Батол.

– Они хуже гадюк, капитан, уверяю вас.

– Молчи, Джиро-Батол, молчи. Если ты не замолчишь, я выброшу тебя в море.

В голосе Сандокана прозвучала такая угроза, что малаец замолк, точно набрав в рот воды. Он покачал головой, глядя на безутешного Сандокана, и занялся парусом, бормоча себе под нос:

– Англичане околдовали его.

Всю ночь, подгоняемая восточным ветром, пирога продвигалась, не встретив ни одного корабля, и вела себя довольно хорошо, несмотря на волны, которые время от времени перехлестывали через нее, опасно кренясь.

Так плыли они несколько часов, когда зоркие глаза малайца заметили светлую точку на линии горизонта.

– Это торговец или военный корабль? – спросил он себя с тревогой.

Но Сандокан, все еще погруженный в свои тяжелые думы, не замечал ничего. Джиро-Батол заволновался; его беспокойство увеличивалось с минуты на минуту, поскольку казалось, что эта светящаяся точка движется прямо на пирогу. Очень скоро над белым фонарем появились еще два: красный и зеленый.

– Это паровое судно, – сказал он.

Сандокан не ответил. Может быть, он не слышал

– Мой капитан, – повторил малаец. – Паровое судно!

На этот раз главарь пиратов встрепенулся, и молния сверкнула в его мрачном взгляде.

– Ах так!.. – сказал он, и правая рука его инстинктивно схватилась за крис.

– Я боюсь, капитан, – сказал Джиро-Батол.

Сандокан несколько мгновений пристально смотрел на эти светящиеся точки, которые быстро приближались, потом медленно проговорил:

– Кажется, он идет прямо на нас.

– Я боюсь, капитан, – повторил малаец. – Там заметили, наверно, нашу пирогу.

– Возможно.

– Что же нам делать, капитан?

– Дадим ему приблизиться.

– Они нас захватят.

– Я уже не Тигр Малайзии, а сержант сипаев.

– А если кто-нибудь узнает вас?

– Очень мало, кто видел меня.

Он помолчал несколько мгновений, пристально глядя на врага, потом сказал:

– Мы будем иметь дело с канонеркой.

– Которая идет из Саравака?

– Возможно, Джиро-Батол. Поскольку она направляется к нам, подождем ее.

Канонерка направила свой нос прямо на пирогу и ускорила ход, чтобы догнать ее. Увидя ее так далеко от берегов Лабуана, там решили наверняка, что их унесло в открытое море.

Сандокан приказал Джиро-Батолу снова взяться за весла и повернуть нос в направлении Ромадес, группы островов, расположенных ближе к югу. У него уже был готов план, как обмануть командира.

Через десять минут канонерка подошла к их лодке. Это было небольшое судно с низкой кормой, вооруженное всего одной пушкой, установленной на платформе. Его экипаж не превышал тридцати или сорока человек.

Капитан велел замедлить ход, а потом и вовсе остановиться всего в нескольких метрах от пироги.

– Стой, или я пущу вас ко дну!.. – приказал он, склонившись через борт.

Сандокан живо встал.

– За кого вы меня принимаете?.. – сказал он на хорошем английском языке.

– О! – с изумлением воскликнул офицер. – Сержант сипаев!.. Что вы делаете здесь, вдали от Лабуана?

– Иду на Ромадес, сударь, – ответил Сандокан.

– А с чем?

– Должен отвезти приказы на яхту лорда Гвиллока.

– Оно находится там, это судно?

– Да, капитан.

– И вы идете туда на пироге?

– Не смог найти ничего лучшего.

– Будьте осторожны: вблизи рыщут прао малайцев.

– Ах так! – воскликнул Сандокан, с трудом сдержав радость.

– Вчера утром я видел два и предполагаю, что они шли с Момпрачема. Если бы у меня было на несколько пушек больше, не знаю, держались бы они сейчас еще на плаву.

– Спасибо за предупреждение, капитан.

– Вам ничего не нужно, сержант?

– Нет, сударь.

– Счастливого пути!

Канонерка взяла прежний курс на Лабуан, а Джиро-Батол сориентировал парус на Момпрачем.

– Ты слышал? – спросил его Сандокан.

– Да, мой капитан.

– Наши суда бороздят море.

– Они все еще ищут вас, капитан.

– Они не верят в мою смерть?

– Конечно нет.

– Вот будет сюрприз для Янеса, когда он увидит меня. Мой добрый и верный товарищ!

На заре только сто пятьдесят миль отделяло беглецов от Момпрачема – расстояние, которое они могли покрыть за двадцать-тридцать часов, если ветер не ухудшится.

Малаец извлек из-под своего сиденья на пироге старый глиняный горшок с провизией и предложил Сандокану, но тот, во власти своих воспоминаний, даже не ответил ему.

– Его околдовали, – повторил малаец, качая головой. – Если так, горе англичанам!..

В течение дня ветер несколько раз падал, и лодка, тяжело переваливаясь по волнам, зачерпнула воды. Однако к вечеру поднялся свежий юго-восточный ветер, быстро увлекая ее к западу, и дул до следующего дня.

На закате малаец, стоявший на ногах на носу, заметил впереди темную полоску, которая выступала над морем.

– Момпрачем!.. – вскричал он.

Услышав этот крик, Сандокан, который все еще сидел в задумчивости на корме, рывком поднялся.

Мгновение – и это был уже совсем другой человек: всякая меланхолия исчезла с его лица. Глаза его метали молнии, губы твердо сжались.

– Момпрачем! – воскликнул он, выпрямляясь во весь рост. – Мой Момпрачем!..

И остался стоять, жадно глядя на этот дикий остров, оплот его силы и власти, который он с полным правом называл своим. Он чувствовал, что вновь превращается в прежнего пирата, неукротимого, неистового Тигра Малайзии.

– Мой Момпрачем, наконец-то я вижу тебя!

– Мы спасены, Тигр, – сказал малаец, сияя от радости.

Сандокан посмотрел на него с улыбкой.

– Заслуживаю ли я еще это прозвище, Джиро-Батол? – спросил он.

– Да, капитан.

– А все-таки я думаю, что не заслуживаю его больше, – прошептал Сандокан, вздохнув.

Ближе к полуночи, никем не замеченные, они причалили к большому молу на острове. Сандокан спрыгнул на берег и остановился у первых ступенек извилистой лестницы, которая вела в его дом.

– Джиро-Батол, – сказал он, обращаясь к остановившемуся малайцу, – возвращайся в свою хижину, предупреди пиратов о моем возвращении, но скажи им, чтобы они оставили меня в покое пока. Мне надо поговорить там наверху о таких вещах, которые не для всяких ушей.

– Хорошо, капитан. Я страшно рад, что вернулся сюда. Один я не добрался бы, наверное. И знаете, капитан, я не только готов лечь костьми за вас, но, если вам понадобится человек, чтобы спасти даже англичанина или англичанку, я на это готов.

– Спасибо, Джиро-Батол! Спасибо… а теперь уходи! – И, взволнованный воспоминанием о Марианне, невольно вызванным малайцем, он поднялся по ступенькам, растворившись в густой темноте.

Глава XIV
Любовь и опьянение

Добравшись до вершины утеса, Сандокан остановился и еще раз обернулся на восток, к Лабуану.

– Великий Боже! – прошептал он. – Какое расстояние отделяет меня от нее! Что она делает сейчас? Оплакивает меня, как мертвого, или грустит, как о пленнике.

Он вдохнул ночной ветер, как если бы вдыхал далекий аромат своей любимой, и медленными шагами пошел к своему дому, где еще светилось одно окно.

Он заглянул сквозь оконные стекла и увидел человека, сидящего за столом, в задумчивости обхватив голову руками.

– Янес, – прошептал он, грустно улыбнувшись. – Что он скажет, когда узнает, что Тигр вернулся побежденным и околдованным?

Он сдержал вздох и тихо-тихо открыл дверь, так что Янес не услышал его.

– Ну что, дружище, – сказал он громко. – Не забыл ты Тигра Малайзии?

Он еще не закрыл рот, а Янес уже стиснул его в объятиях, восклицая в изумлении:

– Это ты?.. Черт возьми, это ты, Сандокан!.. Ах!.. Я думал, что ты погиб!..

– Нет, как видишь, я вернулся.

– Но, дружище, где же ты пропадал? Уже четыре недели, как я жду тебя, теряя надежду. Что ты делал столько времени? Ты ограбил какой-нибудь султанат, или это Жемчужина Лабуана так околдовала тебя?

Его веселье и радость, однако, не затрагивали Сандокана. Пират стоял перед ним в молчании, с грустным взглядом и потемневшим лицом.

– В чем дело? – спросил Янес, удивленный этим молчанием. – Почему ты так смотришь? И что это за форма на тебе? Случилось какое-нибудь несчастье?

– Несчастье! – воскликнул Сандокан хриплым голосом. – Ты, значит, не знаешь, что из пятидесяти человек, которых я повел с собой на Лабуан, вернулся один только Джиро-Батол? Все они пали у берегов этого проклятого острова, а мои суда покоятся на дне моря. На этот раз я разгромлен и побежден.

– Побежден – ты!.. Это невозможно!

– Да, Янес, я был побежден и ранен; мои люди уничтожены; а сам я возвращаюсь смертельно больной!..

Понурившись, Сандокан подошел к столу, сел, одним духом опрокинул стакан виски и прерывающимся хриплым голосом рассказал все, что случилось с ним: и о прибытии на Лабуан, и о встрече с крейсером, и об отчаянном сражении своих прао, и про ночной абордаж, рану, полученную при этом, про то, как плыл, истекая кровью, к берегу.

Но стоило ему заговорить о Жемчужине Лабуана, весь его гнев испарился. Голос, до этого яростный, гневный, стал мягким, нежным и страстным.

В каком-то поэтическом порыве он описывал Янесу красоту молодой девушки: ее глаза, голубые, как морская волна, ее длинные волосы, светлей золота, ее ангельский голос, заставлявший дрожать в нем все струны души, ее прекрасные руки, умевшие извлекать из лютни звуки несравненной нежности и красоты.

С живой страстью описал он те минуты рядом с любимой женщиной, в которые он забывал о Момпрачеме, о своих тигрятах, забывал, что он Тигр Малайзии. Рассказал, слово за словом, все последующие свои приключения: то есть охоту на тигра, признание в любви, предательство лорда, бегство, встречу с Джиро-Батолом и возвращение на Момпрачем.

– Знаешь, Янес, – сказал он все еще взволнованным голосом, – в тот момент, когда я поставил ногу в лодку, чтобы покинуть Лабуан, я думал, что у меня разорвалось сердце. В

этот момент я готов был навсегда отказаться от моего Момпрачема, утопить свои корабли, рассеять моих людей и перестать быть… Тигром Малайзии!..

– Ах! Сандокан! – воскликнул Янес укоризненным тоном.

– Не осуждай меня, друг! Если бы ты знал, что я испытываю здесь, в моем сердце. Я думал, оно из железа, но я ошибался. Я люблю эту женщину. И люблю ее так, что, если бы она сейчас появилась передо мной и велела мне бросить все, отказаться от всего, даже стать англичанином… я, Тигр Малайзии, который поклялся в вечной ненависти к англичанам, сделал бы это без колебания!.. В моих жилах неукротимый огонь, который сжигает мою плоть; мне кажется, что я все время в бреду, что в сердце у меня вулкан; мне кажется, я стал безумным, Янес!.. С того самого дня, как я увидел Марианну, я нахожусь в таком состоянии. Ее образ всегда перед моим взором – куда не обращаю взгляд, я вижу только ее, только эту ее сверкающую красоту, которая сжигает меня, истощает!..

Пират резко встал, с перекошенным лицом и судорожно сжатыми зубами. Несколько раз он прошелся из угла в угол, будто хотел отогнать это видение, которое преследовало его, потом остановился перед Янесом, вопрошая его взглядом, но сам оставаясь нем.

– Ты в это не веришь, – снова начал Сандокан, видя, что португалец молчит, – но я отчаянно боролся, прежде чем дать победить себя этой страсти. Но ни железная воля Тигра Малайзии, ни моя ненависть ко всему английскому не могли остановить ее. Сколько раз я пытался разорвать эти цепи! Сколько раз я пытался бежать. Но все напрасно – я должен был уступить, Янес. Я разрываюсь между моим Момпрачемом, моими пиратами, моими верными кораблями и этим ангельским созданием со светлыми волосами и голубыми глазами. Ах! Я чувствую, что Тигр Малайзии погиб во мне навсегда…

– Тогда забудь ее! – сказал Янес, качая головой.

– Забыть ее!.. Это невозможно, Янес, невозможно!.. Я чувствую, что не смогу никогда разорвать эти нежные цепи, которыми она сковала мое сердце. Она будет моей женой, пусть это стоит мне моего имени, моего острова, моей власти, всего, всего!..

Он снова остановился и взглянул на Янеса, который продолжал молчать.

– Ну так что, брат? – тихо спросил он. – Что ты мне посоветуешь? Что ты скажешь теперь, когда я все открыл тебе?

– Забудь эту женщину, я тебе уже сказал.

– Не могу.

– А ты подумал о последствиях этой безрассудной любви? Что скажут твои люди, когда узнают, что Тигр влюбился? И что будешь делать ты с этой девушкой? Сделаешь ее своей женой? Забудь ее, Сандокан! Забудь навсегда, стань снова Тигром Малайзии!

Сандокан резко поднялся и, подойдя к двери, с яростью распахнул ее.

– Куда ты? – спросил Янес, вскакивая на ноги.

– Возвращаюсь на Лабуан, – ответил Сандокан. – Завтра ты скажешь моим людям, что я навсегда покинул Момпрачем, что ты теперь их новый глава. Они никогда больше не услышат обо мне; потому что я не вернусь в эти моря.

– Сандокан! – вскричал Янес, хватая его за руки. – Ты сошел с ума! Ты хочешь вернуться на Лабуан, один, когда у тебя есть корабли, есть пушки и преданные люди, готовые умереть за тебя или за женщину, которую ты любишь. Я просто хотел испытать тебя, хотел увидеть, возможно ли вырвать из твоего сердца страсть к этой женщине, которая принадлежит к той расе, которую ты всегда ненавидел…

– Нет, Янес, нет, эта женщина не англичанка. Она говорила мне о голубом море, еще прекраснее нашего, которое омывает ее далекую родину, о земле, покрытой цветами, у подножия дымящегося вулкана, о земном рае, где говорят на мелодичном языке, который не имеет ничего общего с английским.

– Не важно, англичанка она или нет. Если ты любишь ее так безумно, мы все поможем тебе сделать ее своей женой, лишь бы ты стал счастливым. Ты можешь быть Тигром Малайзии, даже женившись на девушке с золотыми волосами.

Сандокан бросился в объятия Янеса, и они долго стояли обнявшись.

– Скажи мне теперь, – сказал португалец, – что ты намереваешься делать?

– Вернуться как можно скорее на Лабуан и похитить Марианну.

– Ты прав. Узнав, что ты добрался до Момпрачема, лорд Джеймс может бежать из страха, что ты вернешься. Нужно действовать стремительно, или партия будет проиграна. Сейчас иди спать, а я пока все приготовлю. Завтра мы выйдем в море.

– До завтра, Янес.

– Прощай, брат, – ответил португалец и вышел, обняв его на прощание.

Оставшись один, Сандокан снова уселся за стол. Взволнованный этим разговором, он чувствовал необходимость оглушить себя, чтобы хоть на время успокоить сжигавшее его нетерпение. Он взял бутылку и принялся пить, опрокидывая в себя стакан за стаканом.

– Ах! – воскликнул он. – Если бы можно было заснуть и проснуться уже на Лабуане. Эта тревога и нетерпение убьют меня! Одна!.. Одна на Лабуане!.. И, может быть, пока я здесь, баронет ухаживает за ней, а лорд Джеймс готовится увезти ее в Англию.

Он наполнил стакан и зачем-то заглянул в него.

– Пятна крови! – воскликнул он. – Кто налил кровь в мой стакан?.. А-а, не все ли равно, – тряхнул он головой. – Кровь или вино, пей, Тигр Малайзии, в опьянении счастье!

Он поднялся, но тут же упал на стул, обводя комнату мутным взглядом. Он видел на стенах какие-то тени, какие-то призраки скользили перед глазами. Они гримасничали, они грозили ему, размахивая окровавленными саблями. Одна из этих теней показалась ему знакомой. Это был баронет Вильям, его соперник на охоте, которого теперь, сжигаемый тревогой и ревностью, он уже готов был считать соперником в любви.

– Я вижу тебя, вижу, проклятый англичанин, – завопил он, хватая саблю. – И горе тебе, когда я схвачу тебя! Ты хочешь украсть у меня Марианну, я читаю это в твоих глазах. Но я приду и уничтожу тебя! Я уничтожу всех, я залью потоками крови Лабуан, если хоть волос упадет с ее головы. Ах, ты смеешься!..

Собрав все силы, он вскочил и бросился к стене, нанося по этим теням страшные удары саблей, рубя ковры, разбивая бутылки, разнося в щепы стол и шкафы, сбрасывая вазы, из которых потоком сыпались жемчуг и золото, пока, обессилев, не упал среди этого разгрома, охваченный мертвым сном.

Глава XV
Английский капрал

Проснувшись, он обнаружил, что лежит на кушетке все в той же комнате. Но в ней уже было прибрано. Только на коврах, развешанных по стенкам, еще виднелись следы его сабли. Несколько раз он протер глаза, провел рукой по горящему лбу, как бы пытаясь вспомнить вчерашнее. И, вспомнив, покачал головой.

– До чего я дошел, – сказал он. – Я был пьян, как сапожник. И все-таки я чувствую себя лучше, чем трезвый, когда огонь снова жжет мое сердце и тревога снедает меня. Неужели я никогда не смогу потушить его? Неужели я не найду покоя?..

Он сорвал с себя форму сержанта Виллиса, надел новую одежду, сверкавшую золотом и жемчугом, надел на голову богатый тюрбан, украшенный сапфиром, засунул за пояс саблю и вышел.

Полной грудью он вдохнул морской воздух, который совершенно развеял последние пары опьянения, и посмотрел на солнце, стоявшее уже довольно высоко.

Широкий морской простор синел и искрился перед ним. Три прао с большими спущенными парусами стояли в бухте, готовые к плаванию. На берегу сновали пираты, занятые погрузкой и сборами. Янес деятельно распоряжался, расхаживая там среди них.

– Добрый друг, – прошептал Сандокан. – Пока я бредил и спал, он готовил мою экспедицию.

Он спустился по ступенькам и направился к пристани. Едва завидев его, пираты подняли громогласный вопль.

– Да здравствует Тигр! Да здравствует наш капитан! – кричали они.

Ни вздоха сожаления, ни жалобы не сорвалось с их губ, никого не испугала гибель двух кораблей и многих товарищей, павших под огнем англичан на Лабуане. Никто не винил в этом Сандокана. Все жаждали только отмщения.

– Мы жаждем крови! Тигр Малайзии! Отомстим за наших товарищей!.. Пошли на Лабуан и уничтожим врагов Момпрачема!

– Друзья, – сказал Сандокан звучным голосом, который завораживал своей убежденностью и силой. – Мы отомстим! Наши товарищи пали в схватке с врагом, гораздо более многочисленным и лучше вооруженным. Железные борта, паровая машина и пушки их крейсера помогли им взять верх. Но игра еще не окончена. Нет, мои тигрята, герои, которые пали у берегов проклятого острова, не останутся неотомщенными. Мы отправимся туда и отплатим кровью за кровь! Придет день, и ярость тигров Момпрачема выметет из наших морей леопардов Лабуана!

– На Лабуан! На Лабуан! – закричали пираты, исступленно потрясая оружием.

– Янес, у тебя все готово? – спросил Сандокан.

Но Янес, казалось, не слышал. Он поднялся на старый пушечный лафет и внимательно смотрел в сторону мыса, выдававшегося далеко в море.

– Что ты там ищешь, дружище? – спросил Сандокан.

– Я вижу верхушку мачты, – отвечал португалец.

– Одно из наших прао?

– Какое другое судно осмелится приблизиться к нашим берегам?

– А разве не все наши парусники в бухте?

– Все, кроме одного, судна Пичанга, которого я послал к Лабуану, чтобы искать тебя.

– Да, это его прао, – подтвердил один из старых пиратов. – Правда, я вижу только одну мачту.

– Похоже, на них напали, и они лишились одной из мачт, – подтвердил Сандокан. – Подождем. Может, он везет нам известия с Лабуана.

Все пираты поднялись на бастионы, чтобы лучше рассмотреть этот парусник, который медленно приближался к берегу.

Это действительно был прао Пичанга, который Янес три дня назад послал к Лабуану собрать известия о Тигре Малайзии и его храбрецах. Но в каком виде он возвращался! От фок-мачты оставался один обломок, грот-мачта едва держалась, поддерживаемая густой сетью снастей. Фальшбортов почти не было видно, а борта во многих местах были наспех заделаны досками.

– Им здорово досталось, – сказал Сандокан.

– Пичанг – храбрец и не боится нападать даже на большие корабли, – ответил Янес.

– О, мне кажется, он захватил пленника. Видишь красный мундир среди наших людей?

– Похоже, это английский солдат, привязанный к мачте, – кивнул Янес.

– Неужели они захватили его на Лабуане?

– Не выловили же они его в море.

– Ах!.. Если бы он мог сообщить мне новости о…

– О Марианне, не так ли, дружище?

– Да, – ответил Сандокан глухим голосом.

– Расспросим его.

Прао с помощью весел, поскольку ветер был слишком слаб, понемногу приближался. Его капитан, гигант-калимантанец, из тех жителей Борнео, или Калимантана, что готовы отдать за родину всю кровь до последней капли, с оливковой кожей, что делало его похожим на гордую бронзовую статую, заметил Янеса и рядом с ним Сандокана и издал радостный крик.

– Хорошая добыча! – приветствуя их рукой, заорал он.

Пять минут спустя парусник вошел в маленькую бухту, бросив якорь в двадцати шагах от берега. Шлюпка была тут же спущена на воду; в ней поместились Пичанг, пленный солдат и четверо гребцов.

– Откуда ты? – спросил его Сандокан, едва тот сошел на берег.

– С восточных берегов Лабуана, мой капитан, – отвечал калимантанец. – Мы отправились туда с надеждой узнать о вас, и я счастлив, что нашел вас здесь в полном здравии.

– Кто этот англичанин?

– Капрал, капитан.

– Где вы его захватили?

– Вблизи Лабуана.

– Расскажи все подробно.

– Мы собирались прочесать берега, когда я увидел пирогу с этим человеком, выходящую из устья маленькой речки. Я тут же велел спустить шлюпку и с десятью людьми пустился в погоню, надеясь узнать сведения о вас. Схватить его было нетрудно, но, когда я хотел покинуть устье речки, мой путь уже был перекрыт канонеркой. Я решительно ввязался в бой. Это была жестокая схватка, капитан, но нам удалось прорваться.

– И этот солдат прибыл именно с Лабуана?

– Да, мой капитан.

– Спасибо, Пичанг. Веди его сюда.

Несчастный был уже высажен на берег и окружен пиратами, которые смеялись и издевались над ним. С него сорвали нашивки капрала и могли бы потрепать основательно, если бы Пичанг вовремя не явился за ним.

Это был белокурый молодой человек, лет двадцати пяти, невысокий румяный, упитанный, точно поросенок. Было заметно, что он напуган всем происходящим, но ни одно слово не сорвалось с его губ.

Представ перед Сандоканом, он вымученно улыбнулся и сказал с дрожью в голосе:

– Тигр Малайзии?

– Ты знаешь меня? – спросил Сандокан.

– Да.

– Где ты меня видел?

– На вилле лорда Гвиллока.

– Удивлен, что видишь меня здесь?

– Да. Я думал, вы еще на Лабуане и скрываетесь от нас.

– Так ты тоже был среди тех, кто гонялся за мной?

Солдат не ответил. Опустив голову, он тихо сказал:

– Для меня все кончено, не так ли, господин пират?

– Это зависит от твоих ответов, – сказал Сандокан.

Англичанин побледнел, но, не сказав ни слова, только крепче сжал губы, словно боясь, что с них сорвется хотя бы звук.

– Ну, где ты находился, когда я покинул виллу лорда?

– В лесу, – ответил солдат.

– Что ты делал?

– Ничего.

– Ты что, смеешься надо мной? На Лабуане не так много солдат, чтобы посылать их просто прогуливаться в лесу.

– Но…

– Говори, я хочу знать все.

– Я ничего не знаю.

– Ах так? Посмотрим.

Сандокан выхватил крис и быстрым движением чиркнул им по горлу солдата, дав скатиться по нему капле крови.

Пленник не мог сдержать крика страха и боли.

– Говори, или я убью тебя, – холодно проговорил Сандокан, не отнимая крис, кончик которого уже обагрился кровью.

Капрал еще немного поколебался, но, видя в глазах Тигра Малайзии твердую решимость, уступил.

– Хорошо! – сказал он упавшим голосом. – Я все скажу.

Сандокан сделал знак своим людям отойти, а сам уселся вместе с Янесом на пушечный лафет.

– Я тебя слушаю. Что ты делал в лесу?

– Следовал за баронетом Розенталем.

– Ах вот как!.. – воскликнул Сандокан, и мрачная молния сверкнула в его взоре. – Продолжай!

– Лорд Гвиллок узнал, что вы не малайский князь, и договорился с баронетом и комендантом Виктории устроить засаду. Было поднято по тревоге два взвода, и нас послали окружить виллу.

– Это я знаю. Что произошло потом, когда мне удалось прорвать ряды и укрыться в лесу?

– Когда баронет вошел на виллу, он нашел лорда Гвиллока раненым. У него была рана на ноге, нанесенная вами.

– Мной!.. – вскричал Сандокан.

– Может, случайно?

– Еще бы. Пожелай я убить его, никто бы мне не помешал. А леди Марианна?

– Она плакала. Казалось, что между этой леди и ее дядей произошла ужасная сцена. Лорд обвинял ее в том, что она помогла вам бежать… а она умоляла пощадить вас.

– Бедная девушка! – воскликнул Сандокан, в то время как волнение исказило его черты. – Ты слышишь, Янес?

– Продолжай, – сказал португалец солдату. – Но берегись: говори только правду. Ты останешься здесь до нашего возвращения с Лабуана. Если ты солгал – ты умрешь.

– Какой смысл мне обманывать? – отвечал капрал. – После бесплодной погони мы остались на вилле, чтобы защитить ее от возможного нападения пиратов. Ходили тревожные слухи. Говорили, что пираты уже высадились и что Тигр Малайзии скрывается в лесу, готовясь напасть на виллу и похитить девушку. Что случилось потом, я не знаю. Но слышал, что лорд Гвиллок хочет перебраться в Викторию под защиту ее фортов.

– А баронет Розенталь?

– Он скоро женится на леди Марианне.

– Что?!. – вскричал Сандокан, вскакивая на ноги.

– Я говорю, что он берет ее замуж.

– Ты хочешь обмануть меня?..

– Зачем? Я слышал, что свадьба состоится через месяц.

– Но леди Марианна ненавидит этого человека.

– Лорда Гвиллока это не волнует.

Сандокан закрыл глаза и невольно зашатался. Страшная судорога исказила его черты.

Он подошел к солдату и, пронзительно глядя на него, проговорил свистящим шепотом:

– Ты не лжешь? Это правда?

– Клянусь вам, – ответил напуганный солдат.

– Ты останешься здесь, а мы поплывем на Лабуан, – взяв себя в руки, сказал пират. – Если я вернусь сюда с победой, я дам тебе столько золота, сколько ты весишь.

Потом решительно повернулся к Янесу.

– Мы отправляемся немедленно!

– Я готов, – ответил португалец просто.

– У тебя все в порядке?

– Остается выбрать людей.

– Возьмем самых храбрых. Борьба будет нешуточной.

– Но нужно будет оставить здесь достаточно сил, чтобы защитить наш остров.

– Чего ты боишься, Янес?

– Англичане могут воспользоваться нашим отсутствием и кинуться на Момпрачем.

– Они не осмелятся.

– Я не уверен в этом. На Лабуане достаточно сил, Сандокан. Рано или поздно, но это случится.

– Они найдут нас готовыми к отпору. И посмотрим тогда, кто сильнее: тигры Момпрачема или леопарды Лабуана.

Сандокан собрал свои отряды, набранные из самых воинственных племен Борнео и островов Малайского моря, и выбрал из них девяносто человек. Это были самые крепкие, храбрые и отчаянные из пиратов, настоящие морские дьяволы, которые по одному знаку его, не колеблясь, готовы были ринуться на форты Виктории, этой цитадели Лабуана.

Потом он подозвал Джиро-Батола и сказал тем, кто оставался для защиты острова:

– Вот человек, сражавшийся доблестно, и единственный, кто остался в живых в нашей несчастной экспедиции на Лабуан. Во время моего отсутствия подчиняйтесь ему, как мне самому. А теперь выходим в море, Янес.

Глава XVI
Экспедиция против Лабуана

Девяносто человек сели на прао; Янес и Сандокан заняли места на самом большом и прочном, несущем двойные пушки и полдюжины спингард. Кроме всего прочего, корпус этого корабля был обшит железом.

Небо было ясное, и море гладкое, как масло, однако на юге появилось несколько облачков того особенного цвета и странной формы, которые не предвещали ничего хорошего.

Сандокан, который не только был отличным навигатором, но и хорошо чувствовал погоду, ощутил перемены в атмосфере, но они пока что не беспокоили его.

– Если пушки не способны остановить меня, то не остановит и шторм. Я чувствую в себе столько сил, что могу бросить вызов и буре, – сказал он.

– Ты думаешь, будет шторм? – спросил его Янес.

– Да, но он не заставит меня вернуться назад. Он даже может оказаться нам на руку, поскольку при высадке у берега не будет сторожевых кораблей.

– А после высадки, что ты собираешься предпринять?

– Еще не знаю, но я чувствую себя способным на все. Я готов сражаться с целым полком, если он преградит нам дорогу.

– Если при высадке разгорится сражение, лорд не останется на своей вилле в лесу, а бежит в Викторию, под защиту фортов и кораблей. Разумнее было бы действовать с осторожностью, чтобы захватить там его врасплох.

– Ты думаешь, он сейчас не настороже? Он знает, что я пойду на все, и наверняка окружил свою виллу целым отрядом.

– Может быть, но тогда мы применим хитрость. Возможно, что-нибудь придет мне в голову к тому времени. Но скажи, друг мой, а позволит ли Марианна себя похитить?

– О да! Она мне поклялась в этом.

– И ты отвезешь ее на Момпрачем?

– Да.

– И, женившись на ней, ты будешь держать ее там?

– Я не знаю, Янес, – сказал Сандокан, глубоко вздохнув. – Я не смогу навсегда приковать ее к моему дикому острову, я не хочу, чтобы она жила среди моих тигрят, которые не умеют ничего другого, как стрелять из карабина и владеть абордажным топором. Я не могу подвергать ее постоянной опасности… Скажи мне, Янес, что сделал бы ты на моем месте?

– Но подумай, Сандокан, и о том, что станет с Момпрачемом без его Тигра Малайзии. С тобой он затмил бы Лабуан и все другие острова нашего моря, он заставил бы дрожать тех, кто истребил твою семью, кто угнетает твой народ. Есть тысячи малайцев, даяков, бугисов, которые только и ждут твоего клича, чтобы собраться под знамена Тигра Малайзии.

– Я думал обо всем этом, Янес.

– И что говорит твое сердце?

– Оно обливается кровью.

– И тем не менее ты готов уничтожить свое могущество ради этой женщины.

– Я люблю ее, Янес. Ах! Я бы не хотел быть больше Тигром Малайзии. – И пират в отчаянии сжал голову руками, точно хотел задушить те сомнения, которые терзали и мучили его мозг.

Уже всем было понятно, что приближается шторм. И, действительно, к девяти часам вечера ветер начал дуть с такой силой, что волны запенились барашками и стали яростно биться о борта кораблей. Но пираты приветствовали это радостным криком, нисколько не боясь урагана, который мог стать для них роковым.

И на другой день море оставалось бурным. Длинные волны пересекали его широкое пространство и сталкивались, с ревом заставляя крениться и нырять носом пиратские суда. В небе клубились черные облака, ветер усиливал свои порывы.

Иной капитан, взглянув на это море и это небо, заторопился бы скорее к ближайшей бухте, но Сандокан, зная, что он уже всего в семидесяти или восьмидесяти милях от Лабуана, скорее согласился бы потерять свои корабли, чем задержаться где-нибудь и переждать бурю.

– Сандокан, – сказал Янес, беспокойство которого все нарастало, – смотри, как бы нам всем не оказаться за бортом и не нахлебаться воды.

– Ничего, – отвечал тот. – Наши суда очень прочные.

– Но надвигается настоящий ураган.

– Я не боюсь его, Янес. Мы успеем дойти до цели – Лабуан уже недалеко. Ты видишь остальные суда?

– Мне показалось, я видел одно к югу. Темнота такая, что не видно дальше ста метров.

– Если они и потеряют нас, то встретимся на Лабуане.

– Но они могут погибнуть, Сандокан.

– Я не отступлю, Янес!

– Будь осторожен, брат, – сказал тот, покачав головой.

В этот момент ослепительная молния разорвала темноту, осветив море до самого горизонта, и следом прокатился страшный гром.

Сандокан быстро пересек палубу и сам встал к штурвалу. Все вокруг словно вздыбилось и встало вверх ногами. Облака стремительно неслись по небу, то поднимаясь высоко, то опускаясь так низко, что касались своими краями волн. Молнии вспыхивали одна за другой, а гром грохотал почти беспрерывно.

Но Сандокан не уступал и не сворачивал с курса, бросая безумный вызов стихии.

Поразительное зрелище представлял он собой, стоя у штурвала, несущегося сквозь бурю корабля. Высокий, сильный, с пламенным взором и длинными волосами, развевающимися на ветру, неколебимо стоявший среди этих волн, со всех сторон обрушивающихся на него, он был все тем же Тигром Малайзии, бросавшим вызов уже не людям, своим врагам, а самой разъяренной стихии.

Янес, который понимал, насколько безумно было упрямиться в этой борьбе, уже двинулся на мостик, чтобы заставить Сандокана изменить курс, когда неожиданно не гром, а пушечный выстрел справа по борту прогремел невдалеке. Миг спустя над палубой просвистел снаряд, повредив рею фок-мачты. Сомнений не было – стреляли по ним.

Взрыв ярости вызвал этот выстрел на прао среди пиратов, не ожидавших нападения в такой момент.

Оставив штурвал матросу, Сандокан бросился к пушке, пытаясь разглядеть судно, которое во время шторма напало на него.

– Ах так! – воскликнул он. – Значит, их крейсера не спят?

В самом деле, справа по борту, параллельно их курсу шел военный корабль, на мачте которого развевался английский флаг.

– Повернем, Сандокан, – сказал Янес, добравшись до него.

– Повернуть?

– Да, дружище. Они явно намерены потопить нас.

Второй пушечный выстрел прогремел на палубе корабля, и второй снаряд просвистел между мачтами прао. Пираты, несмотря на свирепый шторм, рванулись было к своим орудиям, но Сандокан властным жестом остановил их.

Действительно, в этом уже не было нужды. Большой корабль, который силился противостоять волнам, почти погружаясь под тяжестью своей железной конструкции, сам был

вынужден повернуть на север. Вскоре он оказался так далеко, что можно было не опасаться его артиллерии.

– Жаль, что он попался мне во время такого шторма, – мрачно заметил Сандокан. – Я бы напал на него, несмотря на все его пушки.

– Так лучше, Сандокан, – сказал Янес. – Пусть лучше сам дьявол унесет и отправит его на дно моря.

– Но что он делал в открытом море в такую погоду? Неужели мы рядом с Лабуаном?

– Подозреваю, что да.

– Ты ничего не видишь впереди?

– Ничего, кроме гор воды.

– Тем не менее я чувствую, что мое сердце бьется сильнее, Янес.

– Сердца иногда обманывают.

– Но не мое. Вон! Смотри!..

– Что ты увидел там?

– Темную точку на востоке. Я различил ее при свете молнии.

– Но даже если мы вблизи Лабуана, как мы сможем пристать в такую погоду?

– Мы причалим, Янес, даже если я разобью вдребезги свое судно.

Сандокан снова пересек палубу, несмотря на волны, грозившие смыть его каждый миг, и взялся за штурвал, направив судно прямо на восток.

Но когда он приблизился к берегу, море, казалось, удвоило свою ярость, как бы желая отбросить его.

Однако Сандокан не отступал и, пристально глядя вперед, вел прямо к острову свое судно, ориентируясь при блеске молний.

Очень скоро он оказался в нескольких кабельтовых от берега.

– Осторожнее, Сандокан, – предупредил Янес, стоявший рядом.

– Не бойся, брат.

– Опасайся скал.

– Я обойду их.

– Но где ты найдешь убежище?

– Увидишь.

В двух кабельтовых по курсу неясно вырисовывался берег, о который с силой разбивалось бушующее море. Сандокан присматривался к нему несколько секунд, и вдруг решительным поворотом руля повернул судно на правый борт.

– Внимание! – закричал он пиратам, которые стояли, держась за снасти.

Он бросил судно в сторону берега так, что от страха волосы дыбом поднялись даже у старых морских волков. Казалось, гибель неминуема. Но тонким маневром в последний момент он обогнул скалистую его часть и буквально ворвался в проход между двумя мысами, ведший в маленькую, но глубокую бухту.

Но и внутри этой бухты волнение было столь сильным, что судно подвергалось большой опасности. Было бы лучше переждать в открытом море, чем причаливать к этим крутым берегам, о которые с шумом разбивались высокие волны.

– Нельзя даже пытаться, Сандокан! – крикнул Янес. – Если мы приблизимся к берегу, мы разобьем наше судно в щепки!

– Ты хороший пловец, не так ли? – спросил Сандокан.

– Ну и что?

– Волн ты не боишься?

– Не боюсь.

– Тогда мы все равно причалим.

– Что ты хочешь сделать?

Вместо ответа Сандокан закричал:

– Параноа!.. К рулю!..

Даяк бросился на корму и схватил штурвал, который Сандокан передал ему.

– Что мне надо делать? – спросил он.

– Держи пока что прао против ветра, – ответил Сандокан. – И берегись отмели.

Затем он повернулся к матросам и приказал:

– Приготовьте шлюпку и держите ее над бортом. Когда волна пойдет вдоль борта, отпустите ее.

Что задумал Тигр Малайзии? Хотел ли он высадиться в этой шлюпке, маленькой игрушке огромных волн?.. Услышав команду, его люди посмотрели друг на друга с тревогой, но повиновались беспрекословно. Они положили в шлюпку карабины, боеприпасы, провизию и, приподняв ее над бортом, приготовились к дальнейшим командам.

– Забирайся в шлюпку, дружище, – сказал Сандокан Янесу.

– Ты что собираешься делать, Сандокан?

– Хочу причалить.

– Но мы разобьемся о берег.

– Ничего, забирайся, Янес.

– Ты сумасшедший.

Вместо ответа Сандокан лишь подтолкнул его в шлюпку и сам свою очередь прыгнул следом в нее. Чудовищная волна входила это время у бухты, белея своим гребнем и страшно ревя.

– Параноа! – закричал Сандокан. – Будь готов повернуться бортом!

– Я должен опять выйти в море? – спросил даяк.

– Иди на север, держась мористее. Когда шторм утихнет, вернешься сюда.

– Хорошо, капитан. А вы?..

– Мы высадимся…

– Вы погибнете.

– Молчи!.. Приготовьтесь опустить шлюпку! Вот волна!

Огромный вал приближался с гребнем, покрытым густой белой пеной. Он разбился надвое между мысами и вошел в бухту, устремившись на прао.

– Отпускай! – заорал Сандокан.

Шлюпка, предоставленная самой себе, была тут же унесена валом, вместе с двумя смельчаками, сидевшими в ней. В тот же миг Прао повернулся вправо бортом и, воспользовавшись откатом, вышел в открытое море.

– Порядок, Янес, – сказал Сандокан, хватая весло. – Мы высадимся на Лабуане, несмотря на шторм.

– Черт побери! – воскликнул потрясенный португалец. – Это безумие.

– Ничего, все нормально! – оскалив зубы, захохотал Сандокан.

Шлюпка крутилась, как волчок, среди пенных валов, то проваливаясь вниз, то вздымаясь на гребень. Тем не менее волны несли ее к берегу, который, по счастью, был отлогим и почти без камней.

Следующая большая волна пронесла ее еще метров сто. Подняла на гребень и так швырнула, что под днищем послышался ужасный треск. Киль шлюпки разбился вдребезги.

– Сандокан! – закричал Янес, заметив, что в пробоину входит вода.

– Не поки…

Голос его был заглушен страшным ударом моря, следующим за первым. Шлюпку снова приподняло. Миг ее тащило на гребне вала, потом бросило вперед и ударило о ствол дерева с такой силой, что оба пирата вылетели наружу.

Сандокан, свалившийся в гущу листвы и веток, тут же поднялся и начал спешно подбирать карабины и припасы.

Новая волна чуть не сбила его с ног. Залив шлюпку, она подхватила ее, завертела в бурунах и унесла, скрыв бесследно.

– К дьяволу этих влюбленных! – выругался Янес, поднимаясь весь мокрый и разбитый. – Это трюки для полоумных, черт их подери!

– Ты еще жив? – крикнул ему Сандокан, смеясь.

– А ты бы хотел, чтоб меня расплющило?

– Я бы никогда не утешился, Янес. Эй, смотри! Наш прао!

– Как? Он не вышел в море?

Парусник быстро, как стрела, промелькнул перед выходом из бухты.

– Молодцы, – сказал Сандокан. – Прежде чем уйти, они хотели убедиться, что мы причалили.

Он сорвал свой широкий шелковый пояс и помахал им по ветру. Две секунды спустя с палубы прао прогремел выстрел.

– Они заметили нас, – сказал Янес. – Будем надеяться, что и они спасутся.

Прао, развернувшись у берега, снова взял курс на север. Дождь продолжал лить с той же силой, и ураган на море бушевал по-прежнему. Сквозь деревья два пирата видели, как море, вздымая огромные валы, несло их на берег и разбивало с неудержимым напором.

– Что там с нашими прао в такую бурю?.. – сказал Янес. – Как ты думаешь, Сандокан, они спасутся?.. Если они потерпят крушение, что будет с нами?..

– Наши люди – опытные моряки, – отвечал Сандокан. – Они сумеют выпутаться.

– А если они потерпят крушение?.. Что ты сможешь сделать без их помощи?..

– Что я сделаю?.. Я все равно увезу Марианну.

– Ты слишком увлекаешься, Сандокан. Два человека, пусть даже таких, как ты и я, не могут противостоять целой роте солдат.

– Пойдем на хитрость.

– Гм!..

– Мне кажется, ты собираешься отказаться от этого предприятия. А я, дорогой Янес, не вернусь на Момпрачем без Марианны.

Янес не ответил. Он растянулся на траве, которая здесь, под деревом, была почти сухой, и блаженно закрыл глаза.

Сандокан же поднялся и пошел к берегу.

Португалец, который не спал, видел, как он беспокойно ходит между лесом и берегом, то удаляясь, то возвращаясь вновь. Похоже, он пытался сориентироваться и узнать этот берег, вблизи которого, возможно, бывал во время своего первого пребывания на острове.

Когда он вернулся, начинало светать. Дождь прекратился на несколько часов, и ветер не дул уже так сильно, словно исчерпав свою мощь.

– Я знаю, где мы находимся, – сказал Сандокан, присаживаясь рядом с Янесом.

– А!.. – ответил тот, готовясь встать.

– Речка должна быть южнее и, похоже, недалеко.

– Пойдем искать ее?..

– Да, Янес.

– Надеюсь, ты не собираешься появиться на вилле днем?

– Нет, но вечером меня никто не удержит.

И добавил, снедаемый нетерпением:

– Еще двенадцать часов!.. Какая мука!..

– В лесу время бежит быстро, Сандокан, – ответил Янес, улыбаясь.

Они забросили за плечи карабины, распихали по карманам боеприпасы и углубились в густой лес, стараясь все же не слишком отдаляться от берега.

– Нам не придется повторять все изгибы, которые описывает берег, – сказал Сандокан. – Дорога через лес не так легка, зато короче.

– Смотри не заблудись.

– Не бойся, Янес!

В лесу были только редкие проходы, но Сандокан был настоящий человек лесов, который умел пройти, где угодно, и ориентироваться даже без солнца и звезд. Орудуя крисами, поднимаясь и спускаясь, прыгая и взбираясь на деревья и поваленные стволы, они шли вперед, не слишком отдаляясь от берега.

Ближе к полудню, Сандокан остановился и сказал португальцу:

– Мы близко.

– К реке или к вилле?

– К потоку, – пояснил Сандокан. – Слышишь это журчание, которое отдается под густой завесой листвы?..

– Да, – сказал Янес, прислушавшись. – Неужели это в самом деле речка, которую мы ищем?

– Я не могу ошибиться. Я проходил в этих местах.

– Пошли дальше.

Проворно они пересекли последний край большого леса и, десять минут спустя, оказались перед небольшим потоком, который с веселым журчанием впадал в бухту, изящно окаймленную огромными деревьями.

Случай привел их в то самое место, где в первой экспедиции причаливали их прао. Еще виднелись вокруг следы, оставленные их соратниками, когда, вынужденные скрываться после пушечных залпов крейсера, они чинили здесь свои повреждения.

На берегу валялись куски канатов, пробитые фальшборты, обломки мачты, обрывки веревок и снастей.

Сандокан бросил мрачный взгляд на эти останки, которые напоминали ему его первое поражение, и вздохнул, вспоминая о своих храбрецах, которые были уничтожены беспощадным огнем крейсера.

– Они покоятся вон там, вне бухты, в глубине моря, – сказал он Янесу печально. – Бедные мертвые, еще не отмщенные!..

– Это здесь ты причалил?..

– Да, здесь, Янес. Тогда я был непобедимый Тигр Малайзии, тогда еще не было ни цепей на моем сердце, ни видения перед глазами. Я бился, как одержимый, бросив своих людей на абордаж, но меня раздавили. Проклятый крейсер, который накрыл нас железом и свинцом, был там!.. Мне кажется, я еще вижу, как в ту страшную ночь напал на него во главе моих храбрецов!.. Ты не представляешь, какая это была резня!.. Все они пали, кроме Джиро-Батола и меня!..

– Ты оплакиваешь поражение, Сандокан?

– Не знаю. Без этой пули, которая поразила меня, я, наверное, не познакомился бы с Марианной.

Он замолчал и спустился к берегу, не отрывая взгляда от голубых вод бухты, потом остановился и протянул руку, показывая Янесу место, где происходил тот ночной бой.

– Прао покоятся вон там, – сказал он. – Кто знает, сколько мертвых осталось прямо на них.

Он сел на поваленный ствол дерева, обхватил голову руками и погрузился в глубокие думы.

Янес оставил его на берегу, а сам отправился бродить между скал, пытаясь отыскать что-нибудь на завтрак.

Побродив так с четверть часа, он вернулся на берег, неся в руках несколько больших устриц. Развести огонь и открыть их было для него делом нескольких минут.

– Давай перекусим, – сказал он Сандокану. – Неизвестно, когда нам достанется обед.

Завтрак был изысканный. Устрицы содержали такую мягкую и нежную мякоть, что оба уплетали их с большим аппетитом.

Покончив с этим обильным блюдом, Янес приготовился разлечься под величественным деревом, которое возвышалось на берегу, чтобы спокойно выкурить пару сигарет, но Сандокан жестом указал ему на лес.

– Вилла, возможно, далеко, – сказал он ему.

– Ты не знаешь точно, где она находится?

– Смутно, поскольку пересек эти места в бреду.

– Дьявол!

– О! Не бойся, Янес. Я смогу узнать тропинку, которая ведет в парк.

– Пошли, раз ты этого хочешь, но все-таки не делай глупостей.

– Я буду осмотрителен, Янес.

– Еще одно слово, дружище.

– Что такое?

– Надеюсь, ты подождешь ночи, чтобы войти в парк?

– Да, Янес.

– Ты мне это обещаешь?

– Даю слово.

– Тогда пошли.

Они прошли немного вдоль реки, потом решительно свернули в большой лес.

Казалось, ураган особенно бесновался в этой части острова. Многочисленные деревья, поваленные ветром, валялись на земле; некоторые вполунаклон, поддерживаемые лианами, другие рухнули совсем. Повсюду разметанные и вырванные кусты, груды листьев и веток, среди которых пищали обезьяны. Несмотря на все эти многочисленные препятствия Сандокан не сбавлял шаг.

Он продолжал идти до заката, без колебания выбирая дорогу.

Спустился вечер, когда неожиданно он остановился перед широкой тропой.

– Что ты увидел? – спросил португалец.

– Мы около виллы, – сдавленным голосом отвечал Сандокан. – Эта тропинка ведет в парк.

– Черт побери! Какая удача, дружище! Пошли дальше, но берегись совершить какое-нибудь безрассудство.

Сандокан не стал даже ждать, пока он закончит фразу. Взяв карабин на изготовку, он ринулся по тропинке с такой скоростью, что португалец едва поспевал за ним.

«Марианна! Любовь моя!.. – шептал он, все ускоряя шаги. – Я здесь, я рядом с тобой!..»

В этот момент он опрокинул бы целый полк, если бы тот встал на его пути. Он не боялся никого: сама смерть не заставила бы его отступить.

Он бежал, чувствуя себя объятым огнем. Он летел, забыв про всякую осторожность, яростно рубя лианы, ломая и отбрасывая ветки кустов, одним прыжком перескакивая через препятствия, которые преграждали ему путь.

– Эй, сумасшедший, – ругался Янес, тяжело топавший за его спиной. – Не гони! Дай передохнуть. Остановись же ты, тысяча чертей!..

– На виллу!.. На виллу!.. – отвечал, не оборачиваясь, пират.

Он остановился только у самой ограды парка, да и то лишь чтобы подождать товарища, а не из осторожности или усталости.

– Уф! – воскликнул португалец, догнав его. – Ты думаешь, я лошадь, что заставляешь меня так бежать? Не пори горячку хоть теперь – ты ведь не знаешь, кто может прятаться за этим забором.

– Я не боюсь англичан, – ответил Сандокан, который был во власти живейшего возбуждения.

– Я знаю, но, если ты дашь себя убить, ты никогда больше не увидишь свою Марианну.

– Но я не могу торчать здесь, мне нужно быстрее повидаться с ней.

– Спокойно, дружище. Слушайся меня и увидишь, что все устроится наилучшим образом.

Янес сделал ему знак молчать и с ловкостью кошки взобрался на забор, внимательно глядя в парк.

– Мне кажется, здесь нет часового, – сказал он. – Тогда войдем.

Он спрыгнул с другой стороны, Сандокан сделал то же самое, и оба в молчании углубились в парк, прячась за кустами и клумбами, устремив глаза на дом, который сумрачно вырисовывался в темноте.

Они были уже на расстоянии ружейного выстрела, когда Сандокан неожиданно остановился, выставив вперед карабин.

– Стой, Янес, – прошептал он.

– Что ты увидел?

– Людей, которые стоят перед домом.

– Неужели это лорд с Марианной?

Сандокан, у которого яростно стучало сердце, впился в них глазами, пытаясь издалека рассмотреть.

– Проклятие! – пробормотал он. – Солдаты!..

– Ах вот как! Дело осложняется, – проворчал португалец. – Что они делают?

– Если здесь солдаты, значит, Марианна еще на вилле.

– Мне тоже так кажется.

– Так что давай атакуем их.

– Ты с ума сошел!.. Хочешь, чтоб нас пристрелили? Нас двое, а там, может быть, целый взвод.

– Но я хочу ее видеть! – вскричал Сандокан, глядя на португальца глазами сумасшедшего.

– Успокойся, дружище, – крепко схватил его за руку Янес. – Успокойся, скоро ты ее увидишь.

– Каким образом?

– У меня есть план. Ложись тут рядом и наберись терпения. Я беру это на себя.

– А солдаты?

– Черт возьми! Надеюсь, они пойдут спать.

– Ты прав, Янес, подождем!

Они улеглись за густым кустом, но так, чтобы не терять из виду солдат, и ждали подходящего момента.

Прошло два, три, четыре часа, тянувшиеся для Сандокана, как четыре века. Наконец солдаты вошли в виллу, с шумом захлопнув дверь.

Сандокан сделал движение, чтобы броситься вперед, но португалец удержал его.

– Не спеши. Скажи мне лучше, что ты собираешься предпринять сейчас.

– Увидеть ее.

– И ты думаешь, это легко?.. Ты нашел подходящий способ для этого?

– Нет, но…

– Твоя возлюбленная знает, что ты здесь?..

– Нет, конечно.

– Значит, нужно сначала предупредить ее. Как видишь, мой бедный друг, этой ночью ничего сделать нельзя.

– Я могу добраться до ее окна, – сказал Сандокан.

– Ты что, не видел того солдата, который спрятался за углом павильона?

– Но что же мне делать? Я сгораю от нетерпения!..

– Ты знаешь, в какой части парка обычно гуляет Марианна?

– Она каждый день вышивает в китайской беседке.

– Прекрасно. Где она находится?

– Здесь рядом.

– Отведи меня туда.

– Что ты хочешь сделать, Янес?..

– Нужно предупредить ее, что мы здесь.

Взведя курки карабинов, поскольку не были уверены, что внутри пусто, Янес и Сандокан вошли. В беседке не было никого.

Янес зажег спичку и увидел на легком столе корзинку с кружевами и нитками, а рядом лютню, инкрустированную перламутром.

– Это ее вещи? – спросил он у Сандокана.

– Да, – ответил тот с бесконечной нежностью.

– Ты уверен, что она сюда вернется?

– Это ее любимое место. Сюда она заходит каждый день.

Янес вырвал из записной книжки листок, нашарил в кармане огрызок карандаша и, пока Сандокан жег новую спичку, написал:

«Мы высадились вчера во время урагана. Завтра вечером, в полночь, мы будем под вашими окнами. Найдите веревку, чтобы спустить ее из окна.

Янес де Гомейра».

– Надеюсь, мое имя ей знакомо, – сказал он.

– Еще бы, – ответил Сандокан. – Она знает, что ты мой лучший друг.

Янес сложил записку и положил ее в рабочую корзинку, так чтобы ее можно было сразу увидеть, а Сандокан сорвал несколько китайских роз и положил туда сверху.

– Теперь уходим, – сказал ему Янес.

– Иду за тобой, – отвечал Сандокан, сдержав вздох.

Через пять минут они перелезли через ограду парка и снова углубились в чащу темного леса.

Глава XVII
Ночное свидание

Ночь была бурная, ураган не успокоился до конца. Ветер тысячей голосов завывал и шумел в лесу, срывая листья, заставляя трещать ветки деревьев, скручивая жгутами потоки дождя.

– В такой темноте мы идем быстрей, чем средь бела дня, – заметил Янес. – Настоящая удача с такой ночью.

Сандокан спустился к берегу и при свете молнии быстрым взглядом окинул бухту.

– Никого, – сказал он глухим голосом. – Неужели с моими судами что-то случилось?

– Я думаю, что они еще стоят в своих укрытиях, – ответил Янес. – Они заметили, что надвигается новый ураган, а люди осторожные в этом случае с места не двинутся. Ты ведь знаешь, как нелегко пристать к берегу здесь, когда бушуют волны и ветер.

– У меня какое-то смутное беспокойство, Янес.

– Чего ты боишься?

– Что они потерпели крушение.

– Не беспокойся. Суда у нас прочные. Через несколько дней мы снова увидим их. Ты ведь назначил им встречу здесь?

– Да, Янес.

– Они придут. Поищем укрытие, Сандокан. Льет как из ведра, и этот ветер никак не утихнет.

– Куда идти? Тут есть хижина, построенная Джиро-Батолом, но я не знаю, смогу ли найти ее.

– Залезем в эту чащу бананов. Их листья укроют нас кое-как.

– Лучше построить шалаш, Янес.

– Я об этом не подумал. Через несколько минут он у нас будет.

Пользуясь своими тяжелыми крисами, они срубили несколько стволов бамбука, которые росли на берегу речки, и воткнули их, соединив верхушки, под деревом, чьи довольно густые листья неплохо защищали от дождя. Этот каркас они накрыли огромными листьями бананов, положив их таким образом, чтобы образовалась двускатная крыша.

Как и сказал Янес, хватило двух минут, чтобы построить это убежище.

Пираты забрались в него, прихватив с собой гроздь бананов, и после скудного ужина, состоящего всего лишь из этих плодов, постарались заснуть.

Ночь была хуже некуда. Несколько раз Янесу и Сандокану приходилось укреплять свой шалаш и заново покрывать его ветками и листьями банана, чтобы защититься от непрекращающегося проливного дождя.

Однако ближе к рассвету погода несколько успокоилась, позволив пиратам спокойно проспать до утра.

– Пойдем поищем себе что-нибудь на завтрак, – сказал Янес, проснувшись. – Надеюсь, попадется несколько устриц.

Они направились к бухте, идя по южному берегу и, пошарив среди скал, нашли их несколько дюжин, а в лесу прихватили несколько бананов и апельсинов, довольно больших и сочных.

Покончив с завтраком, они снова поднялись на берег к северу, надеясь обнаружить свои корабли, но ни один парус не виднелся в открытом море.

– Наверное, буря не дала им спуститься к югу, – сказал Янес Сандокану. – Ветер дул без перерыва с полудня.

– Я тоже беспокоюсь за их судьбу, – ответил Тигр Малайзии. – Это опоздание рождает во мне тяжелые опасения.

– Ничего. Наши люди – опытные моряки.

Большую часть дня они кружили по этим берегам, а ближе к вечеру вновь углубились в лес, чтобы добраться до виллы лорда Джеймса.

– Ты думаешь, что Марианна нашла нашу записку? – спросил Янес у Сандокана.

– Я уверен в этом, – ответил Тигр.

– Значит, она придет на свидание.

– Лишь бы она была свободна.

– Что ты хочешь сказать, Сандокан?

– Боюсь, что лорд Джеймс держит ее взаперти.

– Дьявол!..

– Но мы все равно пойдем на свидание. Что-то подсказывает мне, что я ее увижу сегодня.

– Но берегись, не делай опрометчивых шагов. И в парке, и на вилле полно солдат.

– Я помню об этом.

– Постараемся, чтобы нас не захватили врасплох.

– Я буду действовать осторожно.

– Ты мне это обещаешь?..

– Да.

– Тогда пойдем.

Тихо продвигаясь вперед, осторожно оглядывая густые заросли и прислушиваясь, чтобы случайно не нарваться на засаду, часам к семи вечера они оказались вновь в окрестностях парка. Нескольких минут, которые они простояли там, дожидаясь сумерек, хватило, чтобы сориентироваться в обстановке.

Убедившись, что никакой часовой не прячется в зарослях, они приблизились к изгороди и, помогая один другому, взобрались на нее. Спрыгнув с другой стороны, они углубились в парк и спрятались там среди кустов жимолости.

Отсюда хорошо просматривалось все, что происходило в парке перед домом и частью даже на самой вилле, подъезд которой и несколько окон были видны сквозь редкие деревья.

– Я вижу офицера справа у окна, – сказал Сандокан.

– А я часового на углу павильона, – сказал Янес. – Если он останется тут с наступлением темноты, он помешает нам.

– Мы снимем его, – ответил Сандокан решительно.

– Было бы лучше захватить его врасплох и связать, заткнув рот. У тебя есть веревка?..

– Есть мой пояс.

– Прекрасно и… О черт! Негодяи!..

– Что с тобой, Янес?..

– Они поставили решетки на окна.

– Проклятие Аллаха!.. – воскликнул Сандокан, сжав зубы.

– Да, дружище, лорд Джеймс, должно быть, хорошо узнал дерзость Тигра Малайзии. Черт побери!.. Сколько предосторожностей!..

– Значит, за Марианной следят.

– Конечно, Сандокан.

– И она не сможет прийти на свидание.

– Возможно.

– Но я повидаю ее все равно.

– Каким образом?..

– Заберусь на окно. Ты же предвидел это, и мы ей написали, чтобы она запаслась веревкой.

– А если нас застанут солдаты?..

– Дадим бой.

– Вдвоем?..

– Ты знаешь, как они нас боятся.

– Я не говорю нет, но все же…

– Мы деремся, как десять человек.

– Да, но если пули свистят слишком густо… Эй, смотри, Сандокан!

– Что такое?

– Взвод солдат покидает виллу, – отвечал португалец, притаившийся за толстым корнем ближайшего дерева, чтобы лучше наблюдать.

– Куда они идут?..

– Выходят из парка.

– Неужели они обшаривают окрестности?..

– Боюсь, что да.

– Тем лучше для нас.

– Да, возможно. А теперь подождем полночи.

Он лег на траву и положил свою шляпу под голову, как человек, решивший расслабиться и передохнуть, и так спокойно, будто находился на палубе одного из своих прао.

Сандокан же, весь нетерпение, не мог оставаться спокойным ни на минуту. То и дело он вставал, чтобы, впившись взглядом в темноту, разглядеть, что происходит на вилле лорда, в надежде увидеть там девушку.

Смутные опасения терзали его: он боялся, что вблизи дома ему приготовили западню. Возможно, записку нашел кто-то другой и передал лорду Джеймсу, а не Марианне.

Он без конца вопрошал Янеса, но тот лежал молча, не отвечая.

Наконец, наступила полночь.

Сандокан резко поднялся, готовый устремиться к дому, даже с риском выдать себя, но Янес схватил его за руку.

– Спокойно, дружище, – сказал он. – Ты обещал мне быть осторожным.

– Я не боюсь больше никого, – сказал Сандокан. – Я решился на все.

– Мне дорога моя шкура, друг. Ты забыл про часового у павильона?

– Тогда пойдем убьем его.

– Он поднимет тревогу.

– Мы его задушим.

Оставив кусты жимолости, они поползли среди клумб, прячась за кустами и китайскими розами, которые во множестве росли вокруг.

Оставалось около ста шагов до дома, когда Янес остановил Сандокана.

– Ты видишь того солдата? – спросил он.

– Да.

– Мне кажется, он спит, опираясь на свое ружье.

– Тем лучше, Янес. Пошли, и будь готов ко всему.

– Я приготовил свой платок, чтобы заткнуть ему рот.

– А у меня в руке крис. Если он закричит, я убью его.

Оба залезли в густую клумбу, которая тянулась в направлении павильона, и ползком, извиваясь, как змеи, вскоре оказались в двух шагах от солдата.

Бедный парень, сморенный усталостью, спал, опираясь на стену павильона, держа в обнимку ружье.

– Ты готов, Янес? – звенящим шепотом спросил Сандокан.

– Вперед.

Он тигриным прыжком бросился на молодого солдата и, крепко схватив за горло, рывком повалил его.

Янес тут же подоспел на помощь. Проворной рукой он заткнул пленнику рот и быстро связал ему руки и ноги.

– Берегись!.. – шепнул он на ухо часовому. – Если сделаешь хоть одно движение, я всажу в тебя нож. А теперь к ней, – сказал он Сандокану. – Какие окна ее?

– Вот эти! – воскликнул пират, который уже вперился глазами в них. – Вон они там, под карнизом!

– Потерпи, дружище, и, если дьявол не встанет у нас на пути, ты ее скоро увидишь.

Внезапно Сандокан отступил назад, со стоном сжав кулаки.

– Они загородили окно решеткой!

– Вот дьявол!.. – в сердцах сказал Янес. – Но ничего.

Он поднял несколько камешков и бросил один в окно. Оконное стекло тихо звякнуло. Затаив дыхание, оба ждали, во власти живого волнения.

Но никто не ответил.

Янес бросил второй камешек, потом, выждав, еще один, но все было тихо.

Но вдруг неожиданно окно распахнулось, и в голубоватом свете луны Сандокан увидел тонкую девичью фигурку, которую сразу узнал.

– Марианна! – прошептал он, протягивая руки к девушке, которая склонилась на решетку.

Легкий крик вырвался из ее груди, когда она узнала пирата.

– Дружище Сандокан, – сказал Янес, снятием шляпы галантно приветствуя девушку. – Поднимайся к окну, но помни, что здесь для нас слишком опасно, чтобы свидание могло быть долгим.

Сандокан кинулся к дому, цепляясь за карниз, добрался до окна и схватился за решетки.

– Ты!.. Ты!.. – воскликнула девушка без ума от радости. – Великий боже!

– Марианна! О моя Марианна!.. – прошептал он сдавленным голосом, покрывая ее руки поцелуями. – Наконец-то я вижу тебя! Ты моя! Правда, моя? Еще моя!..

– Да, твоя, Сандокан! И в жизни, и в смерти! – отвечала страстно она. – Боже мой, увидеть тебя после того, как я столько дней оплакивала тебя, как мертвого! Это слишком большая радость, любовь моя!

– Значит, тебе сказали, что я погиб?

– Да, и я так страдала! Я уже простилась с тобой навсегда.

– Нет, моя любимая Марианна, Тигр Малайзии не умрет так легко. Я прошел сквозь огонь и воду; я пересек море и собрал своих людей; я вернулся сюда во главе ста тигров, готовый на все, чтобы тебя спасти.

– Сандокан! Сандокан!

– Теперь скажи, – снова начал пират, – лорд Джеймс сейчас здесь?

– Да. Он держит меня, как пленницу, боясь, что я от него сбегу.

– Я видел солдат

– Их здесь много. Я запрятана за штыками и решетками, мне невозможно и шагу ступить. Любимый, боюсь, что мне не суждено стать твоей, никогда я не буду счастлива. Мой дядя ненавидит и меня, и тебя; никогда он не согласится породниться с Тигром Малайзии и все сделает, чтобы разлучить нас.

Две слезы, две жемчужины скатились по ее щекам

– Ты плачешь! – воскликнул Сандокан с мукой. – Любовь моя, не плачь, или я сойду с ума. Слушай меня, Марианна! Мои люди далеко, нас пока только двое, но завтра нас будет много, и мы освободим тебя. Как бы лорд ни стерег свою виллу, мы вырвем тебя отсюда.

Ради тебя я способен предать огню и мечу весь Лабуан! Хочешь, чтобы я похитил тебя этой ночью? Нас только двое, но, если хочешь, мы сейчас же взломаем решетки, мы взорвем этот дом!

– Нет!.. Нет!.. – вскричала она. – Нет, мой храбрец! Если умрешь ты, что делать мне? Ты думаешь, я переживу тебя? Я доверяю тебе, я жду тебя, но только делай все осторожно!..

В этот миг из кустов, в которых укрылся Янес, послышался легкий свист. Марианна вздрогнула.

– Ты слышал? – спросила она.

– Да, – отвечал Сандокан. – Это Янес дает мне сигнал.

– Может, он заметил опасность. Уходи быстрей, Сандокан. О боже, опять расставание!..

– Марианна!

– А что, если мы больше никогда не увидимся?..

– Нет, куда бы тебя ни увезли, я все равно смогу добраться до тебя.

Свист португальца послышался второй раз.

– Иди, мой милый, иди! – сказала Марианна. – Тебе угрожает большая опасность.

– О! Я не боюсь ее.

– Иди, Сандокан! Умоляю тебя, иди, пока тебя не застали здесь.

– Марианна!..

И в этот момент за спиной ее в комнате хлопнула дверь.

– Негодяй! – раздался чей-то яростный голос.

Лорд Джеймс, а это был именно он, схватил Марианну за плечи, пытаясь оторвать от решетки окна, в то время как внизу послышался лязг засовов.

– Беги! – закричал Янес.

– Беги, Сандокан! – повторила Марианна.

Нельзя было терять ни минуты. Понимая, что он погиб, если не исчезнет немедленно, Сандокан от ярости скрипнул зубами и, отпустив решетку, спрыгнул в сад.

Глава XVIII
Два пирата в одной печи

Любой другой человек переломал бы ноги в таком прыжке, но этого не случилось с Сандоканом, который был крепок, как бык, и обладал ловкостью тигра.

Едва он коснулся земли, свалившись в самую середину клумбы, как тут же вскочил с крисом в руке, готовый и нападать, и защищаться.

К счастью, португалец был там. Он схватил его за плечи и резко толкнул в кусты, прошептав:

– Беги же, несчастный! Ты хочешь, чтобы нас убили?

– Пусти меня, Янес, – сказал пират, страшно возбужденный этой встречей. – Пусти, я буду здесь драться с ними!

Четверо солдат выбежали из дома и, заметив их, вскинули ружья.

– Спасайся, Сандокан! – послышался из комнаты крик Марианны.

В тот же миг раздался и ружейный залп. Пуля пробила Сандокану тюрбан и вонзилась в ствол ближнего дерева. С рычанием, подобным звериному, он быстро обернулся и разрядил свой карабин. Один из солдат повалился навзничь, получив пулю в лоб.

– Беги! – закричал Янес, увлекая его к изгороди. – Беги, упрямец, черт тебя подери!..

Дверь дома распахнулась, и еще с десяток солдат устремились наружу.

Португалец выстрелил из-за листвы. Сержант, командовавший маленьким отрядом, упал. Солдаты остановились, замешкавшись.

– Ноги в руки, дружище, – сказал Янес, пользуясь их минутным замешательством.

– Я не могу оставить ее одну, – с мукой произнес Сандокан, у которого от страсти уже помутилось сознание.

– Бежим, говорю!

Шагах в тридцати от них появились еще два солдата, за ними цепью рассыпался целый отряд.

Пираты больше не колебались. Они кинулись в самую гущу кустов и пустились бегом к забору. Вслед прогремело несколько выстрелов, правда, бесполезных.

– Ничего, ничего, дружище, – говорил португалец, заряжая на бегу свой карабин. – Завтра мы вернем им те пули, которые они нам послали вслед.

– Боюсь, все пропало, Янес, – сказал Сандокан подавленно.

– Почему?

– Теперь они знают, что я здесь, и не дадут захватить себя врасплох.

– Может, и так, но скоро нас будет сто человек. Кто устоит тогда перед нами?

– Я опасаюсь лорда.

– А что он может сделать?

– Этот человек способен убить Марианну, лишь бы она не попала в мои руки.

– Дьявол! – воскликнул Янес, яростно стукнув себя по лбу. – Об этом я не подумал.

Он было остановился, чтобы принять какое-то решение, но сзади в густой темноте замелькали бегущие красноватые огоньки.

– Англичане! – вскричал он. – Они напали на наш след и преследуют нас. Ну же, быстрей, Сандокан!

И они помчались бегом, стремясь быстрее достичь изгороди.

Не останавливаясь, пробежали мимо китайской беседки; перепрыгнули через несколько клумб и, пробираясь между розовых кустов, не замеченные солдатами, которые рыскали уже по всему парку, оказались наконец у изгороди.

– Спокойно, Сандокан, – сказал Янес, удерживая товарища, который готов был перемахнуть через нее. – Выстрелы могли привлечь тех солдат, которые, как мы видели, вышли из парка на закате.

– Может, они уже снова вошли в парк?

– Тсс!.. Молчи!.. Спрячься здесь рядом и слушай.

Сандокан прислушался, но не услышал ничего, кроме шороха листвы.

– Ты кого-нибудь видел? – спросил он.

– Я слышал, как за изгородью хрустнула ветка.

– Может, это было животное.

– А может быть, и солдаты. Мне даже показалось, что я слышу разговор. Наверняка за этой изгородью притаились красные мундиры. Ты разве не помнишь отряд, который вышел из парка?

– Да, Янес. Но мы же не можем остаться в парке.

– Что ты хочешь сделать?

– Убедиться, свободен ли путь.

Сандокан, ставший теперь более осторожным, бесшумно поднялся и, бросив быстрый взгляд под деревья парка, с легкостью кошки взобрался на изгородь. Едва он приподнялся над ней, как услышал на другой стороне приглушенные голоса.

«Янес не ошибся», – прошептал он.

Он наклонился вперед и взглянул под деревья, росшие с той стороны ограды. Несмотря на глубокую тьму там смутно различались несколько человеческих фигур, собравшихся под большой пальмой.

– Ты был прав, – сказал он, спустившись обратно. – По ту сторону люди в засаде.

– Их много?

– Мне показалось, полдюжины.

– Черт побери!..

– Что делать, Янес?

– Пошли отсюда немедленно и поищем другой путь для выхода.

– Боюсь, что уже поздно. Бедная Марианна!.. Она, конечно, в отчаянии, решив, что нас уже схватили или убили.

– Пока не думай о ней, Сандокан. Нам сейчас угрожает большая опасность.

– Пошли же.

– Тише, Сандокан. За изгородью разговаривают.

В самом деле, послышались два голоса, один хриплый, а другой властный, которые разговаривали у самой изгороди. Ветер дул оттуда и отчетливо доносил до пиратов слова.

– Говорю тебе, – напирал властный голос, – что пираты проникли в парк, чтобы захватить виллу.

– Не может быть, сержант Белл, – отвечал другой.

– Ты думаешь, дурак, что наши товарищи тратят пули для развлечения? У тебя пустая башка, Вилли.

– Тогда они не дадут им сбежать.

– Надеюсь. Но довольно: иди на свой пост, Вилли. Три карабина на каждые сто метров – этого достаточно, чтобы остановить Тигра Малайзии и его сообщников. Не забывай, что мы заработаем тысячу фунтов, если нам удастся убить пирата.

– По-моему, прекрасная цифра, – сказал Янес, улыбаясь. – Лорд Джеймс очень тебя ценит, дружище.

– Им придется подождать с этим, – отвечал Сандокан.

По ту сторону ограды затрещали ветки, зашелестели листья, и все стихло.

– Эти негодяи значительно увеличились в числе, – прошептал Янес, наклонившись к Сандокану. – Нас вот-вот окружат, дружище. Нужно быть предельно осторожными, чтобы не попасться в их сети.

– Да, ты прав, – согласился Сандокан.

Он поднялся и посмотрел в парк.

Там все мелькали огоньки, появляющиеся и исчезающие среди клумб. Но солдаты, видимо, потеряли следы беглецов и теперь слонялись наудачу; вероятно, они ждали рассвета, чтобы начать настоящий поиск.

– Здесь нам нечего опасаться, – сказал он.

– Может, попробуем прорваться где-нибудь в другом месте? – спросил Янес. – Парк большой, и, наверное, не вся изгородь охраняется.

– Нет, дружище. Если нас обнаружат, нам от них не уйти. Нам лучше спрятаться пока что в парке.

– А где?

– Пошли со мной, и ты будешь доволен. Ты просил меня не совершать безумств, и я покажу, что умею быть осторожным. Если меня убьют, Марианна не переживет моей гибели; так что не будем подставлять им лоб.

– А если нас там накроют?

– Не думаю. Да мы и не останемся там очень долго. Завтра вечером, так или иначе, мы вырвемся отсюда. Пошли, Янес. Я отведу тебя в надежное место.

Они поднялись и короткими перебежками отошли от изгороди, прячась среди кустов.

Сандокан заставил Янеса пересечь часть парка и привел его к небольшому одноэтажному строению, которое служило цветочной оранжереей и возвышалась шагах в пятидесяти от дома лорда Гвиллока.

Он бесшумно открыл дверь и на ощупь вошел.

– Куда мы идем? – спросил Янес.

– Зажги кусок трута, – отвечал Сандокан.

– Не заметят ли свет снаружи?

– Опасности нет. Оранжерея окружена густыми деревьями.

Янес послушался и зажег трут.

Комната была полна огромных кадок с растениями, издававшими резкий аромат, поскольку все они были в цвету, и заставлена стульями и бамбуковыми столами, очень легкими.

На противоположном конце была печь для ее обогрева, занимавшая чуть не четверть комнаты.

– Убежище не кажется мне надежным, – заметил Янес. – Тут не будет недостатка в солдатах, желающих перерыть все и вся, особенно за тысячу фунтов, которые лорд Джеймс обещал за твою поимку.

– Я не говорил, что они сюда не придут.

– Но тогда, какого же черта?..

– Спокойно, друг Янес.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что им не придет мысль искать нас в печи.

Янес не мог удержаться от смеха.

– В этой печи!.. – воскликнул он.

– Да, мы спрячемся там внутри.

– И станем черней, чем африканцы, дружище. Там, должно быть, полно сажи, в этом монументальном калорифере.

– Не важно – отмоемся, Янес.

– Но… Сандокан!..

– Выбирать не приходится: или в печь, или попасть в руки англичан.

– Выбор не таков, чтобы долго мучиться, – отвечал Янес, смеясь. – Ну что ж, войдем в это наше жилище. Посмотрим, удобно ли по крайней мере оно.

Он открыл железную заслонку, зажег кусок трута и решительно полез в огромную печь, звонко чихая. Сандокан без колебаний последовал за ним.

Места было вполне достаточно, но и золы вместе с сажей хватало. Печка была так высока, что два пирата могли не только лежать, но и сидеть в ней довольно удобно. Было слышно, как снаружи разговаривают и подходят люди. Листва шелестела, и камешки аллеи скрипели под ногами солдат.

Сандокан велел потушить трут, приказал Янесу не двигаться, а сам осторожно приоткрыл железную заслонку и выглянул.

Внутри оранжерея была темна, но сквозь стекла ее виднелись факелы, горящие среди зарослей бананов и апельсиновых деревьев, которые росли вокруг.

Приглядевшись повнимательней, он увидел пять или шесть солдат с двумя неграми.

«Неужели они намереваются осмотреть оранжерею?» – спросил он себя с тревогой.

Он осторожно закрыл заслонку и приблизился к Янесу в тот момент, как луч света проник внутрь их маленького убежища.

– Они идут, – сказал он товарищу, который почти не осмеливался вздохнуть. – Будем готовы ко всему. Твой карабин заряжен?

– У меня уже палец на курке.

– Приготовь заодно и крис.

Отряд вошел в оранжерею, полностью осветив ее. Сандокан из-за заслонки видел, как солдаты передвигают кадки и стулья, осматривая все углы помещения. Несмотря на всю свою храбрость, он почувствовал себя неуютно.

Если англичане шарят везде так упорно, может статься, им бросится в глаза и печь. С минуты на минуту их с Янесом могли обнаружить.

Янес притаился в глубине печи, полузарывшись в золу и пепел.

– Не двигайся, – прошептал ему на ухо Сандокан. – Может, нас и не заметят.

– Тише! – сказал Янес. – Слушай!

Чей-то голос произнес:

– Неужели этот проклятый пират в самом деле ушел нас?

– Как сквозь землю провалился, – сказал другой солдат.

– О! Этот человек на все способен, – сказал третий. – Да это не человек, а настоящий оборотень. Его называют тигром – он и есть тигр, только принимающий на время человеческий облик.

– Перестань, Варрес, – проворчал первый голос. – От этих твоих разговорчиков становится как-то не по себе.

– Я его видел только один раз, и мне этого хватило. Не человек, а настоящий тигр, говорю я вам. Он накинулся на нас, хотя наших было пятьдесят человек; почти все выстрелили разом, но ни одна пуля его не задела.

– Ты нагоняешь на меня страх, Боб, – сказал другой солдат.

– А кто бы тут не испугался? – спросил тот, которого звали Боб. – Я думаю, даже сам лорд Гвиллок дрожит у себя в доме от страха.

– Как бы то ни было, но мы захватим его. Невозможно, чтобы он снова сбежал. Весь парк окружен, и, если он захочет взобраться на изгородь, то оставит там свои кости.

– Оборотня не схватишь.

– Кончай, Боб, болтать про нечистую силу. Ведь сумели же матросы крейсера всадить ему пулю в грудь. Лорд Гвиллок, который видел его рану, утверждает, что Тигр – человек, как и мы, и из тела его текла такая же кровь, как наша.

– Такая же кровь?

– Конечно. Этот пират просто очень удачливый малый. И очень смелый, конечно. Но все равно, он мошенник, достойный виселицы.

– Каналья, – пробормотал Сандокан. – Если бы я не сидел в этой печке, я бы тебе показал, кто я такой!

– Давайте, – опять начал первый голос, – посмотрим вон в том углу.

– Здесь его нет. Пойдем искать в другом месте.

– Не торопись, Боб. Видишь вон ту огромную печь? Не худо бы заглянуть в нее.

– Издеваешься? – сказал Боб. – Станет он прятаться в какой-то печи. Говорю тебе, нет здесь никого.

– Пойдем посмотрим на всякий случай.

Сандокан и Янес отползли насколько возможно в дальний угол печи и почти зарылись там в пепел и золу.

Миг спустя железная заслонка была отодвинута, и полоса света проникла внутрь; однако не настолько яркая, чтобы осветить всю печь. Солдат сунул голову, но тут же отпрянул, звучно чихая.

Пригоршня пепла, брошенная ему в лицо Сандоканом, сделала его черным, как каминная труба, и почти слепым.

– К черту все это! – воскликнул солдат. – Эту адскую топку сто лет не чистили. Пойдемте отсюда на свежий воздух. Здесь просто нечем дышать.

Топоча, как слоны, и бренча оружием, солдаты вышли из оранжереи, с грохотом захлопнув за собой дверь. Еще несколько мгновений слышались их шаги и голоса, потом все стихло.

Португалец чувствовавший, что задыхается в этой печи, полной золы и пепла, высунул вперед карабин, потом выполз до самой заслонки и ловко прыгнул на одну из кадок поблизости, чтобы не оставить на полу следы сажи.

Сандокан проделал тот же предусмотрительный маневр и, прыгая с кадки на кадку, они добрались до двери оранжереи.

– Никого не видно? – спросил он.

– Вокруг все темно.

– Тогда пойдем нарвем бананов.

Они двинулись к зарослям, которые росли вдоль аллеи и, найдя несколько банановых и апельсиновых деревьев, набрали вдоволь плодов.

Они собрались вернуться в оранжерею, когда Сандокан неожиданно остановился.

– Подожди меня здесь, Янес. Пойду посмотрю, где солдаты.

– Не валяй дурака, – ответил португалец. – Пусть они ищут нас, сколько хотят. Нам-то теперь, что за дело?

– У меня есть план.

– К черту твой план. Ночью все равно ничего сделать нельзя.

– Кто знает? – отвечал Сандокан. – Может, мы сможем выбраться отсюда, не дожидаясь утра. Я отлучусь ненадолго.

Он протянул Янесу карабин, выхватил крис и молча углубился в густые заросли.

Он добрался до последней группы бананов и увидел невдалеке несколько факелов, которые двигались по направлению к ограде.

– Кажется, они уходят, – прошептал он. – Посмотрим, что происходит в доме. Ах!.. Если бы я мог увидеть, хоть на миг, мою Марианну… Я бы ушел отсюда спокойный.

Он удержал новый вздох и направился к аллее, стараясь держаться за кустами.

Завидев дом, он остановился в зарослях манго и осторожно выглянул. Сердце его забилось, когда он увидел, что окно Марианны освещено.

– Ах! Если бы я мог похитить ее! – прошептал он, устремив горящий взгляд на свет, блиставший сквозь решетки.

Он сделал еще три-четыре шага, пригнувшись к земле, и снова остановился.

В окне мелькнула какая-то тень, и ему показалось, что это тень любимой девушки.

Его колебание длилось недолго.

«А что, если еще раз попробовать?..» – мелькнуло у него в голове.

Не обращая внимания на опасность, он вышел из-за кустов и двинулся к дому. Он был уже в десяти шагах, когда услышал справа какой-то шорох и лязг карабина.

– Стой! Кто идет? – закричал часовой.

Сандокан остановился.

Глава XIX
Призрак красных мундиров

Игра была непоправимо проиграна, даже могла стать последней для него и Янеса.

Нельзя было предполагать, что часовой в такой темноте мог отчетливо разглядеть его, поскольку он был за кустами, однако тот явно слышал шаги и мог покинуть свой пост, чтобы пойти взглянуть или позвать товарищей.

Сандокан опомнился и понял, чем рисковал; он замер и остался неподвижным в своем укрытии.

Часовой повторил окрик; потом, не получив никакого ответа, сделал несколько шагов вперед, наклоняясь вправо и влево, чтобы лучше убедиться, не прячется ли кто-нибудь в кустах. Решив наконец, что ему это лишь показалось, он вернулся на свой пост у двери дома.

Сандокан отступил назад и с тысячей предосторожностей, переходя от ствола к стволу и прячась за кустами, вернулся в оранжерею, где португалец ждал его, терзаясь тревогой.

– Ну что ты видел? – спросил его Янес. – Я дрожал за тебя.

– Ничего хорошего для нас, – ответил Сандокан с раздражением. – Дом охраняется часовым, а парк прочесывают солдаты во всех направлениях. Этой ночью мы не сможем сделать абсолютно ничего.

– Тогда воспользуемся ею, чтобы вздремнуть. Немного отдыха нам бы не повредило.

– Да, но с открытыми глазами.

– Я бы хотел научиться спать с открытыми глазами. Ну да ладно, давай уляжемся за этими кадками и постараемся уснуть,

Кое-как они устроились за китайскими розами и постарались немного отдохнуть.

Но несмотря на всю накопившуюся за эти дни усталость, им не удалось сомкнуть глаз. Мысль, что сюда нагрянут солдаты, держала их в постоянном напряжении. Несколько раз, чтобы успокоить все растущую тревогу, они вставали и выходили из оранжереи, чтобы посмотреть, не приближаются ли враги.

Когда взошло солнце, англичане продолжали обыскивать парк с тем же ожесточением, шаря в зарослях бамбука и бананов, в кустах и на клумбах. Казалось, они убеждены, что рано или поздно обнаружат обоих пиратов, и не верят, что те могла ускользнуть через изгородь.

Видя, что они далеко, Янес и Сандокан воспользовались этим, чтобы набрать побольше бананов и апельсинов. Тут же снова залезли в печь, тщательно стерев следы сажи на полу.

Хотя оранжерея была уже осмотрена, англичане снова могли вернуться сюда, чтобы при свете дня убедиться, что здесь не скрываются оба пирата.

Проглотив свой скудный завтрак, два друга закурили и поудобнее устроились среди золы и пепла в ожидании наступления ночи, чтобы снова попытаться бежать.

Они сидели так уже несколько часов, когда Янес вдруг услышал снаружи шаги. Оба напряглись, подтянув к себе карабины и крисы.

– Неужели они возвращаются? – спросил португалец.

– Может, тебе показалось? – сказал Сандокан.

– Нет, кто-то идет по аллее.

– Если бы я был уверен, что идет только один человек, я бы вышел, чтобы захватить пленника.

– Ты с ума сошел, Сандокан.

– Мы бы узнали от него, где находятся солдаты и с какой стороны проще уйти.

– Гм!.. Я уверен, что он нас обманет.

– Не посмеет. Хочешь, пойдем посмотрим.

– Не увлекайся, Сандокан.

– Но нужно же что-то предпринять.

– Тогда выйду я.

– А я что останусь тут делать?

– Если понадобится помощь, я позову тебя.

– Ты больше ничего не слышишь?

– Нет.

– Тогда иди. А я буду наготове.

Янес несколько мгновений прислушивался, потом пересек оранжерею, вышел и внимательно оглядел заросли бананов.

Притаившись в гуще кустов, он увидел солдат, которые шарили, правда, уже неохотно, в полегших стеблях на клумбе парка.

Другие, видимо, уже вышли за ограду, потеряв надежду найти пиратов внутри.

«Если за эти часы они нас не найдут, – сказал себе Янес, – то решат, что мы вырвались. Тогда уже вечером мы сможем покинуть наше убежище и скрыться в лесу».

Он собирался вернуться, когда заметил солдата, идущего по аллее, ведущей к оранжерее.

Он кинулся в гущу бананов и, прячась за их гигантскими листьями, быстро добрался до Сандокана. Тот, видя друга очень встревоженным, сразу схватился за карабин.

– Что случилось? – спросил он его.

– Какой-то солдат направляется к нашему убежищу, – ответил Янес.

– Только один?

– Да, один.

– Вот человек, который мне нужен.

– Что ты хочешь сказать?

– А другие далеко?

– Они у изгороди.

– Тогда мы захватим его.

– Кого? – спросил Янес испуганно.

– Солдата, который идет в нашу сторону.

– Ты хочешь нас погубить, Сандокан.

– Этот человек мне нужен. Быстро, за мной.

Янес хотел протестовать, но Сандокан уже выскочил из оранжереи. Волей-неволей, а ему пришлось пойти следом, чтобы помочь, по крайней мере, в случае чего.

Солдат, которого заметил Янес, уже приближался. Это был худосочный юноша, бледный, рыжеволосый, с желтоватым пушком на щеках: скорее всего, новобранец.

Он шел без опаски, насвистывая сквозь зубы и держа ружье за спиной.

– Дело будет нетрудное, – сказал Сандокан, наклонившись к Янесу, который догнал его. – Спрячемся среди этих бананов и, как только молодчик пройдет мимо, бросимся на него. Приготовь платок, чтобы заткнуть ему рот.

– Я готов, – ответил Янес. – Но повторяю, ты поступаешь неосторожно.

– Этот парень не станет сопротивляться.

– А если он закричит?

– У него на это не будет времени. Вот он!

Солдат уже проходил мимо них, не замечая ничего. Янес и Сандокан одновременно кинулись ему на плечи, свалили и засунули в рот платок.

Несмотря на эту молниеносную атаку, юноша успел издать громкий крик.

– Давай, Янес! – скомандовал Сандокан.

Португалец схватил пленника на руки и быстро втащил его в печь.

Через несколько мгновений Сандокан догнал его. Он не успел подобрать карабин пленника, оставленный на траве, потому что заметил двух солдат, бегущих по аллее.

– Дело плохо, – сказал он, быстро забираясь в печь.

– Они заметили нас? – спросил Янес.

– Они, наверное, услышали крик.

– Тогда мы пропали.

– Еще нет. Но, увидев на траве карабин этого парня, они, конечно, примутся искать его.

– Не будем терять времени, бежим к ограде.

– Нас застрелят раньше, чем мы сделаем десять шагов. Останемся здесь в печи и спокойно подождем, что будет. Мы вооружены, и голыми руками нас не возьмешь.

– Кажется, они идут.

Португалец не ошибся. Несколько солдат подошли к оранжерее, ведя между собой разговор.

– Если он оставил карабин здесь, значит, кто-то напал на него, – сказал один солдат.

– Не может быть, чтобы пираты на это отважились, – возразил другой. – Может, Барри хотел над нами подшутить?

– Сейчас не время для шуток.

– Но я и не думаю, чтобы с ним случилось что-то серьезное.

– А я говорю вам, что на него напали два пирата, – сказал еще кто-то с шотландским акцентом. – Ведь никто не видел, как они выбирались через ограду.

– А где же они тогда прячутся? Мы осмотрели весь парк. Они что, сквозь землю провалились?

– Эй!.. Барри!.. – закричал громовой голос. – Кончай свои дурацкие шутки, или ты пожалеешь об этом. Давай выходи!

Естественно, никто ему не ответил. Парень, может, и хотел бы, но с заткнутым ртом и под двумя нависшими над ним крисами, он был нем как рыба.

Это молчание укрепило солдат в подозрении, что с их товарищем что-то случилось.

– Ну что будем делать? – спросил шотландец.

– Поищем его, – сказал другой.

– Да мы уже обшарили все кусты.

– Войдем в оранжерею, – предложил третий.

Оба пирата, заслышав эти слова, переглянулись в печной полутьме.

– Что делать? – спросил Янес.

– Прикончим пленника, – решительно сказал Сандокан.

– Кровь выдаст нас. Да этот парень и так уже мертв со страха, он не сможет повредить нам.

– Черт с ним, пусть живет. Ты следи за заслонкой и проломи череп первому, кто сунется сюда.

– А ты?

– А я приготовлю сюрприз этим красным мундирам.

Янес взял карабин, и приставил его дулом к заслонке. А Сандокан привстал и ощупал кирпичные стенки печи в разных местах.

– Номер, кажется, выйдет, – сказал он себе. – Подождем лишь момента.

Тем временем солдаты вошли в оранжерею и снова принялись ворошить садовые инструменты и сдвигать с места кадки, проклиная при этом и Тигра Малайзии, и своего товарища.

Так, разбросав и поставив вверх дном все, что было в оранжерее они дошли, наконец, до печи.

– Тысяча чертей! – воскликнул шотландец. – А что если Барри убили и спрятали там внутри?

– Пошли посмотрим, – сказал другой.

– Осторожней, друзья, – заметил третий. – Печь такая просторная, что там поместится и не один человек.

Сандокан напрягся и отклонился чуть в сторону, готовясь нанести страшный удар плечом.

– Янес, – шепнул он, – приготовься следовать за мной.

Услышав, как лязгнула открываемая заслонка, он отклонился еще больше и с силой кинулся на стенку. Послышался глухой треск, грохот падающих кирпичей, и стена, пробитая мощным ударом, разлетелась вдребезги.

– Тигр! – закричали в ужасе солдаты, кидаясь врассыпную.

Выскочивший из кирпичных руин черный от сажи Сандокан с карабином в одной руке и крисом в другой, был и в самом деле ужасен.

Он выстрелил в первого солдата, одним ударом повалил двух других и бросился вон из оранжереи, сопровождаемый Янесом.

Глава XX
В дебрях Лабуана

Переполох, поднятый ими, был так велик, что никто в первую минуту и не подумал воспользоваться оружием. Когда же, придя в себя от удивления, солдаты бросились в погоню, было уже слишком поздно.

Не обращая внимания на звуки трубы, раздавшиеся в саду, и выстрелы солдат, выстрелы наугад, куда попало, оба пирата бросились прямо к изгороди.

– Быстрее! – кричал Сандокан. – А то нам отрежут путь.

Но Янеса и не нужно было подгонять. Добежав до изгороди, они одним махом вспрыгнули на нее и свалились с другой стороны.

– Никого? – спросил Сандокан.

– Ни одной живой души.

– Быстрее в лес. Нам надо запутать следы.

Лес был всего в двух шагах. Оба во весь дух устремились туда. Оказавшись в такой непролазной чаще, оба вскоре застряли в ней. Казалось, нужна была пушка, чтобы пробить эту стену из стволов, корней и лиан.

– Куда пойдем? – спросил Янес. – Я больше не вижу никакого прохода.

– Будем подражать обезьянам, – сказал Сандокан.

– Да, иного выхода нет.

– Так мы собьем со следа англичан.

– А сами не заблудимся?

– Не бойся, мы, калимантанцы, никогда в лесу не собьемся с пути. Мы инстинктом находим дорогу.

– Неужели англичане догонят нас?

– Сомневаюсь, – ответил Сандокан. – Если мы тут едва пробились, то они не смогут сделать и десяти шагов. Но постараемся уйти от них подальше. У лорда Джеймса есть овчарки, и он может натравить их на нас.

– У нас есть кинжалы, чтобы распороть им брюхо.

– И все-таки, Янес, они опаснее людей.

Цепляясь за лианы, два пирата принялись карабкаться на эту живую стену с ловкостью, которой могли позавидовать обезьяны.

Пройдя так пятьсот или шестьсот метров, они остановились среди путаницы ветвей.

– Немного отдохнем, – предложил Сандокан. – Никто не найдет нас в такой непролазной чащобе.

– Нам страшно повезло, что мы сбежали от этих негодяев, – утирая пот с лица, сказал Янес. – Сидеть в печи в окружении десятка солдат и при этом спасти свою шкуру – тут помогло только чудо. Здорово ты, должно быть, их напугал.

– Наверное, – ответил, улыбаясь, Сандокан. – Я не столько даже на тигра был похож, сколько на черта!

– Теперь все знают, что нам удалось бежать. Наверное, и Марианна тоже.

– Надеюсь, – со вздохом сказал Сандокан.

– Но плохо, что все это вынудит лорда Джеймса искать убежища в Виктории.

– Ты так думаешь? – помрачнев, спросил Сандокан.

– Там он будет чувствовать себя увереннее, зная, что мы так близко.

– Верно, Янес. Нужно поскорей отыскать наших людей.

– Может, они уже причалили?

– Тогда мы найдем их в устье речки.

– Если только с ними не случилась беда.

– Не будем думать о худшем. Я уверен, что скоро мы их найдем.

– И сразу нападем на виллу?

– Там видно будет.

– Хочешь совет, Сандокан.

– Говори, Янес.

– Вместо того чтобы осаждать виллу, подстережем, когда лорд с Марианной выйдет из нее. Он долго не усидит там, вот увидишь.

– Ты хочешь напасть на него по дороге?..

– В чаще леса. Осада может затянуться и стоить огромных жертв.

– Совет хорош.

– Уничтожив или разогнав эскорт, мы похитим девушку и тут же вернемся на Момпрачем.

– А лорд?..

– Отпустим его на все четыре стороны. На что он нам нужен?.. Пусть себе отправляется в Саравак или в Англию, его дело.

– Он не поедет ни туда, ни в другое место, Янес.

– Что ты хочешь сказать?

– Что он не даст нам ни минуты передышки и обрушит на нас все силы Лабуана.

– Ты очень боишься этого?

– Я?.. Может ли Тигр Малайзии бояться их?.. Напав на мой остров, они обломают об него свои зубы. На Борнео много диких племен, готовых встать под мои знамена. Достаточно мне послать своих ребят туда и на Ромадес, как к нам приплывут десятки новых судов.

– Я знаю, Сандокан.

– Если я захочу, я могу развязать жестокую войну на островах, но…

– Но ты этого не сделаешь, Сандокан. Ведь похитив Марианну, ты не будешь больше прежним Сандоканом. Ты станешь, дружище, совершенно другим.

Сандокан не ответил. Но из груди его вырвался такой сильный вздох, что походил на глухое рычание.

– Марианна полна энергии, – задумчиво продолжал Янес. – Она из тех женщин, которые могли бы сражаться бок о бок с любимым человеком, но мисс Марианна никогда не станет королевой Момпрачема. Это ведь так, Сандокан?

И на этот раз пират промолчал. Он сжал голову руками и взглядом, в котором сверкало мрачное пламя, смотрел неотрывно куда-то вдаль, словно там, далеко, пытался прочесть свое будущее.

– Печальные дни ждут наш Момпрачем, – продолжал Янес. – Оплот пиратов, несокрушимый остров через месяц-другой может потерять все свое значение. Потеряет всех своих тигров… Ну что ж, будь что будет. У нас хватит богатства, чтобы осесть где-нибудь на Востоке и наслаждаться спокойной жизнью.

– Молчи! – сказал Сандокан глухим голосом. – Молчи, Янес. Никому не дано знать, какая судьба ждет впереди тигров Момпрачема.

– Но ее можно предугадать.

– Но можно при этом и обмануться.

– Значит, у тебя есть идеи?

– Я пока о них ничего не могу сказать. Покончим сначала с тем делом, которое нас сюда привело. А там поглядим… Ну, отдохнули, пошли дальше.

– Еще рановато.

– Мне не терпится увидеть прао.

– Англичане могут подстерегать нас на краю леса.

– Я их больше не боюсь.

– Осторожней, Сандокан. Пусть солдаты и считают тебя демоном, ты все же не демон, а человек, и одна пуля из карабина может отправить тебя на тот свет.

– Хорошо, я буду осторожен. Смотри, там, кажется, лес редеет. Пошли, Янес, меня гложет нетерпение.

Но выбраться из леса было непросто. Со всех сторон их окружали заросли, густые и высокие, как прежде. Даже Сандокан чувствовал в них себя неуверенно: ориентироваться тут было нелегко.

– Попали мы в переделку, – сказал Янес, который, не видя солнца, запутался совсем. – Куда идти? Где эта речка?

– Честно говоря, я тоже не знаю, – признался Сандокан. – Вон там, похоже, узенькая тропинка. Она уже заросла травой, но все же, надеюсь, выведет нас из чащи и…

– Лай, не так ли? – насторожился Янес.

– Да, – кивнул пират.

– Собаки напали на наш след?

– Они бегут наугад. Слушай.

Издалека, из густых зарослей послышался второй лай. Какая-то собака проникла в чащу и пыталась настичь беглецов.

– Одна она или за ней следом идут люди? – спросил Янес.

– Может, какой-нибудь негр. Солдату не пробраться в такой чащобе.

– Что будем делать?

– Спокойно ждать. Если псина набросится, убьем ее.

– Из ружья?

– Выстрел нас выдаст, Янес. Достань свой крис.

Оба спрятались за толстый ствол дерева, который вместе с оплетавшими его лианами образовал настоящую стену, и стали ждать появления своего четвероногого врага.

Пес быстро приближался. Скоро вблизи послышался треск веток и глухой отрывистый лай.

Должно быть, он уже напал на след пиратов и торопился не дать им уйти.

Возможно, вслед за ним, поотстав, бежали и слуги.

– Вот он! – внезапно произнес Янес.

Огромный черный пес со вздыбленной шерстью и устрашающе разинутой пастью выскочил из кустов. Это была собака той свирепой породы, что используется плантаторами Южной Америки и Антильских островов для охоты за чернокожими рабами.

Увидев пиратов, пес остановился, горящими глазами глядя на них, и вдруг прыжком леопарда бросился вперед, издавая страшное рычание.

Сандокан быстро встал на колено, держа крис горизонтально, в то время как Янес схватил карабин за ствол, чтобы использовать его, как дубину.

Последним прыжком пес обрушился на Сандокана, который был ближе, пытаясь схватить его за горло.

Но если пес был свиреп, то и Тигр Малайзии был не промах. Его правая рука, быстрая, как молния, взметнулась вверх, и крис по самую рукоятку вошел в грудь животного. Одновременно Янес так хватил его карабином по черепу, что пес свалился замертво.

– С него довольно, – сказал Сандокан, поднимаясь и отпихивая ногой издыхающую собаку. – Если вслед за этим не примчатся другие, мы можем продолжать путь спокойно.

– Как бы за этой собакой не шли люди.

– Тогда бы они уже стреляли в нас.

Не беспокоясь больше, оба пирата устремились по старой заросшей тропинке вперед. Вскоре тропинка исчезла и им пришлось продвигаться наугад, почти наощупь. Они продви-

гались так часа два, как вдруг заметили внизу ручей с черноватой водой и спустились на землю.

– Нет ли тут змей? – опасливо спросил Янес, приглядываясь к воде.

– Нет, только пиявки.

– Ты хочешь воспользоваться им, как проходом?

– Предпочитаю так, чем по воздуху.

– Посмотрим, не глубоко ли тут.

– Наверное, не выше колен. Однако удостоверимся.

Португалец сломал ветку и погрузил ее в ручей.

– Ты не ошибся, Сандокан, – сказал он. – Можно спускаться.

Они отпустили ветку, за которую держались, и спрыгнули в маленький поток.

– Ничего не видно? – спросил Сандокан.

Янес наклонился, пытаясь заглянуть под навес из ветвей, но толком ничего не увидел.

– Мне кажется, там вдалеке чуть светлее.

– Неужели лес редеет?

– Возможно, Сандокан.

– Пошли проверим.

С большим трудом удерживаясь на ногах и увязая в илистом дне, они двинулись вперед, цепляясь время от времени за свисавшие над водой ветви.

Тошнотворный запах исходил от этих черных вод, запах гниющих отбросов. Кучи листьев и всякого рода плодов, попадая в поток, создавали зловонное месиво. Местность была не самой здоровой – тут можно было заполучить и сильную лихорадку.

Они прошли уже четверть километра, когда Янес вдруг резко остановился, ухватившись за толстую ветку, протянувшуюся с одного берега ручья на другой.

– Что там? – спросил Сандокан, стягивая висевший на плече карабин.

– Слушай!

Пират наклонился вперед, прислушиваясь, и через несколько мгновений сказал:

– Кто-то приближается.

В тот же миг мощный рев, похожий на рев испуганного или разъяренного быка, раздался под зеленым пологом леса, разом заставив умолкнуть и щебет птиц и пронзительный смех маленьких обезьян.

– Берегись, Янес! – воскликнул Сандокан. – Перед нами орангутан.

– А кроме него, еще один враг, может быть, и похуже этого.

– О чем ты говоришь?

– Смотри туда, на ту толстую ветку, что протянулась над ручьем.

Сандокан поднялся на цыпочки и бросил быстрый взгляд вперед.

– А! – прошептал он, не выказав ни малейшей боязни. – Леопард… Леопард с одной стороны, Орангутан – с другой! Посмотрим, удастся ли им перекрыть нам путь. Готовь ружье и будь начеку.

Глава XXI
Нападение леопарда

Два неустрашимых врага перекрыли дорогу пиратам: один не менее опасный, чем другой. Но пока они не обращали внимания на людей, а двинулись навстречу друг другу, как бы намереваясь помериться силами.

Чем-то разъяренный и, видно, голодный леопард легко взлетел на толстую ветку, которая протянулась почти горизонтально над потоком, образуя что-то вроде моста; рыча и показывая зубы, он двинулась по ветви на другой берег.

Это был очень красивый леопард и к тому же очень опасный, размером и даже внешне весьма походивший небольшого тигра, правда, с более круглой головой и темно-желтой пятнистой шкурой. Метра полтора в длину, то есть один из самых крупных в этом семействе.

Его противником выступала безобразная обезьяна, ростом примерно со среднего человека, но с такими сильными и непомерно длинными руками, что казалась гораздо крупнее. Грудь ее была развита необычайно, а мускулы рук и ног образовывали настоящие узлы, указывая на необыкновенную силу.

Заслышав хриплое рычание леопарда, орангутан разом остановился. Он находился на противоположном берегу ручья, перед гигантской кокосовой пальмой, которая выбрасывала свой прекрасный лиственный зонтик метрах в тридцати от земли.

– Похоже, мы увидим схватку этих титанов, – сказал Янес, который остерегался двигаться дальше. – Может, изменим курс?

Сандокан окинул взглядом берега. Две сплошные стены из стволов, листьев, шипов, корней и лиан обрамляли русло реки. Чтобы прорубить в них проход, пришлось бы основательно потрудиться.

– Мы не сможем выбраться, – сказал он. – При первом же ударе ножа обезьяна и леопард могут согласиться потерпеть со своей схваткой и вдвоем кинуться на нас. Останемся здесь и постараемся не дать себя заметить. Схватка не затянется.

– Но потом нам придется иметь дело с победителем.

– Возможно, он окажется в таком жалком состоянии, что не сможет преградить нам путь.

– Тихо!.. Леопард разъярен.

– Орангутан тоже сгорает от желания пересчитать ей кости.

– Взведи курок, Сандокан. Кто знает, что может случиться.

– Я готов стрелять и в одного, и…

Страшный крик, похожий на рев разъяренного быка, прервал его слова. Орангутан разъярился.

Видя, что леопард не желает покинуть ветку и спуститься на берег, он двинулся вперед, издав еще один угрожающий рев и в ярости ударяя себя по груди, гудевшей, как барабан.

Это чудовище внушало страх. Его красноватая шерсть поднялась дыбом, на лице была страшная ярость, а длинные зубы, способные перегрызть ствол ружья, как простую палочку, скрежетали.

Увидев, что он приближается, леопард подобрался, как будто собираясь броситься в атаку, однако не торопился покинуть свою ветку.

Орангутан ногой уцепился за толстый корень, змеившийся по земле, затем схватился двумя руками за ветку, на которой сидел леопард, и тряхнул ее с такой силой, что он, несмотря на то что вцепился в дерево чудовищно острыми когтями, не удержался и свалился в реку.

Но это была молния. Едва коснувшись воды, он тут же взметнулся на берег и бросился на обезьяну, вонзив ей когти в плечо и в бока. Орангутан взвыл от боли. Из ран хлынула кровь и, стекая по шерсти, закапала в ручей.

Довольный удачной атакой, леопард отпрыгнул назад и попытался вернуться на ветку, пока ее противник не опомнился. Он подпрыгнул и уцепился за ветку передними лапами, но задние подвели, соскользнули.

Орангутан несмотря на свои страшные раны, быстро протянул руку и схватил врага за хвост. Его руки, наделенные ужасной силой, впились в этот пятнистый хвост мертвой хваткой. Они сжали его, как клещами, вызывая у пантеры рев боли.

– Бедный леопард, – сказал Янес, который с живым интересом следил за всеми фазами этой дикой схватки.

– Он обречен, – сказал Сандокан. – Это его последний миг.

Пират не ошибся. Почувствовав хвост в руках, орангутан выпрыгнул вперед и взобрался на ветку.

Собрав все свои силы, он поднял леопарда, раскрутил его в воздухе, как будто это была просто мышь, и ударил со всего размаху об огромный ствол дерева. Послышался сухой удар, точно разбилась костяная коробка, и бедное животное, брошенное своим врагом, упало бездыханным на берег и медленно сползло затем в черные воды ручья.

Пираты замерли за толстой веткой, которая протянулась над ручьем. Внезапно орангутан вскочил на ноги, яростно барабаня себя по груди и оскалив зубы.

– Что с ним? – спросил Янес. – Неужели он заметил нас?

– Нет, – сказал Сандокан. – Он собирается кинуться не на нас.

– Неужели какое-то другое животное пыталось напасть на него?

– Тсс!.. Молчи: я вижу, что ветки и листья двигаются.

– Черт побери!.. Неужели англичане?

– Тихо, Янес.

Сандокан осторожно приподнялся и, прячась за узловатым переплетением лианы, спускающейся с высоты, посмотрел на противоположный берег, где находился орангутан. Кто-то приближался из чащи, раздвигая перед собой ветки. Он, наверное, не знал, какая опасность его подстерегала, так как направлялся именно туда, где притаилась обезьяна.

Орангутан больше не стонал и не рычал, только сиплое дыхание выдавало его присутствие.

– Так что же происходит? – спросил Янес у Сандокана.

– Кто-то неосторожно приближается к обезьяне.

– Человек или животное?

– Мне не удалось разглядеть его.

– А если это бедный туземец?

– Мы здесь, и не дадим растерзать его. О!.. Я не ошибся. Я заметил руку.

– Белую или черную?

– Черную, Янес. Цельсь в орангутана.

В это мгновение гигантская обезьяна кинулась в заросли с жутким ревом. Послышался вопль ужаса и сразу за ним два ружейных выстрела. Это Янес и Сандокан открыли огонь.

Орангутан, которому пуля попала в грудь, повернулся с рычанием и, увидев пиратов, кинулся к ним через реку. Сандокан бросил ружье и выхватил крис, решив схватиться с ним один на один. Янес же, вспрыгнув на ветку, спешно пытался перезарядить карабин.

Тяжело раненный орангутан все же бросился на Сандокана. Он уже протянул к нему свои чудовищные лапы, когда с противоположного берега послышался крик:

– Капитан!

И тут же прогремел выстрел.

Орангутан остановился, схватившись руками за голову. Минуту он стоял прямо, сверля Сандокана последним взглядом своих сверкающих дикой яростью глаз, потом кинулся назад и свалился в воду, подняв тучу брызг.

В ту же минуту человек, едва не попавший в лапы обезьяны, бросился к ним через речку, крича:

– Капитан!.. Господин Янес!..

Пираты разом обернулись.

– Параноа!.. – вскричали они.

– Собственной персоной, мой капитан, – весело отвечал малаец, закидывая свой карабин за спину.

– Что ты делаешь в этом лесу? – спросил Сандокан.

– Ищу вас, капитан.

– А как ты узнал, что мы здесь?

– Я кружил по окраинам этой чащи, заметил англичан, которые рыскали здесь с собаками, и решил, что они ищут вас.

– И ты отважился забраться сюда один? – спросил Янес.

– Зверей я не боюсь.

– Однако только что орангутан чуть не разорвал тебя на куски.

– И все-таки кончилось тем, что я всадил ему пулю, – беспечно отвечал Параноа.

– А наши прао пришли все? – спросил Сандокан.

– Когда я уходил искать вас, никто еще не прибыл, кроме моего.

– Только один? – спросил Сандокан с тревогой.

– Да, мой капитан.

– Когда ты покинул устье речи?

– Вчера утром.

– Неужели наши прао постигла беда? – спросил Янес, с беспокойством глядя на Сандокана.

– Возможно, буря отнесла их слишком далеко на север, – отвечал Тигр.

– Наверное, так и случилось, капитан, – поддержал Параноа. – С юга дул такой страшный ветер, что противостоять ему было невозможно. Мне посчастливилось укрыться в маленькой бухте, милях в шестидесяти отсюда, поэтому я и смог раньше всех прийти в условленное место. Впрочем, я высадился вчера утром, а за это время другие тоже могли прийти.

– Тем не менее я очень беспокоюсь, Параноа, – сказал Сандокан. – Я бы хотел уже быть в устье реки, чтобы избавиться от этого беспокойства. Ты не потерял ни одного человека во время шторма?

– Ни одного, капитан.

– А судно не пострадало?

– Оно получило несколько мелких пробоин, которые уже заделаны.

– Ты его спрятал в бухте?

– Я оставил его в открытом море из боязни какой-нибудь неожиданности.

– Ты высадился один?

– Один, мой капитан.

– Ты не заметил англичан в окрестностях бухты?

– Нет, но видел, как они обшаривали этот лес.

– Когда?

– Сегодня утром.

– С какой стороны?

– С востока.

– Они пришли от виллы лорда Джеймса, – сказал Сандокан, глядя на Янеса.

Потом, повернувшись к Параноа, спросил его:

– Мы далеко от бухты?

– Нам не добраться туда раньше заката.

– А сейчас не больше двух часов пополудни! – воскликнул Янес. – Насколько же мы отдалились! Нам придется пройти немало, чтобы добраться до цели.

– Этот лес очень обширен, господин Янес, и к тому же труднопроходимый. Нам понадобится по крайней мере четыре часа, чтобы дойти до берега.

– Идем! – нетерпеливо сказал Сандокан.

– Ты торопишься добраться до бухты, верно, дружище?..

– Да, Янес. Я боюсь несчастья и, вероятно, не ошибаюсь.

– Ты опасаешься, что оба Прао погибли?

– К сожалению, Янес. Если сегодня мы их не найдем в бухте, то никогда больше не увидим.

– Черт побери!.. Это катастрофа для нас…

– Настоящая катастрофа, Янес, – сказал Сандокан со вздохом. – Какой-то рок преследует нас.

– А если случилось, что будем делать, Сандокан?

– Что делать?.. Для меня этого вопроса вовсе не существует, Янес.

– Мы продолжим борьбу. На их железо ответим нашим железом, на огонь – огнем.

– На борту нашего прао не больше сорока человек.

– Сорока тигров, Янес. С нами они совершат чудеса, и никто не остановит их.

– Ты хочешь бросить их на виллу?

– Это мы увидим. Я не вернусь на мой остров без Марианны, даже если мне придется сражаться со всем гарнизоном Виктории. От этой девушки зависит теперь спасение или гибель Момпрачема.

– И в твоих, – ответил португалец со вздохом. – Но пока что бесполезно говорить об этом. Поищем речку, чтобы убедиться, что все Прао на месте.

– Да, пошли, – сказал Сандокан. – С таким подкреплением я чувствую себя способным броситься на завоевание всего Лабуана.

Следуя за Параноа, они выбрались на берег и пошли по той самой тропинке, которую малаец обнаружил несколько часов назад.

Когда они добрались до берега маленькой бухты, уже несколько часов как спустилась темнота.

Параноа и Сандокан двинулись к последним скалам и начали внимательно осматривать темный горизонт.

– Смотрите, капитан, – сказал Параноа, показывая Тигру на светящуюся точку, едва различимую, которую можно было принять за звезду.

– Это фонарь нашего прао? – спросил Сандокан.

– Да, капитан. Видите, он движется к югу.

– Какой сигнал ты должен дать, чтобы судно приблизилось?

– Зажечь на берегу два костра, – отвечал Параноа.

– Пойдем на крайнюю оконечность этого маленького полуострова, – сказал Сандокан, – и дадим сигнал изменить курс.

Они углубились в настоящий хаос небольших скал, покрытых обломками раковин и кучами водорослей, и вскоре добрались до крайней точки уходящего в море мыска.

– Зажжем костры здесь, – предложил Янес. – Ориентируясь по ним, судно сможет войти в бухту без опасности сесть на мель.

– Мы велим ему подняться вверх ближе к речке, – сказал Сандокан. – Я хочу укрыть его от глаз англичан.

– Я тоже так подумал, – подхватил Янес. – Мы спрячем его в болоте среди тростника, прикрыв ветками и сняв предварительно мачты и снасти. Эй, Параноа, сигналь!

Малаец не терял времени. На окраине лесочка он набрал сушняка, сложил два костра, поместив их недалеко один от другого, и поджег.

Минуту спустя, пираты увидели, что белый фонарь на борту Прао исчез, и на его месте загорелся красный.

– Они нас увидели, – сказал Параноа. – Теперь можно потушить огонь.

– Нет, – возразил Сандокан. – Он поможет нашим людям держать правильный курс. Ведь никто из них эту бухту не знает?

– Нет, капитан.

– Значит, мы будем вести их.

Три пирата уселись на берегу, не сводя глаз с красного фонаря, который изменил направление и медленно двигался к ним.

Минут десять спустя корабль стал ясно заметен. Его огромные паруса были подняты, и слышалось, как вода журчит перед носом.

Проступая сквозь этот мрак, он казался гигантской птицей, скользящей по воде.

Он вошел в бухту и углубился в канал, ведущий к устью речки.

Янес, Сандокан и Параноа загасили костры и вернулись быстро назад, к берегам маленького болота.

Едва они увидели, что прао бросил якорь у густых тростников, как направились на борт.

При виде своих главарей экипаж готов уже был разразиться взрывом бурного восторга, но Сандокан жестом велел молчать.

– Враги, возможно, недалеко, – сказал он. – Хранить абсолютную тишину, чтобы нас не выследили здесь и не застали врасплох.

Потом, повернувшись к помощнику, спросил его с таким волнением, что его голос почти дрожал:

– Не пришли еще два другие прао?

– Нет, Тигр Малайзии, – отвечал пират. – За время отсутствия Параноа я обошел все ближайшие острова чуть ли не до Борнео, но не видел ни одного из наших судов.

– И ты думаешь?..

Пират не отвечал, он колебался.

– Говори, – приказал Сандокан.

– Я думаю, Тигр Малайзии, что наши суда разбились о северные берега Борнео.

Сандокан сжал кулаки так, что ногти почти вонзились в ладонь, свистящий вздох сорвался с его губ.

– Это рок!.. – прошептал он глухим голосом. – Ее золотые волосы приносят несчастье тиграм Момпрачема.

– Взбодрись, дружище, – сказал Янес, положив ему руку на плечо. – Не будем отчаиваться. Может, наши Прао отнесло очень далеко, и они получили такие повреждения, что не смогла сразу выйти в море. Пока мы не найдем их обломки, нельзя быть уверенным, что они утонули.

– Но мы не можем и ждать, Янес. Долго ли еще лорд Джеймс будет оставаться на вилле?.. В любой момент он может покинуть ее.

– Я бы этого и хотел, дружище.

– Что ты хочешь сказать, Янес?

– Что у нас достаточно людей, чтобы напасть на него по дороге,

– Ты хочешь сделать это?

– А почему бы и нет?.. Наши пираты все отчаянные храбрецы, даже если лорд возьмет с собой в два раза больше солдат, они не уступят им в схватке. У меня зреет прекрасный план, и, надеюсь, он полностью удастся. Дай мне отдохнуть сегодня ночью, а завтра начнем действовать.

– Хорошо, я тебе доверяю, Янес.

– Не сомневайся, Сандокан.

– Однако Прао мы не можем оставить здесь. Его может заметить какое-нибудь судно, которое войдет в бухту, или охотник, забредший случайно.

– Я подумал обо всем, Сандокан, и Параноа уже получил инструкции. Пойдем перекусим и сразу спать. Я, признаюсь тебе, уже на ногах не держусь.

Пока пираты под руководством Параноа разбирали снасти судна, Янес и Сандокан спустились в маленькую каюту на корме. Португалец, отличавшийся завидным хладнокровием, сразу же крепко уснул; Сандокан же, как ни старался, долго не мог сомкнуть глаз.

Мрачные мысли и смутное беспокойство не давали ему уснуть. И только перед самым рассветом он слегка задремал да и то ненадолго.

Когда утром он поднялся на палубу, пираты уже закончили работу по маскировке судна, чтобы сделать его невидимым ни со стороны бухты, ни охотнику, который мог спуститься к реке. Судно оказалось спрятанным на краю болота, посреди густого тростника. Мачты вместе со снастями были сняты, а палуба завалена грудами тростника ветками и листьями, положенными так густо, что они покрыли ее целиком.

– Что ты об этом скажешь, Сандокан? – спросил Янес, который уже стоял на палубе под маленьким бамбуковым навесом, поднятым на корме.

– Отличная работа, – ответил Сандокан.

– Теперь пойдем со мной.

– Куда?

– На берег. Там уже двадцать человек, которые нас ждут.

– Что ты собираешься делать, Янес?

– Скоро увидишь. Эй!.. Шлюпку на воду и смотрите в оба.

Глава XXII
Пленник

Переплыв речку, Янес привел Сандокана в густую чащу, где притаились двадцать человек, полностью вооруженных; у каждого, кроме того, был с собой запас провизии и шерстяное одеяло.

Параноа и его помощник Икаут тоже были там.

– Все здесь? – спросил Янес.

– Все, – ответили они.

– Тогда слушай меня внимательно, Икаут, – снова начал португалец. – Ты вернешься на борт и, если что-то случится, пришлешь сюда гонца, который встретит здесь нашего человека и через него передаст нам известие. Таким же путем и ты будешь получать наши приказания, которым ты должен неукоснительно следовать. Будь осторожен, не дай захватить себя врасплох красным мундирам. И не забывай нас обо всем извещать, что бы здесь у вас ни произошло.

– Рассчитывайте на меня, господин Янес.

– Возвращайся на борт и жди.

В то время как помощник прыгнул в шлюпку, Янес во главе отряда двинулся вверх по течению речки.

– Куда ты меня ведешь? – спросил Сандокан, который ничего не понимал.

– Подожди немного, дружище… Скажи мне, прежде всего, на каком расстоянии от моря находится вилла лорда Гвиллока?

– Около двух миль по прямой.

– Тогда у нас людей больше чем достаточно.

– Для чего?

– Потерпи немного, Сандокан.

Он сориентировался по компасу и быстрыми шагами двинулся в лес.

Пройдя четыреста метров, он остановился возле огромного камфарного дерева, окруженного густыми кустами, и, повернувшись к одному из матросов, сказал:

– Ты устроишь здесь наблюдательный пункт, и не покидай его ни в коем случае, кроме как по нашему приказу. Река отсюда недалеко, поэтому ты сможешь легко сообщаться с прао. На таком же расстоянии к востоку будет находиться один из твоих товарищей. Любой приказ, полученный с прао, ты тут же передашь своему ближайшему соседу. Ты меня понял?

– Да, господин Янес.

Пока малаец устраивался у подножия дерева, отряд пустился дальше, оставив и второго человека на указанном расстоянии.

– Теперь понятно? – спросил Янес у Сандокана.

– Да, – ответил тот. – Восхищаюсь твоей хитростью. С этими часовыми, расставленными по лесу, мы можем в считанные минуты снестись с нашим судном, даже находясь возле виллы лорда Джеймса.

– Да, Сандокан, и приказать Икауту быстро оснастить наш прао, чтобы сразу же выйти в море или же послать нам помощь, если понадобится.

– А где мы сами устроимся?

– На дороге, которая ведет в Викторию. Оттуда мы увидим, кто направляется на виллу или кто выходит из нее, и тут же примем свои меры. Если лорд Джеймс надумает бежать, мы встретим его, как надо.

– А если он на это не решится?

– Черт побери!.. Нападем на виллу или найдем другой способ, чтобы похитить девушку.

– На крайности мы не пойдем, Янес. Этот человек способен убить Марианну, лишь бы она не попала в наши руки.

– Тысяча чертей!.. Тогда применим хитрость.

– У тебя есть план?

– Мы найдем его, Сандокан.

Тем временем они добрались до окраины леса. Перед ними расстилалась небольшая равнина, покрытая кустами и тростником, перерезанная посередине грунтовой дорогой, по которой, по-видимому, мало ездили, потому что она заросла травой.

– Это та дорога, что ведет в Викторию? – спросил Янес у Сандокана.

– Да, – ответил тот.

– Вилла лорда Джеймса, должно быть, недалеко.

– Вон там, за теми деревьями видна изгородь парка.

– Прекрасно, – сказал Янес.

Он повернулся к Параноа, который следовал за ними с шестью людьми, и приказал:

– Поставьте палатки на окраине леса, в укромном месте.

Пирату не нужно было повторять дважды. Он тут же нашел подходящее место, велел натянуть палатку и замаскировал ее ветками и листьями банана.

Там он выложил провизию, состоящую из консервов, копченого мяса, сухарей и нескольких бутылок испанского вина, и сразу отправил своих людей прочесать окрестности, чтобы убедиться, что поблизости не притаился какой-нибудь шпион.

Сандокан и Янес, не дойдя метров двести до ограды парка, вернулись в лес и растянулись в палатке.

– Ты доволен моим планом? – спросил португалец.

– Да, брат, – отвечал Тигр Малайзии.

– Мы всего в нескольких шагах от парка, на дороге, которая ведет в Викторию. Если лорд Джеймс покинет виллу, ему придется проехать здесь на расстоянии ружейного выстрела. Меньше чем за полчаса мы сможем собрать двадцать человек, решительных, готовых на все, и за час иметь при себе и весь экипаж прао. Если только лорд двинется, мы нападем на него.

– Да, – сказал Сандокан. – Я брошу всех до единого даже против целого полка.

– Тогда позавтракаем, дружище, – сказал Янес, потирая руки. – Эта утренняя прогулка разбудила у меня зверский аппетит.

Они уже позавтракали и курили сигареты, сидя за бутылкой виски, когда увидели поспешно входящего Параноа.

Лицо храброго малайца отражало волнение, он был возбужден.

– Что с тобой? – спросил Сандокан, быстро поднимаясь и протягивая руку к ружью.

– Кто-то приближается, капитан, – сказал тот. – Я слышал лошадиный галоп.

– Неужели кто-то едет в Викторию?

– Нет, Тигр Малайзии, он, должно быть, едет из Виктории.

– Он еще далеко? – спросил Янес.

– Наверное.

– Пошли, Сандокан.

Они взяли карабины и выбрались из палатки, в то время как их люди притаились за кустами, вооружившись ружьями.

Сандокан вышел на дорогу и, опустившись на колено, приложил ухо к земле. Он отчетливо различил торопливый галоп лошади.

– Да, приближается всадник, – сказал он, проворно вставая.

– Советую тебе пропустить его без помехи, – сказал Янес.

– Ты так думаешь? Мы возьмем его в плен, мой дорогой.

– А с какой целью?

– Возможно, он везет на виллу какое-нибудь важное донесение.

– Если мы нападем, он будет защищаться, начнет стрелять, поднимется шум.

– Он попадет в наши руки, не успев дотянуться до оружия.

– Это непросто, Сандокан.

– Проще, чем ты думаешь.

– Объясни.

– Лошадь несется галопом, поэтому не заметит препятствия. Всадник мигом слетит и будет в наших руках.

– А что за препятствие ты хочешь устроить?

– Иди, Параноа, возьми веревку и сразу назад.

– Ага… – сказал Янес. – Блестящая идея!.. Да, мы захватим его, Сандокан!.. Он и в самом деле нам пригодится! Я включу это в свой план.

– О каком плане ты все время говоришь, Янес?

– Ты узнаешь это позднее. Увидишь, ловкая штука!..

– Ты смеешься?..

– Я дам и тебе повод посмеяться. Увидишь, Сандокан, как разыграем лорда. Параноа, поторопись!..

Малаец с помощью двух человек натянул прочную веревку поперек дороги, довольно низко от земли. Заметить ее было трудно – ее скрывала трава.

Сделав это, он спрятался за кустом, держа в руке крис, в то время как его товарищи рассеялись впереди, чтобы напасть на всадника в случае, если тому удастся избежать западни.

Топот копыт приближался. Еще несколько секунд, и всадник должен был появиться на повороте дороги.

– Вот он!.. – прошептал Сандокан, который спрятался вместе с Янесом.

Через несколько мгновений лошадь, которая пересекла уже заросли, выскочила на дорогу. На ней сидел юноша лет двадцати двух – двадцати четырех, в форме индийских сипаев. Он явно беспокоился, яростно пришпоривал лошадь и бросал вокруг подозрительные взгляды.

– Внимание, Янес, – шепнул Сандокан.

Пришпоренная лошадь бросилась вперед и задела веревку. Передние ноги у нее подогнулись, она захрапела и тяжело рухнула на землю.

Пираты были тут как тут. Прежде чем сипай опомнился и сделал попытку вылезти из-под коня, Сандокан вырвал у него саблю, а Параноа прижал его к земле, приставив к груди крис.

– Не дергайся, если хочешь жить, – приказал ему Сандокан.

– Негодяи! – воскликнул солдат, пытаясь вырваться.

Параноа с помощью других пиратов хорошенько связал его и поволок в густые заросли, в то время как Янес осматривал лошадь, чтобы убедиться, что она не сломала ноги.

– Прекрасно! – воскликнул португалец, очень довольный. – Я не ударю в грязь лицом на вилле. Сержант сипаев! Вот чин, которого у меня еще не было.

Он привязал лошадь к дереву и подошел к Сандокану, который тщательно обыскивал пленника.

– Ничего? – спросил он.

– Никакой записки, – отвечал Сандокан.

– Тогда ты скажешь нам на словах, – проговорил Янес, впиваясь глазами в сержанта.

– Нет, – мотнул головой тот.

– Берегись! – сказал ему Сандокан угрожающим тоном. – Ну же, куда ты направлялся?

– На прогулку.

– Говори правду!

– Я и сказал правду, – ответил сержант с напускным спокойствием.

– Ну, погоди!

Быстрым движением Сандокан выхватил из-за пояса крис и приставил его к горлу солдата.

– Говори, или я убью тебя!

– Нет, – упрямился сержант.

– Говори, – повторил Сандокан, слегка нажав острием на его горло.

Сержант вскрикнул – острие кинжала окрасилось кровью.

– Я скажу, – прохрипел испуганный пленник, побледнев, как мертвец.

– Куда ты ехал? – спросил Сандокан.

– К лорду Джеймсу Гвиллоку.

– Зачем?

Сержант заколебался было, но, вновь ощутив на своей шее стальное острие криса, быстро сказал:

– Передать письмо баронета Розенталя.

Искра бешенства сверкнула в глазах Сандокана при этом имени.

– Дай письмо! – тотчас потребовал он.

– Оно в моей фуражке, спрятано под подкладкой.

Янес поднял его фуражку и, разорвав подкладку, достал письмо.

– Ну, это старые сведения, – сказал он, прочтя его.

– Что там пишет этот мерзавец? – спросил Сандокан.

– Предупреждает лорда о нашей предстоящей высадке на Лабуан. Пишет, что крейсер видел наши суда у побережья, и советует лорду быть бдительным.

– Больше ничего?

– Так, пустяки. Передает тысячу нижайших поклонов твоей дорогой Марианне с клятвой в вечной любви.

– Черт бы побрал этого негодяя! Пусть только попадется мне на пути!

– Джуйоко, – сказал португалец одному из пиратов, внимательно разглядывая почерк, – отправляйся на прао и принеси нам бумагу, перо и чернила.

– Что ты собираешься делать? – спросил Сандокан с удивлением.

– Выполнить мой план.

– Но о каком плане ты говоришь?

– О том, над которым я размышляю уже полчаса.

– Объясни по-хорошему.

– Я только этого и хочу! Я собираюсь отправиться на виллу лорда Джеймса.

– Ты?!..

– Да, именно я, – отвечал Янес с совершенным спокойствием.

– Но каким образом?

– В мундире этого парня. Черт возьми! Увидишь, какой из меня выйдет бравый сержант!

– Понимаю. Ты наденешь форму сипая, скажешь, что приехал из Виктории, и…

– И посоветую лорду побыстрее уезжать отсюда. Так что готовь ему хорошенькую встречу.

– Ах! Янес! – воскликнул Сандокан, прижимая его к груди. – Если получится, я твой вечный должник.

– Надеюсь, получится.

– Но ты подвергаешься страшной опасности.

– Бывал и не в таких переделках – мне не впервой.

– Но зачем чернильница?

– Чтобы написать письмо лорду.

– Не советую, Янес. Он человек подозрительный, может заметить, что почерк подделан.

– Ты прав, Сандокан. Лучше я все скажу ему на словах. Эй ребята, раздевайте сипая.

По знаку Сандокана два пирата развязали сержанта и сняли с него форму. Бедняга решил, что его хотят расстрелять.

– Вы меня убьете? – дрожащим голосом спросил он.

– Нет, – ответил Сандокан. – Я дарю тебе жизнь. Но ты погостишь на моем судне, пока мы будем здесь.

– Спасибо, сударь, – прошептал юнец, и краска понемногу вернулась на его щеки.

Тем временем Янес одевался. Форма была ему узковата, но кое-как он все же ее натянул.

– Смотри-ка, я настоящий сипай, – сказал он, засовывая саблю в ножны. – Может, и вправду пойти послужить?

– Ни дать ни взять! – смеясь, подтвердил Сандокан. – А теперь дай мне последние инструкции.

– Вот они, – сказал португалец. – Ты останешься в засаде на этой дороге со всеми людьми и не двинешься с места. Я поеду к лорду, скажу ему, что на вас напали и рассеяли, но что видели ваши прао, и посоветую ему, воспользовавшись удобным моментом, укрыться в Виктории.

– Прекрасно!

– Когда мы поедем мимо, вы нападете на сопровождающих, я схвачу Марианну и отведу ее на прао. Договорились?

– Да, мой отважный друг; и передай Марианне, что я люблю ее. Пусть она верит мне. Иди, и сохранит тебя Бог!

– Прощай, брат, – ответил Янес, обнимая его.

Он вспрыгнул на коня, подобрал поводья и легким галопом пустил скакуна вперед.

Глава XXIII
Янес на вилле

Хоть Янес бывал во всяких переделках, эта была из самых рискованных. Достаточно было одного неосторожного слова, чтобы возбудить подозрения, и тогда шутка могла плохо кончиться для него.

Тем не менее пират приготовился разыграть эту опаснейшую карту с большой смелостью и обычным своим хладнокровием, веря в счастливую свою звезду, которая не раз уже его выручала.

Он гордо выпрямился в седле, подкрутил молодцевато усы, как лихой кавалерист, сдвинул фуражку на ухо и пустил лошадь карьером, не жалея для нее шпор и хлыста.

Вскоре он был у ограды, за которой возвышалась уже знакомая ему вилла лорда Джеймса.

– Стой! Кто идет? – окликнул его солдат, который прятался у ворот за стволом дерева.

– Эй приятель, опусти ружье, – сказал португалец, сдерживая лошадь. – Черт побери! Не видишь, что ли? Я сержант сипаев.

– Извините, но у меня приказ не пропускать никого, не узнав, кто он и что ему надо.

– Животное! Я приехал сюда по приказу баронета Вильяма Розенталя, и у меня поручение к лорду.

– Проходите!

Солдат открыл ворота и позвал товарищей, которые патрулировали в парке, чтобы предупредить их.

– Ух! – сказал португалец, пожимая плечами. – Сколько предосторожностей, какой страх царит здесь.

Он остановился перед домом и спрыгнул на землю среди шестерых солдат, которые глазели на него настороженно.

– Где лорд Джеймс? – спросил он.

– В своем кабинете, – ответил сержант, командовавший ими.

– Проведите меня. Мне нужно немедленно переговорить с ним.

– Вы из Виктории?

– Прямиком.

– Что там слышно о пиратах?

– Ничего. Наверное, у этих мошенников нашлись дела поважнее, чем рыскать здесь. Ну, ведите меня к лорду.

– Пойдемте.

Приняв спокойный и суровый вид, свойственный англосаксам, Янес последовал за командиром. Он был собран и внимателен, готовясь к встрече с человеком, чью проницательность он не собирался недооценивать.

– Подождите здесь, – сказал ему сержант, введя в гостиную.

Португалец остался один и принялся внимательно рассматривать все вокруг, прикидывая, каким образом в случае надобности можно захватить этот дом. Но быстро понял, что это почти безнадежное дело по причине очень толстых стен, крепких дверей и решеток на окнах. Даже с небольшими силами здесь можно было бы обороняться долго.

– Ничего, – пробормотал он. – Мы нанесем свой удар в лесу.

В этот момент вернулся сержант.

– Лорд ждет вас, – сказал он, указывая на дверь, оставшуюся открытой.

Португалец почувствовал, как легкая дрожь пробежала по его спине, но тут же взял себя в руки.

«Янес, друг мой, – сказал он себе, – все не так сложно».

Он вошел, приложив ладонь к козырьку и щелкнув каблуками.

Лорд Джеймс в домашней куртке и легких парусиновых туфлях, сидевший за своим рабочим столом, встретил его взглядом мрачным и неприязненным. Он молча посмотрел на Янеса, точно хотел прочесть мысли новоприбывшего, потом сухо спросил:

– Вы прибыли из Виктории?

– Да, милорд, – ответил Янес спокойным голосом.

– От баронета?

– Да.

– Он дал вам письмо ко мне?

– Никакого.

– Вы хотите мне что-то сообщить?

– Да, милорд.

– Говорите.

– Он послал меня сказать вам, что Тигр Малайзии окружен нашим войском в южной бухте.

Лорд Джеймс стремительно поднялся. Лицо его оживилось, глаза радостно заблестели.

– Он окружен нашими солдатами?

– Да, ему не уйти.

– Вы вполне уверены в том, что говорите?

– Вполне, милорд.

– Кто вы?

– Родственник баронета Вильяма, – не моргнув глазом, заявил Янес.

– Но давно ли вы на Лабуане?

– Пятнадцать дней.

– Значит, вы знаете, что моя племянница…

– Невеста моего кузена Вильяма, – сказал Янес, улыбаясь.

– Очень раз познакомиться с вами, сударь, – сказал лорд, протягивая руку. – Но когда окружили Сандокана?

– На рассвете, когда он вошел в лес во главе своего отряда.

– Этот человек просто дьявол! Вчера вечером он был еще здесь! Возможно ли, чтобы за семь-восемь часов он проделал такой путь?

– Говорят, у него есть лошади.

– Тогда я понимаю. А где мой добрый друг Вильям?

– Во главе войск.

– Вы были вместе с ним?

– Да, милорд.

– А пираты очень далеко?

– В десяти милях.

– Он не дал вам больше никакого поручения?

– Он просил передать, чтобы вы немедленно оставили виллу и без промедления перебрались в Викторию.

– Зачем?

– Вы знаете, милорд, что за человек Тигр Малайзии. Если он сумеет вырваться из окружения, он со своим отрядом сразу же бросится сюда, на виллу. У него под началом больше ста человек. Пока что путь безопасен, но, кто знает, что будет потом.

Лорд молча взглянул на него, как бы оценивая его доводы.

– Действительно, – сказал он задумчиво. – Под защитой фортов и кораблей Виктории я буду чувствовать себя безопаснее, чем здесь. Мой дорогой Вильям совершенно прав,

нужно воспользоваться благоприятным моментом. Нам с Марианной надо как можно быстрее покинуть этот дом.

– Милорд, – учтиво обратился к нему Янес, – нельзя ли мне увидеть мою будущую родственницу?

– Вы хотите что-то передать ей от Вильяма?

– Да.

– В таком случае, она примет вас плохо.

– Неважно, милорд, – улыбаясь, ответил Янес. – Я ей просто передам то, что велел сказать Вильям, и сразу вернусь сюда.

Старый капитан нажал на кнопку. Тут же явился слуга.

– Проводите этого господина к миледи, – сказал лорд.

– Благодарю, – поклонился Янес.

– Постарайтесь убедить ее, а потом приходите сюда и вместе поужинаем.

Янес поклонился и последовал за слугой, который ввел его в гостиную, устланную мягким голубым ковром и украшенную цветами, распространявшими нежные ароматы.

Португалец подождал, пока слуга выйдет, потом медленно двинулся вперед и сквозь растения, которые превращали гостиную в подобие оранжереи, заметил женскую фигуру в белом, лежавшую на диване у окна.

Он знал, что встретит красавицу, и все-таки не мог сдержать удивления, увидев Марианну перед собой.

Облокотясь на подушку, она полулежала в грациозной позе, но с печальным лицом и глазами, полными грусти.

Одной рукой она поддерживала голову, с которой золотым дождем падали ее прекрасные волосы, а другой нервно обрывала цветы, стоявшие рядом.

Видя приближающегося к ней сержанта, она провела рукой по лбу, точно пробудилась от сна, и устремила на его вопрошающий взгляд.

– Кто вы? – спросила она холодным тоном. – Кто вам дал позволение войти сюда?

– Лорд Джеймс, миледи, – ответил Янес, почтительно приближаясь к ней.

– И что вы хотите от меня?

– Прежде всего, один вопрос, – сказал Янес, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что они одни.

– Говорите.

– Нас никто не может услышать?

Она нахмурилась и посмотрела на него пристально, явно недоумевая, в чем причина такого вопроса.

– Мы одни, – сказала она.

– Так вот, миледи, я приехал издалека…

– Откуда?..

– Из Момпрачема!

Марианна вскочила на ноги, как на пружине; ее бледность исчезла как по волшебству.

– Из Момпрачема! – воскликнула она, покраснев. – Вы… белый… Вы – англичанин!..

– Вы ошибаетесь, леди Марианна, я не англичанин. Меня зовут Янес.

– Друг Сандокана! Вы?.. Ах! Сударь, как вы сумели проникнуть сюда? И как вы решились?.. Скажите, где Сандокан? Что он делает? Он спасся? Он не ранен? Рассказывайте быстрее, я умираю от нетерпения.

– Не так громко, миледи, у стен тоже могут быть уши.

– Ах расскажите мне о нем, храбрый друг! Расскажите о моем Сандокане!

– Он жив, он живее, чем прежде, миледи. Мы скрылись без особого труда и без ран. Сандокан близко, он сейчас на дороге в Викторию, чтобы похитить вас.

– Ах Боже! Неужели наша встреча так близко? – воскликнула девушка со слезами на глазах.

– Да, но послушайте меня, миледи.

– Говорите, мой храбрый друг.

– Я пришел сюда, чтобы убедить лорда покинуть виллу и перебраться в Викторию.

– В Викторию! Вы явитесь туда, чтобы меня похитить?

– Сандокан не будет ждать так долго, миледи, – сказал Янес, улыбаясь. – Он устроил засаду со своими людьми. Он нападет на эскорт и похитит вас, как только вы выйдете из виллы.

– А мой дядя?

– Мы пощадим его, обещаю вам.

– А меня похитите?

– Да, миледи.

– А куда Сандокан отвезет меня?

– На свой остров.

Марианна склонила голову на грудь и замолчала.

– Миледи, – сказал Янес нежным голосом. – Не бойтесь, Сандокан один из тех, кто сумеет сделать счастливой женщину, которую любит. Прежде это был страшный, даже жестокий человек, но любовь преобразила его. Клянусь вам, сударыня, вы никогда не пожалеете о том, что стали женой Тигра Малайзии.

– Я верю вам, – ответила Марианна. – Я знаю, его прошлое было ужасным. Но я сделаю его другим человеком. Я покину свой остров, он покинет Момпрачем. Мы оставим далеко эти гибельные моря, так далеко, чтобы никогда больше не слышать о них. На краю света, забытые всеми, но счастливые, мы забудем о прошлом. Да, я стану его женой и всегда буду любить его!

– Ах! – воскликнул Янес взволнованно, когда она произнесла эти слова. – Клянусь вам, что я жизни своей не пожалею, чтобы помочь в этом вам и ему. Что я могу сделать для вас?..

– Вы сделали уже очень много, придя сюда.

– Нет, этого еще недостаточно. Нужно убедить лорда перебраться в Викторию. Только в этом случае Сандокан сможет действовать.

– Но если об этом скажу ему я, мой дядя заподозрит неладное. Тогда он ни за что не покинет виллу.

– Вы правы, миледи. Но мне кажется, что он и сам уже решил оставить виллу и перебраться в крепость. Если у него и есть еще сомнения на этот счет, я постараюсь развеять их.

– Будьте осторожны, господин Янес. Он очень хитер и недоверчив, он может поймать вас на чем-нибудь.

– Я буду осторожен.

– Вы отправляетесь к лорду?

– Да, миледи, он пригласил меня на ужин.

– Идите, чтобы не вызвать подозрений.

– А вы придете?

– Да, попозже мы увидимся.

– Прощайте, миледи, – сказал Янес, галантно целуя ей руку.

– Идите друг, я никогда не забуду вас.

Португалец вышел, как пьяный, очарованный этой встречей, покоренный Марианной, ее обаянием и красотой.

– Черт побери! – воскликнул он, направляясь в кабинет лорда. – Никогда не видел женщины более прекрасной! В самом деле я начинаю завидовать этому пройдохе Сандокану. Везет же ему!

Лорд ждал его, с нахмуренным лбом и руками, крепко прижатыми к груди, прохаживаясь по своему кабинету взад и вперед.

– Ну как приняла вас моя племянница? – спросил он ироническим тоном.

– Что-то не очень хорошо она настроена сегодня к моему кузену Вильяму, – ответил Янес. – Едва не выгнала меня.

Лорд опустил голову, и морщины его углубились.

– Вот так всегда! Всегда так! – прошептал он, стиснув зубы.

Он снова принялся ходить, замкнувшись в мрачном молчании. Потом остановился против Янеса и спросил:

– Что бы вы посоветовали мне сделать?

– Самое лучшее, что можно сделать, милорд, – это отправиться в Викторию.

– Это правда. Вы думаете, моя племянница сможет когда-нибудь полюбить Вильяма? – спросил он.

– Надеюсь, милорд, но прежде нужно, чтобы Тигр Малайзии исчез.

– Удастся ли сейчас покончить с ним?

– Его банда окружена большим отрядом, которым командует Вильям. Если она будет разгромлена, Вильям его не пощадит.

– Да, я знаю этого молодого человека. Он решителен и храбр.

Лорд Джеймс помолчал еще, подошел к окну и посмотрел на заходящее солнце.

– Так, значит, вы мне советуете ехать?

– Да, милорд, – ответил Янес. – Воспользуйтесь удобным случаем, чтобы оставить виллу и перебраться в Викторию.

– А если Сандокан оставил своих людей в засаде в окрестностях парка?

– У вас достаточно людей, чтобы отразить нападение.

– Раньше было много, а теперь нет – мне пришлось отправить коменданту Виктории много людей: они ему срочно понадобились. Вы знаете, что гарнизон Виктории немногочислен.

– Это верно, милорд.

Старый капитан снова принялся ходить в возбуждении. Казалось, его мучают тяжелые мысли или глубокая нерешительность.

Внезапно он резко подошел к Янесу и спросил:

– Вы никого не встретили, когда ехали сюда?

– Никого, милорд.

– Не заметили ничего подозрительного?

– Нет.

– Значит, можно попытаться выбраться отсюда?

– Я думаю, да.

– Однако я сомневаюсь.

– В чем, милорд?

– Что все пираты ушли отсюда.

– Милорд, я не боюсь этих негодяев. Хотите, я сам объеду окрестности?

– Я был бы вам благодарен. Хотите, возьмите с собой солдат.

– Нет, я предпочитаю один. Один человек может пробраться в самую чащу леса, не вызвав подозрений врага, а несколько человек обязательно будут замечены каким-нибудь часовым.

– Вы правы, молодой человек. Когда вы поедете?

– Прямо сейчас. За пару часов можно осмотреть все вокруг.

– Солнце заходит.

– Так даже лучше.

– Вы не боитесь?

– Нет. Я неплохо вооружен.

– Храбрая кровь у этих Розенталей, – пробормотал лорд. – Идите, молодой человек, а я жду вас к ужину.

– Ах милорд! Простого солдата!..

– Разве вы не джентльмен? И потом, скоро мы станем родственниками.

– Благодарю вас, – сказал Янес. – Через пару часов я вернусь.

Он по-военному отдал честь, взял саблю под мышку и спокойно спустился с лестницы, направляясь в парк.

– Ну что же, поищем Сандокана, – пробормотал он, отдалившись от дома. – Черт возьми! Нужно успокоить старика. Можете быть уверены, милорд, что я не встречу даже следов пиратов. Черт побери! Какая чудесная выдумка! Не думал, что она так удастся… А Марианна!.. С ума сойти, как прелестна!.. У Тигра Малайзии недурной вкус. Никогда не видел девушки красивей и грациозней. Но, бедный Момпрачем, что с тобой будет? Но не надо об этом. Пусть судьба решает сама…

Рассуждая таким образом, он пересек часть обширного парка и остановился перед одной из калиток.

Солдат стоял на часах.

– Открой мне, друг, – сказал Янес.

– Вы уходите, сержант?

– Нет, я иду обследовать окрестности.

– А пираты?

– Их здесь нет с этой стороны.

– Хотите, чтобы вас сопровождали, сержант?

– Не нужно. Я вернусь через пару часов.

Он вышел из калитки и направился по дороге, которая вела в Викторию. Пока солдат провожал его взглядом, он шел подчеркнуто медленно, но едва тот скрылся из виду, как сразу ускорил шаг.

Пройдя с километр, он увидел, как кто-то выставил карабин из куста и щелкнул курком.

– Стой, или ты мертв! – раздалось оттуда.

– Ты меня больше не узнаешь? – засмеялся Янес, поднимая свою кавалерийскую фуражку. – У тебя плохое зрение, Параноа.

– Господин Янес! – вскричал малаец.

– Собственной персоной, мой дорогой. Что ты делаешь здесь так близко от виллы лорда Гвиллока?

– Слежу за оградой.

– Где Сандокан?

– В миле отсюда. Хорошие новости, господин Янес?

– Лучше и быть не может.

– Что мне делать сейчас?

– Бежать к Сандокану и сказать, что я жду его здесь. Одновременно прикажи Джуйоко подготовить прао.

– Мы отплываем?

– Вероятно, сегодня ночью.

– Бегу.

– Одну минуту: прибыли остальные суда?

– Нет, господин Янес, и я боюсь, что они погибли.

– Гром и молния! Не очень удачно для нашей экспедиции. Впрочем, у нас хватит людей, чтобы разогнать эскорт лорда. Беги, Параноа, и быстрее.

– Бегу, как ветер.

И пират помчался, как стрела. А Янес закурил сигарету и растянулся под деревом, спокойно потягивая ее.

Не прошло и двадцати минут, как он увидел приближающегося быстрым шагом Сандокана. Его сопровождали Параноа и еще четыре пирата, вооруженные до зубов.

– Янес, друг мой! – воскликнул Сандокан, бросаясь навстречу. – Как я боялся за тебя!.. Ты видел ее?.. Расскажи мне о ней, дружище!.. Рассказывай!.. Я сгораю от нетерпения!

– Ты прилетел, окрыленный любовью, – сказал, смеясь, португалец. – Как видишь, я выполнил свою миссию, как настоящий англичанин, даже как родственник баронета. Какой прием я встретил там! Никто ни на миг не усомнился во мне.

– Даже лорд?

– О!.. Он-то как раз меньше всех! Достаточно сказать, что он ждет меня к ужину.

– А Марианна?..

– Я виделся с ней и нашел ее такой красивой, что она едва не вскружила мне голову. Когда я увидел, что она плачет…

– Она плачет!.. – вскричал Сандокан с мукой. – Скажи мне, кто заставил ее проливать слезы?.. Скажи мне, и я пойду и вырву сердце у того негодяя, который заставил плакать эти прекрасные глаза!..

– Ты становишься неистовым, Сандокан. Она плакала из-за тебя!

– Ах! Нежная душа! – воскликнул пират. – Расскажи мне все, Янес, умоляю тебя.

Португалец не заставил повторять это дважды и рассказал все, что произошло между ним и лордом, а потом и девушкой.

– Старик, кажется, и в самом деле решил перебраться в Викторию, – заключил он. – Ты можешь быть уверен, что не вернешься один на Момпрачем. Однако будь осторожен, старина, потому что в парке я видел немало солдат, и нам придется постараться, чтобы рассеять эскорт. И потом, я не очень доверяю этому старику. Он действительно способен убить свою племянницу, лишь бы она не досталась тебе.

– Ты увидишь ее сегодня вечером?

– Конечно.

– Ах!.. Если бы я тоже мог войти на виллу!..

– Какое безумство!..

– Когда лорд отправится?

– Еще не знаю, но думаю, что сегодня вечером он это решит.

– Неужели он поедет сегодня ночью?..

– Думаю, да.

– Как я могу узнать это точно?..

– Есть только один способ.

– Какой?..

– Послать одного из наших людей в китайскую беседку или в оранжерею, и пусть там ждет моих приказаний.

– Есть в парке часовые?

– Нет, я их видел только у ворот, – отвечал Янес.

– А если я сам отправлюсь в оранжерею?..

– Нет, Сандокан. Ты не должен покидать наших людей.

– Я пошлю Параноа. Он храбр, осторожен и проберется в оранжерею, никем не замеченный. Как только зайдет солнце, он перелезет через ограду и спрячется в парке.

Он вдруг задумался и сказал:

– А если лорд передумает и останется на вилле?..

– Дьявол!.. Тогда дело плохо!..

– А ты не мог бы открыть ворота ночью и впустить нас на виллу? А почему нет?.. Мне кажется, это реально.

– Нет, Сандокан. Охрана там многочисленна, она забаррикадируется в комнатах и будет долго сопротивляться. А тем временем лорд, в безвыходном положении, в гневе может разрядить в племянницу свой пистолет. Осторожней с этим человеком, Сандокан.

– Это правда, – сказал Тигр со вздохом. – Лорд Джеймс способен в крайней ситуации на все.

– Ты будешь ждать?..

– Да, Янес. Если все же он не решится уехать быстро, я пойду на отчаянный шаг. Мы не можем оставаться здесь долго. Нужно похитить девушку раньше, чем в Виктории узнают, что я здесь и что на Момпрачеме мало людей. Я боюсь за мой остров. Если мы его потеряем, что с нами будет?.. Там наши корабли, там все наши богатства.

– Постараюсь убедить лорда поторопиться с отъездом. А ты пока вели оснастить Прао и собери здесь весь экипаж. Нужно напасть на эскорт внезапно, чтобы сразу взять верх.

– На вилле много солдат?

– С десяток, и столько же слуг.

– Тогда победа обеспечена.

Янес поднялся.

– Возвращаешься? – спросил его Сандокан.

– Нельзя заставлять ждать капитана, который пригласил на ужин сержанта, – ответил португалец, смеясь.

– Как я тебе завидую, Янес.

– Не из-за ужина, конечно, не так ли, Сандокан?.. Девушку ты увидишь завтра.

– Надеюсь, – отвечал Тигр со вздохом. – Прощай, друг; иди и уговори его.

– Я дам знать Параноа через два или три часа.

– Он будет ждать тебя до полуночи.

Они пожали друг другу руки и расстались.

В то время как Сандокан и его люди углубились в чащу, Янес закурил сигарету и направился к парку спокойным шагом; как будто возвращался не из разведки, а с обыкновенной прогулки.

Он прошел мимо часового и принялся расхаживать по парку, так как являться к лорду было еще слишком рано.

На повороте аллеи он встретил леди Марианну, которая, казалось, искала его.

– Ах, миледи, какая удача, – воскликнул португалец, кланяясь.

– Я искала вас, – отвечала девушка, протягивая ему руку.

– Вы хотите сказать мне что-нибудь важное?

– Да, через пять минут мы отправляемся в Викторию.

– Вам дядя это сказал?

– Да.

– Сандокан готов; пираты предупреждены и ждут вашего отряда.

– Боже мой! – прошептала она, закрыв лицо руками.

– Миледи, в такие моменты нужна решимость.

– А мой дядя… Он меня проклянет, мне придется порвать со всеми…

– Но Сандокан сделает вас самой счастливой из женщин.

Две слезы медленно скатились по щекам девушки.

– Вы плачете? – сказал Янес. – Ах! Не плачьте, леди Марианна!

– Я боюсь, Янес.

– Сандокана?

– Нет, будущего.

– Будьте тверды. Сандокан для вас готов на все. Он готов сжечь свои корабли, рассеять свои отряды, он готов забыть свою месть, сказать прощай навсегда Момпрачему и расстаться со своим могуществом. Хватит одного вашего слова, чтобы он решился на это.

– Значит, он так сильно любит меня?

– До безумия, миледи.

– Но кто этот человек? Зачем столько крови, столько мести? Откуда он приехал?

– Выслушайте меня, миледи, – сказал Янес, предлагая ей руку и уводя ее в тенистую аллею. – Большинство думает, что Сандокан не кто иной как обыкновенный пират, вышедший из джунглей Борнео, жадный до крови и богатства. Но они ошибаются: он не пират, он мститель. Ему было двадцать лет, когда он взошел на трон Мулудера, княжества у северного побережья Борнео. Сильный, как лев, храбрый, как тигр, смелый до безрассудства, он с течением времени победил все соседние племена и раздвинул свои границы до княжества Варауни и реки Коти. Но англичане и голландцы, боясь его власти, которая могла распространиться на весь остров, заключили союз с султаном Борнео. Их золото и оружие сделали свое дело. Наемные убийцы уничтожили мать, братьев и сестер Сандокана; банды наемников наводнили княжество, убивая и грабя, совершая неслыханные жестокости. Тщетно Сандокан пытался бороться с ними – бандиты действовали исподтишка. Предательство и измена настигли его в собственном дворце; его родственники пали под ножами убийц, оплаченных белыми, а он в ночь огня и резни едва спасся с горсткой своих храбрецов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.